Ф.-Т. Маринетти.

ФУТУ РИЗМ

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
И. Н. МИХАЙЛОВА.

D 5856990
K 6009989
ANS f 911

МАРИНЕТТИ.

2

МАРИНЕТТИ.

МАРИНЕТТИ.

ФУТУРИЗМЪ

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
Н. Н. МИХАЙЛОВА

1914.

Типографія
Спб Т-ва Печ.
Изд, дѣла
«ТРУДЪ».
Кавалергар., 40

Отъ переводчика.

Издавая книгу Маринетти о футуризмѣ, «Прометей» дѣлаетъ, по моему мнѣнію, то, что давно слѣдовало сдѣлать: познакомить русскую публику съ новымъ движеніемъ, возникшимъ на Западѣ подъ именемъ футуризма и развивающемся все болѣе и болѣе и у насъ. Вотъ почему я охотно принялъ предложеніе издательства перевести эту книгу.

О футуризмѣ у насъ толкуютъ не первый годъ; о немъ пишутъ въ газетахъ и журналахъ; о немъ читаютъ лекціи; въ литературѣ выступила группа поэтовъ, примыкающихъ къ этому направленію.

Между тѣмъ публика до сихъ поръ не имѣетъ понятія, что такое, собственно, «футуризмъ». Она узнаетъ о немъ изъ вторыхъ рукъ, изъ пересказовъ, изобилующихъ умолчаніями, пропусками и обходами; ей преподносятъ футуризмъ очищенный, сокращенный и обезцвѣченный.

Я считаю этотъ пріемъ неправильнымъ. Одно изъ двухъ: или совершенно игнорировать футуризмъ и проходить мимо него молча, или, если ужъ знакомить публику съ этимъ историко-культурнымъ (или антикультурнымъ) явленіемъ, то пусть она узнаетъ его въ настоящемъ и неподдѣльномъ видѣ, безъ пропусковъ и сокращеній, не въ умалчивающемъ пересказѣ, а въ откровенномъ подлинникѣ.

Въ предлагаемой книжкѣ Маринетти, иниціатора, вдохновителя и вожака футуристскаго движенія, читатель найдетъ футуризмъ во всей его широтѣ и полнотѣ, со всей его взъерошенностью и растрепанностью, со всѣми его уродливыми, отталкивающими и грубіянскими сторонами, съ проповѣдью націонализма, милитаризма, войны, какъ «гигіены человѣчества», съ возстаніемъ противъ клерикализма и соціализма, монархіи и республики, либерализма и консерватизма, съ прославленіемъ демократическихъ свободъ, анархистскихъ дерзновеній и всяческой разнузданности, съ походомъ противъ любви, противъ синтаксиса, противъ традицій, съ поклоненіемъ наукѣ и съ обоготвореніемъ машины, съ отголосками стараго ницшеанства и новаго бергсонизма, древняго аминизма и современной энергетики,—съ рѣзкими противорѣчіями мысли при несомнѣнной цѣльности настроенія...

Я думаю, что читатель самъ разберетъ, есть ли жизненные и серьезные элементы въ этомъ новомъ нашествіи вандаловъ и сумѣетъ вынести ему приговоръ; но для этого нужно, чтобы онъ зналъ его въ полномъ составѣ, безъ пропусковъ.

М. Энгельгардтъ.

Парижскимъ студентамъ, чтобы они любили великую футуристскую Италію, которую мы подготовляемъ.

Ф. Т. М.

Фугуристское движенiе, руководимое Ф. Т. МАРИНЕТТИ.

Поэзiя.

Ф. Т. Маринетти.—Паоло Буцци.—А. Палаццески.—Э. Каваккiоли.—Коррадо Говони.
Либеро Альтоморе.—Лючiано Фольгоре.—Дж. Каррьери.—Дж. Manzella-Фронтини.—Марiо Бетуда.
Ауро д'Альба.—Армандо Мацца.—Динамо Корренти.—Франчееско Канджулло, и пр.

Живопись.

У. Боччони.—К.-Д. Карра—Л. Руссоло.
Джакомо Балла.—Дж. Северини.—А. Соффичи и пр.

Музыка.

Балилла Прателла.

Скульптура.

Умберто Боччони.

Женская дѣятельность.

Поэтесса Валентина де Сенъ-Пуанъ.

Искусство шумовъ.

Лунджи Руссоло.

Дирекцiя футуристскаго движенiя: Корсо Венецiя, 61-Миланъ.

Первыя битвы.

Считаю нужнымъ заявить вамъ, что мы слишкомъ страстно любимъ наши футуристскія идеи, чтобы имѣть возможность облекать ихъ въ дипломатическія формы и элегантныя маски.

Итакъ, я буду рѣзко агрессивнымъ въ этой книгѣ, тѣмъ болѣе, что терпѣть не могу полу-словъ и академической элоквенціи. Съ другой стороны остервенѣлая борьба, которую мы ведемъ изо дня въ день противъ всѣхъ и противъ всего въ Италіи, чрезвычайно ожесточила нашу обычную буйность.

Обстоятельства предписываютъ намъ грубіянскія ухватки. Наше рискованное выступленіе не можетъ стѣсняться сантиментами. Волей неволей должны мы грубо вентилировать медленно ползущій дымъ, напускаемый нашими современными скептиками. Выборъ оружія не отъ насъ зависитъ, и мы вынуждены пользоваться каменьями и тяжелыми молотками, щетками и зонтиками, чтобы расталкивать и опрокидывать безчисленную ораву нашихъ враговъ—пассеистовъ [1]).

---

[1]) Чтобъ сохранить стилистическую физіономію подлинника, слово «passéiste» (отъ *passé*—прошлое) слѣдовало бы перевести: «прошловистъ» или «прошедшистъ». Но въ такомъ случаѣ и «futuriste» нужно переводить «будущнистъ»; между тѣмъ, въ нашей литературѣ прочно утвердился терминъ «футуристъ», не переводъ, а простая транскрипція подлинника. Поэтому и его антитезу, «passéiste», мы оставляемъ безъ перевода. *Перев.*

Съ годъ тому назадъ я обнародовалъ въ Фигаро знаменитый *Манифестъ футуризма*. Это былъ брандеръ нашего бунта противъ культа прошлаго, тираніи Академій и низкой продажности, давящихъ современную литературу.

Вамъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно, какимъ взрывомъ полемики, ураганомъ ругани и восторженныхъ одобреній былъ встрѣченъ этотъ манифестъ.

Нужно сказать, однако, что добрая половина нашихъ ругателей абсолютно ничего не поняли въ лирической и нѣсколько сивиллинской вирулентности этого грандіознаго революціоннаго крика.

Къ счастію, у молодежи кровь угадала то, чего не понялъ мозгъ. А вѣдь мы и обращались къ крови итальянской расы, и она-то отвѣтила 22 тысячами ревностныхъ присоединеній молодежи, которыя мы уже насчитываемъ:—и я съ гордостью могу объявить здѣсь, что вся учащаяся молодежь Италіи нынѣ съ нами.

Наше движеніе расширяется со дня на день, захватывая литературную и артистическую среду всего міра. Художники футуристы присоединились къ футуристамъ поэтамъ, а въ самое послѣднее время мы могли съ радостью выпустить манифестъ музыканта футуриста Балилла Прателла, крикъ возмущенія лавочнической и глупо условной формой итальянской мелодрамы.

Наше растущее вліяніе проявляется неожиданнымъ образомъ даже въ писаніяхъ нашихъ противниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, итальянскія газеты посвятили длинныя полемическія статьи безусловно футуристской концепціи послѣдняго романа Габріэля д'Аннунціо, который въ объяснительномъ интервью, подтибрилъ наше утвержденіе о презрѣніи къ женщинѣ, необходимомъ условіи существованія современнаго героя.

Г. Габріэле д'Аннунціо слѣдуетъ за нами издали, какъ обращенный пассеистъ, не имѣя, разумѣется, мужества отказаться отъ своей безчисленной кліэнтелы болѣзненныхъ эротомановъ и элегантныхъ археологовъ.

Но съ насъ не довольно того, что мы можемъ отмѣтить такой рѣшительный отпечатокъ на одномъ изъ самыхъ значительныхъ писателей современной Италіи. Съ насъ не довольно того, что въ нашу защиту мужественно выступили такой геніальный скульпторъ, какъ Виченцо Джелито, и такой знаменитый романистъ, какъ Луиджи Капуана, публично выразившіе сожалѣніе въ итальянской печати, что не могутъ—по причинѣ своего преклоннаго возраста—биться бокъ-о-бокъ съ нами, посредствомъ тумаковъ и звонкихъ оплеухъ, съ старой выродившейся и продажной Италіей.

Ибо мы посредствомъ тумаковъ и звонкихъ оплеухъ боролись въ театрахъ важнѣйшихъ итальянскихъ городовъ.

Послѣ Тріестской побѣды, одержанной въ театрахъ Россетти, мы внезапно выступили снова въ Миланскомъ Лирическомъ театрѣ, передъ публикой въ четыре тысячи душъ, причемъ не поскупились на самыя дерзкія и жестокія истины.

Вокругъ меня собрались великіе двадцатилѣтніе поэты, которымъ уже улыбается слава,—П. Будци, Э. Каваккіоли, Либеро Альтомаре, Армандо Мацца, А. Палеццески. Они изобличали, вмѣстѣ со мною, въ стихахъ и въ прозѣ, позорное состояніе, въ которомъ увязла наша интеллигенція, оппортунизмъ и посредственность, руководящія нашей иностранной политикой, и настоятельную необходимость поднять во что бы то ни стало наше національное достоинство, безъ котораго немыслимы литература и искусство.

Несмотря на бурю перерывовъ и свистковъ, я продекламировалъ отъ начала до конца оду въ честь генерала Азинари де Барнеццо, который былъ несправедливо уволенъ въ отставку за то, что произнесъ передъ войсками черезчуръ футуристскую рѣчь противъ Австріи.

Эта ода, полная оскорбительныхъ выходокъ противъ трусости правительства и монархіи, вызвала страшный гвалтъ. Я обращался то къ публикѣ партера, состоявшей изъ клерикальныхъ и ультра-пацифистскихъ консерваторовъ, то къ райку, гдѣ бурлила масса рабочихъ Палаты Труда, точно грозныя воды, сдержанныя шлюзомъ.

Внезапно одинъ изъ нихъ осмѣлился крикнуть: *Долой отечество!*

Тогда-то, изо всей силы моихъ легкихъ, я бросилъ слѣдующія слова: *Вотъ наше первое футуристское заключеніе!.. Да здравствуетъ война! Долой Австрію!* которыя вызвали баталію во всей залѣ, моментально раздѣлившейся на два лагеря.

Служащіе, въ своихъ шарфахъ, явились на сцену; но мы съ неутомимымъ азартомъ продолжали нашу манифестацію противъ тройственнаго союза, при бѣшеныхъ одобреніяхъ студентовъ. Полицейскіе наводнили сцену, и я былъ арестованъ, но тотчасъ освобожденъ.

Этотъ достопамятный вечеръ вызвалъ великій шумъ въ австрійской и германской прессѣ. Вѣнскія газеты съ бѣшенствомъ требовали у итальянскаго правительства торжественнаго удовлетворенія, которое не было дано.

Въ Туринѣ третій футуристскій вечеръ былъ истинной баталіей Эрнани. На сценѣ самаго большаго изъ городскихъ театровъ появились вмѣстѣ со мною и другими поэтами трое живописцевъ съ большимъ талантомъ: г.г. Боччони, Карра и Руссоло, которые во всеуслышаніе

комментировали и защищали свой манифестъ, столь же бурный и революціонный, какъ манифестъ поэтовъ.

По прочтеніи этого манифеста, который представляетъ изъ себя крикъ возмущенія противъ академическаго искусства, противъ музеевъ, противъ царства профессоровъ, археологовъ, торговцевъ подержанными вещами и антикваріевъ, неслыханный гвалтъ разразился въ залѣ, гдѣ толпилось болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ множество артистовъ.

Ученики Альбертинской академіи привѣтствовали футуристовъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ, тогда какъ часть публики желала заставить ихъ молчать.

Огромная зала не замедлила превратиться въ поле сраженія.

Тумаки и удары тростью, кавардакъ и безчисленныя драки въ партерѣ и въ райкѣ. Вмѣшательство полиціи, аресты, дамы въ обморокѣ среди неописуемой суматохи и толчеи.

Послѣдовали другіе шумные вечера въ Неаполѣ, Венеціи, Падуѣ. Всюду импровизировались два лагеря: чувствующій себя свободнымъ, живымъ, строителемъ будущаго и чувствующій себя рабомъ, умирающимъ, препараторомъ труповъ.

Дѣло въ томъ, что наши слова грубо разоблачили души и стерли полутоны. Мы всюду видѣли, какъ въ какіе-нибудь нѣсколько часовъ возростало мужество и число истинно молодыхъ людей, и забавно терялись гальванизированныя муміи, вызванныя нашими пріемами изъ старыхъ саркофаговъ. Однажды вечеромъ, когда битва была ожесточеннѣе, чѣмъ обыкновенно, насъ втеченіе цѣлаго часа забрасывали множествомъ разныхъ предметовъ.

Мы, по обыкновенію, не поколебались, оставаясь на мѣстахъ и посмѣиваясь.

Было это въ театрѣ Меркаданте въ Неаполѣ. На сценѣ за нами 160 карабинеровъ присутствовали при этой борьбѣ; префектъ полиціи приказалъ имъ предоставить консервативной и клерикальной публикѣ избивать насъ.

Внезапно, подъ градомъ картофеля и гнилыхъ фруктовъ, я поймалъ налету брошенный въ меня апельсинъ. Я очистилъ его съ величайшимъ спокойствіемъ, и принялся ѣсть ломтикъ за ломтикомъ.

Тогда совершилось чудо. Странный энтузіазмъ овладѣлъ этими милыми неаполитанцами, мои свирѣпые враги начали одинъ за другимъ апплодировать, и исходъ вечера оказался въ нашу пользу.

Я, разумѣется, поспѣшилъ отблагодарить новыми оскорбленіями эту ревущую толпу, внезапно охваченную восхищеніемъ, которая поджидала насъ при выходѣ изъ театра, окружила кольцомъ, и образовала достославный кортежъ, провожавшей насъ съ привѣтственными кликами по улицамъ Неаполя.

Послѣ каждаго изъ этихъ громкихъ вечеровъ, мы обыкновенно раздѣляли между собой задачу пропаганды, неся каждый нашу діалектическую и полемическую энергію въ кружки, въ клубы и даже на улицы: во всѣ углы города, устраивая каждый по десятку бесѣдъ въ день безъ отдыха и безъ отсрочки, такъ какъ дѣло, которое мы взяли на себя, требуетъ почти сверхъестественныхъ силъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ футуризмъ весело вступилъ въ столкновеніе съ юстиціей по поводу моего романа *Футуристъ Мафарка*, итальянскій переводъ котораго былъ конфискованъ и обвиненъ въ оскорбленіи добрыхъ нравовъ.

Съ пяти часовъ утра огромная толпа наполняла зданіе суда.

Большой залъ засѣданій, биткомъ набитый публикой, среди которой мелькали изящныя дамскія шляпки, оказался своего рода военнымъ лагеремъ футуристовъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Италіи на защиту великой идеи. Черный и плотный батальонъ, живописцы, поэты и музыканты, почти всѣ очень юные, съ дерзкими и воинственными ухватками, говорившими о готовности на все. Среди нихъ можно было видѣть живописцевъ Буччони, Руссоло, Карра и поэтовъ Буцци, Каваккіоли, Палаццески, Армандо Мацца.

Любопытство публики было обострено знаменитостью и достоинствами адвокатовъ защиты. Учащіеся толпились вокругъ адвоката Борзилаи, лидера республиканской партіи. Подлѣ него находился одинъ изъ величайшихъ итальянскихъ ораторовъ, Инноченцо Каппа, и соціалистъ Соффатти.

Первыя фразы моего допроса, въ которыхъ я напрямки заявилъ, что процессъ очевидно направленъ противъ футуризма, были встрѣчены апплодисментами, кое-какъ прекращенными предсѣдателемъ. Отнюдь не защищая моего романа *Мафарка*, я удовольствовался изложеніемъ моей новаторской программы, литературной и политической, съ идеологической и словесной рѣзкостью, дотолѣ неслыханными въ судѣ.

Моя искренность окончательно покорила наименѣе убѣжденныхъ футуристовъ въ залѣ.

Тотчасъ всталъ внушительнаго вида старецъ съ большимъ лбомъ мыслителя и съ глазами бунтовщика. Это былъ знаменитый романистъ Луиджи Капуана, профессоръ Катанскаго университета, который съ прекрасной сицилійской энергіей высказалъ въ своей литературной

экспертизѣ глубокое восхищеніе *Футуристомъ Мафаркой* и его высокой моральной цѣнностью, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что возрастъ не позволяетъ ему биться въ рядахъ футуристовъ.

Его рѣчь была встрѣчена бѣшеными апплодисментами. Великій авторитетъ Учителя повидимому уже выигралъ дѣло. Съ ропотомъ негодованія встрѣтила толпа рѣчь обвинителя, который путался въ жалкомъ хаосѣ юридическихъ благоглупостей и закончилъ предложеніемъ подвергнуть меня четырехмѣсячному тюремному заключенію.

На второмъ засѣданіи толпа чрезвычайно возросла. Въ залѣ трудно было дышать, когда великій ораторъ Инноченцо Каппа, превзойдя самого себя и достигая истинной возвышенности, описывалъ эпическій вечеръ въ Лирическомъ Театрѣ, гдѣ въ первый разъ сотня футуристскихъ поэтовъ и живописцевъ провозгласила и защищала кулаками свой идеалъ обновленія.

Затѣмъ депутатъ Борзилаи началъ блестящую и глубокую юридическую защиту, внушая, нѣкоторымъ образомъ, своимъ геніемъ и авторитетомъ законодателя благопріятный приговоръ. Въ великолѣпномъ заключеніи своей рѣчи онъ превозносилъ великіе интеллектуальные центры Парижа, благопріятствовавшіе моему литературному развитію.

Послѣ него адвокатъ Саффатти въ потокѣ красочныхъ образовъ и блестящихъ остротъ совершенно раздавилъ обвинительную рѣчь. Затѣмъ, обращаясь къ футуристскимъ поэтамъ и живописцамъ, сплотившимся въ бой подлѣ меня, онъ представлялъ наиболѣе бодрыхъ между ними, уже знаменитыя полотна живописцевъ Руссоло и Карра, послѣднюю выставку Боччони въ Венеціи, прекрасныя поэмы Лючини, Буцци, Каваккіоли и заключилъ

заявленіемъ о своей горячей приверженности къ футуризму.

Трудно описать суматоху и волненіе публики въ ожиданіи приговора.

Какъ только по первымъ фразамъ предсѣдателя футуристы угадали, что я оправданъ, разразилось громогласное ура. Въ порывѣ счастья мои друзья внезапно подняли меня на руки и понесли съ торжествомъ.

Апплодирующая толпа сопровождала футуристовъ по улицамъ Милана съ крикомъ: *Да здравствуетъ футуризмъ!*

Но миланская магистратура, доведенная до бѣлаго каленія, преслѣдовала меня въ судебной палатѣ. Надо было убить футуризмъ. Я былъ приговоренъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы. Но стоило полюбоваться зрѣлищемъ этого второго процесса, ненавистническаго, зловѣщаго и шутовского.

Въ самомъ дѣлѣ, прокурорскій надзоръ рѣзко напалъ на нашу программу интеллектуальнаго героизма и воинственнаго націонализма, которая возстаетъ противъ политической трусости, противъ царства Академій, противъ культа прошлаго и противъ артистическаго меркантилизма.

Приговоръ былъ встрѣченъ ураганомъ шиканья и свистковъ. Чуовищный скандалъ — неслыханная вещь въ судебной палатѣ. Тогда-то пассеистская злоба магистратуры хлынула черезъ край и карабинерамъ былъ отданъ приказъ запереть двери и арестовать всѣхъ присутствующихъ. Полчаса спустя выпустили всѣхъ, чтобы не сажать въ тюрьму сотни лицъ.

Всюду—въ Миланѣ, въ Падуѣ, въ Феррарѣ, Палермо, Мантуѣ, Комо, Пезаро, Бергамо наше присутствіе вызывало бурю энтузіазма и ненависти. Но такъ называемая

нами футуристская революція въ Пармѣ осталась самой незабываемой изъ всѣхъ. Волненіе разразилось на людныхъ улицахъ праздничнаго города, который только что возродился, сверкающій и освѣженный, изъ подъ безчисленныхъ струй дождя. Полиція не допустила футуристскаго вечера, организованнаго нами въ одномъ изъ Пармскихъ театровъ. Пятьдесятъ студентовъ футуристовъ, съ юными и мужественными Каприлли, Таламасси, Копертини, Провинчіали, Бурко и Джори во главѣ, были исключены изъ университета трусливыми ханжами-профессорами. Эта возмутительная несправедливость сдѣлалась причиной грандіозной сумятицы.

Десять тысячъ человѣкъ волновались на улицахъ, вокругъ нашего буйнаго и насмѣшливаго батальона футуристскихъ поэтовъ, живописцевъ, музыкантовъ и учащихся.

Манифестаціи за и противъ приняли необычайно буйный характеръ. Шумный потокъ, испещренный красными пятнами группъ карабинеровъ, бурлилъ подъ балконами, переполненными человѣческими гроздьями. Жестокая схватка. Трое нашихъ ранены въ лицо. Зато мы унесли двадцать пять дубинокъ, отнятыхъ у непріятеля. Улицы перегороженныя войсками; кавалерія принуждена явиться на подкрѣпленіе пѣхоты. Вотъ бѣгутъ берсальеры и зеленая листва волнуется на ихъ шапкахъ. Произведены безчисленные аресты. Требованія полиціи, визгливые звуки трубъ трижды раздирали восхитительный шелкъ неба, откуда двѣ трехцвѣтныя радуги падали на задыхавшуюся грудь коммиссаровъ.

Рѣчь, произнесенная на футуристскихъ митингахъ въ Тріестѣ, Миланѣ, Туринѣ, Неаполѣ.

(Апрѣль—Іюнь 1910).

Я буду говорить вамъ сегодня не объ идеальной сущности футуризма, а о его практической и непосредственно утилитарной точкѣ зрѣнія.

Мы ставимъ своей цѣлью энергическую борьбу и разрушеніе культа прошлаго. Думали ли вы когда-нибудь о неисчислимой арміи умершихъ геніевъ, отнынѣ безспорныхъ, которая облекаетъ со всѣхъ сторонъ и давитъ небольшой батальонъ геніевъ живущихъ? Думаютъ только о мертвыхъ геніяхъ, работаютъ только для нихъ, тратятся только на нихъ! Имъ все предложено, все легко. Пути расчищены, двери открыты. Они съ торжествомъ являются всюду, проходятъ по нашимъ городамъ, входятъ въ наши дома, заражаютъ нашу весеннюю атмосферу могильнымъ запахомъ.

Да, могилы въ ходу. Зловѣщее выступленіе кладбищъ. Мертвые овладѣваютъ живыми. Что сказать о кладбищахъ? Слѣдовало бы называть Италію не *землей* покойниковъ, а *банкомъ покойниковъ*. О! не смѣйтесь: я говорю только грозныя истины. Да, только покойникамъ хорошо платятъ. Что касается живыхъ, то имъ достаются презрѣніе, оскорбленія, клеветы!

Молодые! Вотъ за кого мы ратуемъ, потому что они самые живые изъ живыхъ. Молодые,—имъ дарятъ голодъ!

Надо сказать, что деньги, которыя тратятся въ Италіи на искусство, скопляются не въ глубокихъ карманахъ покойниковъ, а... въ крѣпко сшитыхъ карманахъ ихъ могильщиковъ!—Я имѣю въ виду пассеистскихъ издателей, профессоровъ, эрудистовъ и безсильныхъ крити-

ковъ, съ ихъ подлымъ меркантилизмомъ и завистли-
вымъ злословіемъ, съ которыми мы боремся.

При владычествѣ этихъ эксплоататоровъ прошлаго каждый день убиваютъ какого-нибудь геніальнаго поэта, швыряя ему въ голову мумію великаго поэта, умершаго пять вѣковъ тому назадъ.

Издатели бросаютъ въ корзину рукопись изголодав-шагося генія, и расточаютъ деньги на роскошныя изданія шедевровъ, всѣмъ извѣстныхъ и переизвѣстныхъ и сто тысячъ разъ переиздававшихся. Американскіе мильярде-ры, подстрекаемые этими могильщиками рекламистами, пріѣзжаютъ въ Италію и платятъ бѣшеныя деньги за про-изведенія, единственную цѣнность которыхъ часто со-ставляетъ знаменитая грязь вѣковъ.

Публикѣ навязываютъ анемичную, холодную и усыпи-тельную музыку нашихъ дѣдовъ, межъ тѣмъ какъ моло-дые музыканты тщетно дожидаются въ тоскѣ изнури-тельной нищеты великаго дня, когда пожелаютъ замѣтить что живущій можетъ обладать музыкальнымъ дарова-ніемъ.

Когда мы не находимъ передъ собою чудовищной ар-міи умершихъ геніевъ, намъ приходится бороться съ ме-нѣе могущественной, но столь же многочисленной арміей знаменитыхъ разслабленныхъ. Это не все. Денно и нощно должны мы защищаться отъ коварныхъ нападеній оппортюнистовъ. Я имѣю въ виду низкіе меркантильные умы, которыми кишитъ міръ искусства. Этимъ различ-нымъ арміямъ мумій, труповъ, могильщиковъ и кладби-щенскихъ воровъ мы объявляемъ безпощадную войну.

Культъ прошлаго и артистическій меркантилизмъ вотъ двѣ страшныя холеры, которыя свирѣпствуютъ среди насъ.

Мы презираемъ—какъ гигіену и систему боя—всѣ фор-

мы повиновенія, послушанія, подражанія, застарѣлые вкусы и всякую благоразумную медлительность. Мы ратуемъ противъ большинства, развращеннаго властью и плюемъ на ходячее и традиціонное мнѣніе. Наша поэзія абсолютно внѣ всякихъ путъ, свободна и самопроизвольна какъ огонь вулкана. Нужно, нужно, поймите, убрать рельсы стиховъ, взорвать мосты *Уже сказаннаго*, и пустить локомотивы вдохновенія по неизвѣданнымъ степямъ *Новаго!* Лучше великолѣпное крушеніе, чѣмъ монотонное и предусмотрѣнное заранѣе путешествіе! Слишкомъ долго терпѣли мы начальниковъ станціи въ поэзіи, контролеровъ строфъ и глупую пунктуальность просодическихъ расписаній.

Въ политикѣ? Я не могу развить передъ вами нашу политическую программу. Знайте, что мы ненавидимъ съ одной стороны консервативный, трусливый и клерикальный духъ, а съ другой интернаціоналистскій и пацифистскій соціализмъ.

Всѣ свободы и всяческій прогрессъ въ великомъ кругу Націи! Мы славословимъ патріотизмъ, мы воспѣваемъ войну, колоссальное воспламененіе энтузіазма и великодушія, безъ котораго расы цѣпенѣютъ въ сонномъ эгоизмѣ и въ низкой ростовщической скаредности.

Мы презираемъ и отвергаемъ тиранію любви, эротическое навожденіе, которое, особенно у насъ, латинскихъ народовъ, подкашиваетъ энергію людей дѣйствія.

Всѣ эти жгучія и динамическія идеи раздражаютъ и возмущаютъ публику. Но мы убѣждены, что нѣтъ ничего легче и презрѣннѣе, какъ угодить публикѣ, потакая ея грубымъ и традиціоннымъ вкусамъ. Вотъ почему мы желаемъ угождать только нашему великому футуристскому идеалу и не требуемъ въ настоящее время отъ враждебной публики ничего, кромѣ свистковъ.

Предисловіе къ «Футуристъ Мафарка».

Великіе поджигатели, о, мои братья футуристы!

Вотъ великій романъ брандеръ, который я вамъ обѣщалъ.

Онъ полифониченъ, какъ наши души. Это одновременно лирическая пѣснь, эпопея, романъ съ приключеніями и драма.

Я одинъ осмѣлился написать этотъ шедевръ и изъ моихъ рукъ онъ приметъ смерть, когда растущее великолѣпіе міра поровняется съ его великолѣпіемъ и сдѣлаетъ его излишнимъ.

Что бы ни говорили обитатели Подагры и Паралича, онъ шумитъ, развѣваемый вѣтромъ славы, какъ знамя безсмертія на высочайшей вершинѣ человѣческой мысли. И моя гордость творца удовлетворена.

Не защищайте его: смотрите лучше, какъ онъ прыгаетъ, разрываясь точно хорошо заряженная граната, надъ треснувшими головами нашихъ современниковъ, а затѣмъ пляшите, пляшите военный хороводъ, шлепая въ лужахъ ихъ глупости и не слушая ихъ монотоннаго бурленья!

Когда я сказалъ имъ: «Презирайте женщину!», всѣ они забросали меня грязной руганью, какъ содержатели публичныхъ домовъ послѣ полицейской облавы! А между тѣмъ я оспариваю не животную цѣнность женщины, но ея сентиментальное значеніе.

Я хочу бороться съ жадностью сердца, съ безпомощностью полуоткрытыхъ губъ, впивающихъ тоску сумерекъ, съ лихорадкой шевелюръ, которыя давятъ и превышаютъ черезчуръ высокія звѣзды цвѣта кораблекрушенія... Я хочу одолѣть тираннію любви, навожденіе един-

ственной женщины, великій лунный свѣтъ романтики, омывающій Италію.

Я крикнулъ имъ: «Прославимъ войну!» и съ тѣхъ поръ ужасъ, безумная ледяная рука, угнетаетъ имъ селезенку, забираясь въ самое нутро, между ихъ тѣснымъ желудкомъ и фальшивыми хрупкими ребрами.

Какой живописецъ сумѣетъ воспроизвести на полотнѣ яркую желтую зелень, окрашивающую ихъ щеки, когда они распускаютъ слюни, бормоча канитель о мудрости націй и всемірномъ разоруженіи?

Время отъ времени они бросаются на шею другъ другу, чтобы перевести духъ передъ общимъ натискомъ на насъ, врага, котораго нужно раздавить во что бы то ни стало!..

Забавная и низко-нелогичная порода эти обитатели міра!.. Они никогда не поймутъ, что война есть единственная гигіена міра. Вѣдь я по меньшей мѣрѣ варваръ въ глазахъ этихъ фальшивыхъ ханжей прогресса, которые, чтобы не походить на древнихъ римлянъ, удовольствовались отмѣной ихъ ежедневной ванны!

Впрочемъ, не будемъ останавливаться и смотрѣть, какъ фатально заносятся пескомъ ихъ мозги, которые покидаетъ море. Позабавимся лучше зрѣлищемъ неожиданныхъ порывовъ бѣшенства, на которые еще оказывается способной ихъ трусливая инерція, чтобы напугать насъ. Одни бросаются намъ поперекъ дороги и ихъ накрахмаленная чопорность развязывается, чтобы показаться свирѣпой. Другіе украшаютъ свой провинціальный стиль, чтобы торжественно выразить намъ свое неодобреніе. Но ихъ помпезная благоглупость не уменьшаетъ всеобщей зѣвоты. Надо сказать, что наименѣе глупые остаются пришибленными и молчаливыми, уткнувшись носомъ въ жбанъ своего невѣжества.

О, мои друзья футуристы! смотрите другъ другу въ

лицо!... Вы вѣдь вовсе не похожи на нихъ, насколько мнѣ извѣстно!.. Неужели вы соглашаетесь, подобно имъ, оставаться презрѣнными сынами матки? Неужели вы хотите заглушить ревущее будущее и невычислимое Становленіе человѣка.

Во имя человѣческой Гордости, которую мы обожаемъ, я объявляю вамъ, что близокъ часъ, когда мужчины съ широкими висками и стальнымъ подбородкомъ будутъ чудесно порождаться единственно усиліемъ своей чудовищной воли гигантовъ съ непогрѣшимыми жестами... Я объявляю вамъ, что духъ человѣческій есть непривыкшій къ работѣ яичникъ... Мы впервые оплодотворимъ его...

(1910).

Рѣчь Футуриста Мафарки.

(Извлеченіе изъ романа «Футуристъ Мафарка»).

— Мафарка! Мафарка!

Мафарка внезапно проснулся подъ струящейся лавой африканскаго заката. Онъ долго спалъ въ рытвинѣ неприступныхъ утесовъ, въ глубинѣ бухты, сообщавшейся съ моремъ узкимъ каналомъ. Пурпурное кипѣніе волнъ, пылающихъ безуміемъ и бѣшенствомъ подъ глыбами оцѣпенѣнія, которыя давятъ ихъ. Буря, галопирующая въ открытомъ морѣ.

— Мафарка!... Мафарка!.. Господинъ!.. Господинъ!.. Онъ вскочилъ однимъ прыжкомъ.

— Кто зоветъ меня, тамъ, за мысомъ?.. Кто зоветъ меня среди хриплыхъ завываній валовъ?

Парусное судно изъ пурпура и чернаго дерева появилось въ проходѣ. За нимъ слѣдовали три другія, раскачи-

ваясь, переполненныя черными моряками, точно бочки, набитыя виноградомъ. Человѣческія гроздья съ тысячами жестикулирующихъ рукъ. Столкновеніе голосовъ и хлопанье волнъ въ красной и дымящейся лохани залива. Моряки кричали всѣ разомъ, точно бѣсноватые, въ борьбѣ съ голосами моря.

— Господинъ! Мы твои братья, твои сыны, твои боевые товарищи, явились предложить тебѣ... О! нѣтъ!.. умолять тебя принять высшее начальство!..

Мафарка, стоя неподвижно, отвѣтилъ, плюнувъ въ море:

— Тьфу! Тьфу!.. Бѣгите, племя побитыхъ собакъ и рабовъ! Мнѣ некогда спорить со скотами и трусами!... Стало быть, у васъ нѣтъ своей идеи, воли... у васъ, которые всегда суетились вокругъ меня съ дѣловитой и торжественной торопливостью индюковъ!... Убирайтесь!... Будетъ съ меня вашей презрѣнной жизни, люди полные слабостей, пороковъ и медленной проказы, люди, предназначенные одряхлѣнію и смерти! Я хочу превзойти самого себя, создавъ, единственно усиліемъ моего сердца, юность, болѣе лучезарную, чѣмъ моя, безсмертную юность!... Но зачѣмъ я говорю вамъ объ этомъ?.. По истинѣ, вы неправы, и я сердитъ на васъ за то, что вы явились безпокоить меня здѣсь, въ моемъ уединеніи!... Вотъ, я вынужденъ бросить мой рѣдкій умъ въ море, точно кошку, завязанную въ мѣшкѣ!... Чего вы хотите?... Моей силы и моего генія?.. Абдалла, ты право могъ-бы избавить себя отъ этого труда! Ты, да, ты, мой братъ по оружію... ты, молодой и храбрый воинъ, котораго я отличалъ между всѣми... Неужели ты меня не знаешь?... Неужели ты считаешь меня способнымъ внять вашимъ мольбамъ и послѣдовать вашимъ совѣтамъ?... Да что-же у тебя въ жилахъ? И изъ чего ты сдѣланъ, если почувствовалъ потребность уцѣ-

питься за меня, какъ ребенокъ за юбку матери! Что-же у тебя за мужество, если тебѣ не пришло желаніе убить меня и занять мое мѣсто?... Неужели жизнь такъ долга, что ты готовъ бросить половину ея къ моимъ ногамъ?... По истинѣ, я бѣжалъ, потому что боялся состариться съ этимъ несчастнымъ скипетромъ въ рукахъ! Боялся примиренческихъ замашекъ старости и будущихъ подлостей... Я испытывалъ зависть, ревность къ тебѣ, изъ-за твоей торжествующей юности, которая рано или поздно превзошла-бы меня!...

«Ты предлагаешь мнѣ снова принять скипетръ?.. Скажи лучше, посохъ!... Хорошее времяпровожденіе, и достойное такого героя какъ я, контролировать упражненія солдатъ!... Разъ побѣда была одержана, мое присутствіе теряло всякій смыслъ!.. Пока арабы были моими солдатами, я принималъ это съ гордостью... Но чтобы они сдѣлались моимъ стадомъ!... жалкая участь, одна мысль о которой навѣки запятнала-бы ихъ кровь и мою!... Эти слова не легко произносить, Абдалла; я холодно взвѣсилъ ихъ отчаянное мужество!.. Вотъ почему я предоставилъ плоды побѣды тѣмъ, которые обладаютъ корыстной, мѣшкотной душой и любятъ агонизировать.

«Я знаю, меня обвиняютъ въ томъ, что я бросилъ васъ беззащитными въ виду непріятелей послѣ того, какъ воспользовался вами для того, чтобы создать свое величіе... Во всякомъ случаѣ не для того, чтобы хвастаться имъ, такъ какъ я возвращаю вамъ завоеванный скипетръ!... Но послѣ того какъ воспользовался имъ! Что вы хотите?... Я тотчасъ пресытился имъ!

«Неужели ты хочешь, Абдалла, чтобы я, съ цѣлью укрѣпить мою волю въ сердцахъ народа, подражалъ тѣмъ глупымъ татуировщикамъ ,которые терпѣливо рисуютъ на кожѣ символическія фигуры, тщательно надрѣзая конту-

ры кускомъ раковины, зазубренной въ видѣ пилы? Неужели ты хочешь... чтобы я проводилъ свои дни, колотя изо всѣхъ силъ жестокой колотушкой по грубому матерьялу... Нѣтъ, нѣтъ, я не татуировщикъ и не рѣзчикъ по дереву! Я люблю, чтобы кровь брызгала надъ повторными ударами моей сѣкиры, но не умѣю вводить въ рану маленькой кисточкой краску моихъ идей, истертыхъ и разведенныхъ.

«Я не обладаю лукавой мудростью счетоводовъ... Я могъ-бы захватить власть, но лишь для того, чтобы немедленно уступить ее заботливымъ рукамъ... Мои пальцы, пальцы борца, сокрушили-бы вашу корону. И я не хочу проводить время въ раскрываніи заговоровъ и въ разоблаченіи измѣнниковъ!...»

Чей-то голосъ крикнулъ:

— Господинъ!... Господинъ!... Нѣтъ больше измѣнниковъ, и у тебя не осталось враговъ!... Сторонники Бубассы исчезли... Сабатанъ также!...

— О! Я это знаю, вѣдь это я самъ убилъ его на палубѣ судна, гдѣ онъ устроилъ мнѣ послѣднюю ловушку!

— Слава тебѣ, Мафарка! Слава твоей неодолимой силѣ! Мы нуждаемся въ твоей могущественной рукѣ!..

— На что вамъ она, разъ война кончилась? Впрочемъ, вы можете объявить всѣмъ, что я сдѣлался строителемъ механическихъ птицъ!... Вы смѣетесь?.... А! вы даже не понимаете?... Я строю и рожаю моего сына, непобѣдимую и гигантскую птицу съ огромными гибкими крыльями, созданными для того, чтобы обнимать звѣзды!

«Ничто не одолѣваетъ его, ни брыканье бури, ни хлыстъ молніи! Онъ тамъ, въ глубинѣ залива и вы можете его видѣть. Я работаю тридцать дней, и ни разу не усумнился, что создамъ сына, достойнаго моей души... Безконечность—его удѣлъ!.. Вы не вѣрите въ возможность этого чу-

16

да?... Это потому, что вы не довѣряете своимъ мужескимъ силамъ!... Нужно имѣть радость и волю отдаваться всецѣло чуду, какъ самоубійца отдается морю!... Своими руками я вырѣзалъ моего сына изъ древесины молодого дуба... Я нашелъ составъ, который превращаетъ растительныя волокна въ живое мясо и крѣпкіе мускулы... У него гармоническая и мощная наружность; только никто еще не восхищался имъ... И я работаю моимъ рѣзцомъ ночью при свѣтѣ звѣздъ.

«Днемъ я закрываю его тигровыми шкурами, чтобы работники не грязнили его своими скотскими взглядами... Кузнецы Мильмиллы сооружаютъ, по моимъ указаніямъ, большую клѣтку изъ дуба и желѣза, которая должна защищать моего сына отъ буйнаго вѣтра. Ихъ двѣ тысячи, согнанныхъ ихъ деревень ударами плети и покоренныхъ моимъ голосомъ. Ткачи Лагахурсо приготовляютъ тѣмъ временемъ прочную и легкую матерію, которая должна обтягивать большія крылья изъ китоваго уса. Это неразрушимое полотно, сотканное изъ пальмовыхъ волоконъ и окрашивающееся подъ лучами солнца въ различные оттѣнки золота, ржавчины и крови».

Онъ ходилъ большими взлетающими шагами по вершинѣ скалъ. Его тѣло казалось настолько освободившимся отъ человѣческой неловкости и грузности, что минутами онъ бѣжалъ, крылатый и свободный, на трепетаніе парусовъ и крики матросовъ, точно колоссальный орелъ, защищающій свой выводокъ.

Абдалла, взобравшись на мачту, кричалъ:

— Мафарка! Мафарка! мы предлагаемъ тебѣ наши силы, и наши руки готовы служить тебѣ въ этой божественной работѣ!...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Благодарю васъ, обитатели Телль-Эль-Кибира... Абдалла! тебѣ досталась власть надъ горо-

домъ!... Къ тому-же, это не такіе подданные, какихъ-бы я хотѣлъ, а рабы.

Внезапно громъ грянулъ надъ моремъ. Молнія, точно гигантъ, головой внизъ между соединенными руками, и съ искрящимися золотомъ ногами, махнула электрическимъ и фіолетовымъ прыжкомъ съ облачнаго трамплина прямо въ море, и нырнула въ пучину. Стадо волнъ, буйволовъ съ дымными рогами, металось въ открытомъ морѣ передъ заливомъ, подстерегая предназначенную ему добычу, суда и людей, тѣснившихся въ бухтѣ.

— Ступай, Абдалла! Ступай!.. ты видишь: буря подстерегаетъ васъ!... А я не могу васъ спасти!... Невозможно вскарабкаться на эти скользкія стѣны.

Прекрасный воздушный голосъ Мафарки отвѣчалъ грому.

Говоря это, онъ ходилъ большими шагами по высокимъ утесамъ, и его ротъ, раздувавшійся отъ брызговъ, металъ мощныя слова, подобныя сѣкирамъ, рубившимъ шквалы.

— Уходи!.. Я не хочу видѣть, какъ вы утонете въ этой воронкѣ!

Но Абдалла отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ!... Что для насъ значатъ буря и смерть?.. Мы хотимъ еще разъ видѣть твое лицо!.. Мы хотимъ, чтобы наши глаза, обреченные смерти, упились твоимъ мощнымъ образомъ...

Тогда Мафарка выпрямился во весь ростъ, восклицая:

— Алла! Алла! благодарю тебя! Ибо вотъ: мои уроки принесли, наконецъ, чудные плоды!.. Да, да, Абдалла!.. Да, да, братья, я открываю вамъ объятія и прижимаю васъ къ моему сердцу, потому что вы достойны слушать таинственное слово моей религіи!... Я учу васъ презирать смерть, питаться опасностью, играть вашей жизнью,

какъ вы и дѣлаете ради идеи, ради взгляда, ради зрѣлища.

— Ваши глаза яснѣе и сильнѣе, чѣмъ когда-либо! Ваши уши могутъ слышать голосъ солнца и рыданіе звѣздъ въ эту минуту, когда буря обрушивается на васъ съ своими огромными вертящимися бичами пѣны, хлещущими волны!... Я учу васъ выдѣлять изъ вашихъ мускуловъ, изъ вашихъ ртовъ волю, какъ раскаленное дыханіе печи, какъ сверхъестественную силу, чтобы она могла покорять, превращать и поднимать дерево, гранитъ, желѣзо и всѣ металлы...

«Такъ я высвобождаю нынѣ мою волю, еще юную и могучую, изъ моего тѣла, уже обветшавшаго отъ безплодныхъ усилій... Такъ я вдуваю мою волю въ новое тѣло моего сына. Онъ будетъ силенъ всей своей красотой, которую никогда не возмущало зрѣлище смерти! Я передамъ ему мою душу въ поцѣлуѣ, я буду обитать въ его сердцѣ, въ его легкихъ и за оконницами его глазъ.... Я склонюсь надъ красными террасами его губъ... Онъ прекраснѣе всѣхъ мужчинъ и женщинъ земли. Его гигантская статуя имѣетъ двадцать локтей въ вышину, а его всемогущія руки могутъ дѣйствовать цѣлый день крыльями, болѣе широкими, чѣмъ шатры бедуиновъ и кровли вашихъ хижинъ. Ибо знайте, что я породилъ моего сына безъ помощи женщины!.. *). Вы не понимаете меня?.. Слушайте же... Однажды вечеромъ я внезапно спросилъ себя:—Есть ли надобность въ гномахъ, бѣгающихъ точно матросы по палубѣ моей груди, чтобы поднять мои руки?.. Есть ли надобность въ капитанѣ на ютѣ моего лба, чтобы открыть мои глаза, какъ два компаса?... На оба эти вопроса мой непогрѣшимый инстинктъ отвѣтилъ: «Нѣтъ»! Отсюда я заключилъ, что возможно выдѣлить изъ моего тѣла, безъ

*) Въ подлинникѣ: au secours de la vulve.

содѣйствія женщины *), безсмертнаго гиганта съ непогрѣшимыми крыльями!

«Вы должны вѣрить въ абсолютное и окончательное могущество воли, которое нужно воспитывать, усиливать, слѣдуя жестокой дисциплинѣ, до того момента, пока она вырвется изъ нашихъ нервныхъ центровъ и ринется за предѣлы нашихъ мускуловъ съ невообразимой силой и быстротой.

«Наша воля должна выйти изъ насъ, чтобы завладѣть матеріей и видоизмѣнять ее по нашей прихоти. Мы можемъ такимъ образомъ обработывать все, что насъ окружаетъ и безъ конца обновлять лицо міра. Скоро, если вы обратитесь къ вашей волѣ, вы будете рожать, не прибѣгая къ женщинѣ **).

«Такъ я убилъ Любовь, замѣстивъ ее возвышеннымъ сладострастіемъ Героизма! Чтобы вкусить это новое упоеніе, вы должны обострить до судорогъ наслажденіе исполненной задачи, а для этого постепенно увеличивать ваше усиліе, удаляя его цѣль. Нужно довести до самаго упоительнаго восторга сожалѣніе о разрушенныхъ ласкахъ. Нужно господствовать надъ томными, увлекательными и меланхолическими пейзажами, надъ всѣми сумерками и всѣми лунными свѣтами земли, глядя на нихъ неумолимымъ взоромъ. Нужно подготовлять и культивировать всѣ опасности, чтобы дисциплинировать острое удовольствіе ихъ избѣжанія.

«Вотъ новое Сладострастіе, которое освободитъ міръ отъ Любви, когда я осную религію экстеріоризованной Воли и повседневнаго Героизма.

«Но гдѣ же ваша воля?.. Гдѣ же вашъ героизмъ?..

---

*) Въ подлинникѣ: sans le \secours de la puante complicité de la matricité de la femme.

**) Въ подлинникѣ: de la vulve de la femme.

Вѣдь храбрости вамъ не занимать стать, потому что вы долго ласкали утробу Смерти на валахъ! Но желаніе ваше было черезчуръ слабо.. Вотъ почему она не сочла васъ достойными своего ложа, осыпаннаго алмазами червей! Такъ вы всё еще не понимаете? Что за скоты!... Не надѣйтесь, что я вдуну въ васъ принципы моей философіи на подобіе игроковъ въ зоммаракъ, постепенно надувающихъ щеки! Вотъ моя мысль, стиснутая какъ мой кулакъ... Подобно тому какъ есть безчисленные осколки органической матеріи, кишащіе вокругъ солнца, отъ котораго они получаютъ свѣтъ и къ которому остаются привязанными невидимыми, но неразрушимыми узаами и сыновней вѣрностью, точно также каждый изъ насъ получаетъ отъ вселенной безпрестанный свѣтъ и обогащается иногда воспоминаніями и ощущеніями, собранными въ его паломничествѣ, въ теченіе безконечныхъ трансформацій, пережитыхъ его безсмертной матеріей!..

«Нашъ духъ, высшее проявленіе организованной и живой матеріи, сопровождаетъ во всѣхъ своихъ трансформаціяхъ саму матерію, сохраняя въ своихъ новыхъ формахъ ощущенія своего прошлаго, тонкія вибраціи своей энергіи, упражнявшейся раньше... Божественность и индивидуальная непрерывность вольнаго и всемогущаго духа, который нужно экстеріоризовать, чтобы измѣнить міръ!.. Вотъ единственная религія!..

«Будемъ устремлять къ великолѣпію всѣ минуты нашей жизни актами бурной воли, отъ риска къ риску, непрерывно ухаживая за Смертью, которая обезсмертитъ грубымъ поцѣлуемъ фрагменты нашей вспоминающей матеріи во всей ихъ красотѣ!..

«Такъ украсятся будущія существованія, когда новыя жизненныя формы будутъ жить удвоенной радостью нашихъ чудовищныхъ жизней.

«Прославляю насильственную Смерть въ концѣ юности, Смерть, которая срываетъ насъ, когда мы становимся достойными ея обожествляющихъ наслажденій!.. Горе тому, кто предоставляетъ дряхлѣть своему тѣлу и блекнуть своему уму!..»

При этихъ словахъ сынъ Мухтара выпрямилъ свой гигантскій станъ на бушпритѣ судна и пропѣлъ слѣдующія слова:

— Я вѣрю въ тебя, Мафарка!.. Ты сейчасъ увидишь, какъ я умру въ торжествующемъ великолѣпіи моей юности!..

Потомъ, съ высоты колыхающагося на волнахъ носа, онъ кинулся, разставивъ руки, на остріе скалы, пронзившее ему животъ, и повисъ на немъ, какъ на вертелѣ, съ кровавымъ трепетаніемъ тунца, пригвожденнаго шквалomъ.

Ревъ былъ отвѣтомъ на его раздирающій предсмертный вопль.

— Молчать!—крикнулъ Мафарка.—Я возвышаю голосъ, потому что сама Смерть не имѣетъ ни права, ни силы лишать меня слова.

Онъ стоялъ, не уступая вѣтру, который осаждалъ его со всѣхъ сторонъ бурными порывами, какъ толпа поднимаетъ на руку своего тирана или своего освободителя. И его голосъ парилъ надъ трескомъ сталкивающихся мачтъ и рей и надъ хлопьями летучей пѣны, которую цѣпы вѣтра-молотильщика крошили на току этого трагическаго залива.

— Смотрите на мою закаленную душу, мои гибкіе и вибрирующіе нервы, покорные неумолимой и ясной волѣ!.. Мой металлизированный мозгъ всюду видитъ рѣзкіе углы и суровыя симметрическія системы. Вотъ, передо мной, грядущіе дни, опредѣленные, прямые и параллельные,

какъ военныя дороги, вѣрно проложенныя арміями моихъ желаній!.. Что до отдаленнаго прошлаго моей юности, то оно уничтожено! уничтожено!.. Бывали и у меня вечера любви, когда я охотно закрывалъ себѣ глаза свѣжими руками дѣвственницы... И пряталъ голову между благовонными грудями, чтобы не видѣть многообразныхъ упрековъ, поднимавшихся какъ тучи на горизонтѣ. Да, любовь, женщина... Это можетъ на мгновеніе скрыть небо и наполнить колодезь пространства... Но я вычеркнулъ ихъ изъ моей памяти! А между тѣмъ на моей родинѣ есть тѣнистые уголки, гдѣ свѣтъ въ сумерки былъ ласковъ и задушевенъ... Звѣзды казались такими родными, что хотѣлось протянуть имъ пригоршню проса, какъ серебристымъ воробьямъ... А ночь угождала моей низости. Въ объятіяхъ женщины я чувствовалъ, какъ воспоминаніе о слабостяхъ дня всползало по моимъ ногамъ, проникало въ мое сердце, ощупью пробираясь по моимъ развинченнымъ и лихорадочнымъ нервамъ, тогда какъ мое воображеніе предавалось очаровательнымъ и золотистымъ призракамъ при быстромъ полетѣ ощущеній... Все это отрава жизни!.. Тогда я мечталъ и страдалъ ото всего: оттого, что жилъ и желалъ, мечталъ и прислушивался къ моему страданію въ тѣни!.. Поэзія! поэзія! О, возвышенное гніеніе души... И вотъ, наконецъ, я таковъ, какимъ хотѣлъ быть: обреченный самоубійству и готовый породить бога, котораго каждый носитъ въ своихъ внутренностяхъ! Моя смерть необходима для жизни! Тѣмъ лучше!... Упоеніе разбить себя какъ скорлупу яйца, изъ котораго вылупится идеальный цыпленокъ!.. Вѣсы жизни и смерти, живѣе взвѣсьте мои дни! Я держу свою судьбу въ рукѣ, какъ челку вѣрнаго коня, готовый нестись туда, куда улетаетъ орелъ моего желанія.

Море скандировало голосъ Мафарки грохотомъ буру-

новъ о прибрежные камни. Въ тактъ каждой изъ этихъ фразъ, подхватываемыхъ вѣтромъ, прибой точно металъ тысячи труповъ въ пасть утесовъ.

Барки бѣшено качались, встряхивая копошащіяся тѣни матросовъ, облѣпившихъ мачты, точно овода ноги опрокинувшейся лошади.

Мафарка кричалъ имъ:

— Прощаюсь съ вами и благословляю васъ!... Примите поцѣлуй вашего учителя и вашего царя!... Ступайте, я приказываю вамъ! Берегитесь! берегитесь! Вниманіе! Поворачивайте же! Вниманіе, Абдалла! Пусть каждая барка скользитъ по одиночкѣ въ проливѣ, отдавая фокъ, чтобы воспользоваться теченіемъ!.. Подберите весла!... Вы изломаете ихъ! Не отдавайте высокихъ парусовъ, иначе шквалъ, который поднялся выше утесовъ, завертитъ васъ въ водоворотѣ!... Ступайте! Впередъ! Одинъ за другимъ, скользя по зыби!... Поддерживайте равновѣсіе, люди на борту: двое на носу и двое на кормѣ!... Такъ! такъ!... Браво, Абдалла!.. Такъ! И пусть тѣ изъ васъ, которые останутся въ живыхъ, возвѣстятъ городу Телль-Эль-Кибиру, что Мафарка скоро отдастъ свою душу въ уста своего сына Газурма, непобѣдимаго, властелина пространства, гиганта съ огромными оранжевыми крыльями!

Пока онъ говорилъ эти слова, ревущее стадо морскихъ буйволовъ ринулось на утесы, въ ужасающей толчеѣ дымящихся круповъ и роговъ, опрокидывая барки, толкавшіяся въ заливѣ. Только двѣ ускользнули на всѣхъ парусахъ по каналу, точно воры.

— Прощайте, прощайте, братья! Смерть держитъ васъ въ своихъ синеватыхъ губахъ и высасываетъ вашу кровь, и ея ласки пятнаютъ вамъ тѣло, и ея поцѣлуи сладострастно обдираютъ васъ... Наслаждайся, наслаждайся, о, Абдалла! Наслаждайся, другъ мой, среди хрипѣнія безпо-

мощныхъ и изломанныхъ веселъ, столкновенія мачтъ и раздирающаго хохота истерическихъ парусовъ, которые сгораютъ желаніемъ обнажиться... обнажиться и облиться любовнымъ потомъ въ рѣжущихъ объятіяхъ Смерти.

Мафарка кидался вправо, влѣво на гребнѣ скалъ, возбуждая къ сладострастію смерти всѣ эти тѣла, истоптанныя, исковерканныя, раздавленныя въ кашу на скалахъ, всѣ эти жизни, корчившіяся отъ наслажденія на метавшемся тѣлѣ черной богини.

— Умирай!—кричалъ онъ.—Умирай отъ наслажденія, плоть человѣческая!... Умирай отъ сладострастія!...

Голосъ Мафарки сталъ хриплымъ и прерывистымъ, какъ голосъ любовника, который силою ласкъ доводитъ тѣло свой обожаемой любовницы до ужаснаго спазма, говоря ей:—наслаждайся! наслаждайся, моя возлюбленная! Наслаждайся всюду! Въ своей груди и въ своихъ розовыхъ устахъ!... Ты страдаешь отъ наслажденія, не правда-ли?... О! страдай еще!...»

Въ морѣ двѣ уцѣлѣвшія барки плыли одна за другой, черныя, танцующія и величественныя въ вихрѣ валовъ, а ихъ пѣнистый слѣдъ смѣялся на черномъ деревѣ волнъ, какъ ротъ негра.

Предисловіе къ поэмѣ «Разрушеніе». Футуристскіе живописцы—Боччони, Карра, Руссоло, Балла, Серевини!

Вотъ разсказъ о процессѣ моего *Футуриста Мафарки*. Онъ будетъ усладительнымъ чтеніемъ для васъ, которые свирѣпо боролись и сокрушали тумаками, оплеухами и идеями обитателей Падагры и Паралича, бунтовавшихъ противъ насъ въ итальянскихъ театрахъ.

Не считайте этого разсказа защитой моей книги: она не нуждается въ защитѣ.

Въ самомъ дѣлѣ футуризмъ не признаетъ законовъ, кодексовъ, магистратовъ, полицейскихъ, сводниковъ и евнуховъ моралистовъ, составляющихъ то, что называютъ въ Италіи Правосудіемъ.

Футуризмъ, есть хлыстъ, посредствомъ котораго мы ежедневно возобновляемъ обращеніе крови въ лицѣ итальянскихъ пассеистовъ. Футуризмъ есть динамитъ, трещащій подъ развалинами черезчуръ почитаемаго прошлаго.

Хлыстъ или динамитъ?

То и другое, но этого недостаточно! Мы навязываемъ міру нѣчто большее. Мы желаемъ создать заразу новаторскаго мужества, и вотъ, эта зараза уже распространяется вокругъ насъ. Вѣдь мы уже видѣли, какъ иные изъ нашихъ враговъ съ мольбою протягиваютъ къ намъ руки и привѣтствуютъ насъ тѣми же устами, которыя освистывали насъ.

Эти умирающіе, постигнутые эпидеміей трусости, были безъ сомнѣнія опьянены зажигательнымъ хмѣлемъ нашего героизма. Впрочемъ, достославная страсть къ искусству придавала нашимъ глазамъ магнетическую лучезарность маяковъ, которые спасаютъ или убиваютъ.

Абсолютная страсть, не извлекающая своей силы изъ унизительной надежды на безсмертіе, мечты корыстныхъ душъ! Абсолютная страсть, вотъ что мы предлагаемъ Искусству, которое заслуживаетъ и требуетъ жертвы лучшихъ.

Жертва! Жертва! Въ самомъ дѣлѣ мы желаемъ, чтобы произведеніе искусства сжигалось вмѣстѣ съ трупомъ автора. То, что остается отъ умершаго генія, заражаетъ хандрой, благоразуміемъ и лукавой мудростью живыхъ геніевъ.

Кто можетъ спорить со мною, когда я утверждаю, что

Божественная Комедія въ настоящее время только нечистое костище глоссаторовъ. Къ чему останавливаться на поляхъ сраженія мысли, когда битва кончилась, чтобы расчленять трупы, изучать прекрасныя раны, подбирать брошенную добычу подъ тяжеловѣснымъ полетомъ ученаго воронья съ крыльями изъ старой бумаги.

Футуризмъ есть огромная глыба раскаленныхъ металловъ, которую мы извлекли нашими руками изъ нѣдръ вулкана и подняли къ небу. Мы идемъ теперь по крутому склону, поднявъ свои обугленныя руки, чтобы высоко держать эту драгоцѣнную глыбу и смѣшиваемъ наши солидарныя дыханія, не обращая вниманія на то, кто изъ насъ превосходитъ другихъ силой своихъ мускуловъ и объемомъ своихъ неутомимыхъ легкихъ. Что за важность, что наши слѣды непрерывно стираются тѣми, которые слѣдуютъ за нами. У насъ нѣтъ ни генераловъ, ни солдатъ, ни учителей, ни учениковъ. Одно желаніе движетъ, сплачиваетъ и направляетъ наши ряды, желаніе никогда не уронить на землю эту огромную раскаленную глыбу, которую мы хотимъ взнести на возвышеннѣйшую вершину человѣческой мысли, чтобы міръ обрѣлъ наконецъ *болѣе мощный пылъ насилія, болѣе интенсивную ясность героизма, болѣе жгучую лихорадку свободы, болѣе безумное опьяненіе новизной.*

(1911)

Маринетти.

Венеціанская битва.

8 іюля 1910 г. восемьсотъ тысячъ листковъ съ *Футуристкимъ Манифестомъ венеціанцамъ* были брошены футуристскими поэтами и живописцами съ высоты Башни Часовъ на разряженную толпу, возвращавшуюся съ Лидо. Такъ открылась кампанія, которую футуристы ведутъ уже три года противъ пассеистской Венеціи.

Рѣчь венеціанцамъ, импровизированная поэтомъ Маринетти у рампы театра Фениче, вызвала страшную баталію. На долю футуристовъ достались свистки, на долю пасеистовъ—тумаки. Футуристскіе живописцы Боччони, Руссоло и Карра подчеркивали эту рѣчь звонкими оплеухами. Тумаки Армандо Маццо, футуристскаго поэта, и въ то-же время атлета, остались достопамятными.

Футуристскій Манифестъ венеціанцамъ.

Мы отвергаемъ старинную Венецію, истощенную болѣзненными вѣковыми наслажденіями, хотя мы долго любили и лелѣяли ее въ тоскѣ великой скорбной мечты.

Мы отвергаемъ Венецію Иностранцевъ, рынокъ плутоватыхъ антикваріевъ и старьевщиковъ, магнитный полюсъ снобизма и всемірной глупости, кровать, подавленную безчисленными караванами любовниковъ, драгоцѣнную купальню космополитическихъ куртизанокъ, огромную клоаку поссеизма.

Мы желаемъ вылѣчить и зарубцевать этотъ гніющій городъ, великолѣпную рану прошлаго.

Мы желаемъ оживить и облагородить венеціанскій народъ, утратившій свое первоначальное величіе, морфинизированный отвратительной трусостью и униженный рутиной своихъ темныхъ торговыхъ дѣлишекъ. Мы желаемъ подготовить рожденіе Венеціи промышленной и военной, которая будетъ господствовать надъ Адріатическимъ моремъ, этимъ великимъ итальянскимъ озеромъ.

Поспѣшимъ засыпать мелкіе вонючіе каналы обломками старыхъ обветшавшихъ и прогнившихъ дворцовъ.

Сожжемъ гондолы, эти качели кретиновъ, и воздвигнемъ до небесъ внушительную геометрію огромныхъ металлическихъ мостовъ и фабрикъ, увѣнчанныхъ шевелю-

рами дыма, чтобы уничтожить повсюду тоскливую кривизну старинной архитектуры!

Да придетъ наконецъ ослѣпительное царство Божественнаго Электричества, которое избавитъ Венецію отъ ея продажнаго луннаго свѣта мёблированнаго отеля.

Маринетти,
Боччони,
Карра,
Руссоло.

Футуристская рѣчь венеціанцамъ.

Венеціанцы! Когда мы кричали: *Убьемъ лунный свѣтъ!* мы думали о васъ, венеціанцы, мы думали о тебѣ, Венеція, прогнившая отъ романтизма!.. Но теперь нашъ голосъ растетъ и мы прибавляемъ во всеуслышаніе: «О! Избавимъ наконецъ міръ отъ тиранніи любви!» Мы устали отъ эротическихъ приключеній, сладострастія, сантиментализма и тоски! Зачѣмъ-же ты хочешь снова предлагать намъ женщинъ подъ вуалями на всѣхъ перекресткахъ твоихъ каналовъ?.. Довольно! Довольно! Перестань же нашептывать непристойныя приглашенія всѣмъ прохожимъ земли!.. Венеція! старая сводня, согнувшаяся подъ тяжелой мантильей своихъ мозаикъ! Кому же еще подготовляешь ты изнурительныя романтическія ночи, жалобныя серенады и зловѣщія засады?

Я такъ же любилъ, подобно множеству другихъ, о, Венеція, роскошную полутѣнь твоего Каналь-Гранде, пропитанную страннымъ сладострастіемъ... Я также любилъ лихорадочную блѣдность твоихъ прекрасныхъ любовницъ, которыя скользятъ съ балконовъ по лѣстницамъ, сплетеннымъ изъ молній, дождевыхъ струй и лунныхъ

лучей, подъ звонъ скрестившихся шпагъ. Будетъ! Будетъ! Все это нелѣпое старье, этотъ гнусный и раздражающій хламъ возбуждаетъ въ насъ тошноту!

Мы желаемъ отнынѣ, чтобы электрическія лампы съ тысячами лезвій свѣта грубо разодрали твой таинственный, околдывающій, убѣдительный мракъ. Твой Каналь-Гранде фатально сдѣлается большимъ торговымъ портомъ. Вагоны и трамваи, пущенные по широкимъ улицамъ, проложеннымъ надъ твоими, засыпанными наконецъ, каналами, будутъ выгружать груды товаровъ среди богатой и дѣловой толпы промышленниковъ и торговцевъ.

Венеціанцы, рабы прошлаго, перестаньте рычать на мнимое безобразіе локомотивовъ, трамваевъ и автомобилей, изъ которыхъ мы извлечемъ силой генія великую футуристскую эстетику. Эти дивныя орудія скорости могутъ всегда раздавить какого-нибудь педанта профессора, грязнаго и смѣшного подъ своей тирольской шапочкой!

Но вы охотно падаете ницъ передъ всѣми посѣтителями, потому что вы заражены отвратительнымъ сервилизмомъ!

Венеціанцы! Венеціанцы! Почему вамъ хочется нынѣ и всегда оставаться вѣрными рабами прошлаго, гнусными сторожами величайшей б... Исторіи, служителями самаго печальнаго госпиталя міра, гдѣ тоскуютъ души, смертельно отравленныя ядомъ сантиментализма.

О! У меня нѣтъ недостатка въ образахъ, когда я хочу опредѣлить вашу невыразимую лѣнь, столь-же тщеславную и глупую, какъ лѣнь сына великаго человѣка или мужа знаменитой пѣвицы! Не могу-ли я сравнить вашихъ гондольеровъ съ могильщиками, которые мѣрно роютъ вонючія могилы на затопленномъ кладбищѣ?

Но вы не оскорбляетесь, потому что ваша низость неизмѣрима...

Извѣстно, впрочемъ, что вы заняты мудрой заботой объ обогащеніи Общества Большихъ Отелей, и что съ этою цѣлью вы упорно гніете на мѣстѣ. А вѣдь когда-то вы были непобѣдимыми воинами и геніальными артистами, смѣлыми мореплавателями и хитроумными промышленниками...

Но теперь вы только отельные гарсоны, чичероне, сводники, плутоватые антикваріи, фабриканты старыхъ картинъ, живописцы пачкуны, копіисты и плагіаторы!

Такъ вы забыли, что вы прежде всего итальянцы? Знайте, что это слово, на языкѣ исторіи, значитъ: Строители Будущаго!.. Полно! Надѣюсь, вы не станете защищаться, ссылаясь на притупляющее дѣйствіе сирокко! Это тотъ самый вѣтеръ, который надувалъ своими жгучими и воинственными порывами паруса героевъ Лепанто! Это тотъ самый африканскій вѣтеръ, который когда-нибудь, въ адскій полдень, разомъ ускоритъ работу водъ, разъѣдающихъ фундаменты вашихъ дворцовъ.

О! мы всѣ будемъ плясать и апплодировать въ этотъ день, поощряя Лагуны... Руки станутъ искать руки, чтобы образовать огромный и безумный хороводъ вокругъ знаменитой затопленной руины... и мы всѣ будемъ безъ ума отъ радости, мы, послѣдніе возмутившіеся ученики этого черезчуръ мудраго міра!

Такъ именно, о, венеціанцы, мы пѣли, плясали и смѣялись передъ агоніей острова Филы, погибшаго, какъ старая крыса, благодаря Ассуанской плотинѣ, этой мышеловкѣ съ электрическими дверцами, посредствомъ которой футуристскій геній Англіи овладѣваетъ священными бѣгущими водами Нила.

Вы можете, конечно, называть меня варваромъ, неспособнымъ наслаждаться божественной поэзіей, витающей надъ вашими заколдованными островами!.. Полноте! Не-

чѣмъ тутъ гордиться! Вамъ стоитъ только освободить Торчелло, Бурано, Изола-деи-Морти отъ всей болѣзненной литературы и нездоровыхъ грезъ, которыми окутали ихъ поэты,—и вы будете въ состояніи, смѣясь вмѣстѣ со мною, видѣть въ этихъ островахъ огромныя кучи изверженій, оставленныхъ мамонтами тамъ и сямъ среди вашихъ доисторическихъ лагунъ.

Но вы обожаете ихъ въ экстазѣ, счастливые возможностью гнить въ вашей соленой водѣ, безъ конца обогащая Общество Грандъ Отелей, заботливо подготовляющее галантныя ночи для всѣхъ великихъ міра.

Конечно, небезвыгодное дѣльце разжечь любовь у повелителя...

Для этого вашему знатному гостю нужно долго разъѣзжать по грязнымъ водамъ этого громаднаго сточнаго жолоба, наполненнаго черепками старыхъ горшковъ... Нужно, чтобы его гондольеры разворошили не одинъ километръ разжиженныхъ экскрементовъ, въ божественной атмосферѣ отхожихъ мѣстъ, пробираясь среди лодокъ, наполненныхъ прекрасными нечистотами, дабы онъ могъ, наконецъ, достигнуть своей цѣли, какъ повелитель, довольный собой и своимъ скипетромъ.

Вотъ въ чемъ, вотъ въ чемъ ваша слава, венеціанцы!

О! Краснѣйте отъ стыда, и падайте ничкомъ, другъ на друга, на подобіе груды мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ и каменьями, чтобы образовать укрѣпленіе на границѣ, межъ тѣмъ какъ мы будемъ подготовлять великую и сильную Венецію, промышленную и военную, господствующую надъ Адріатическимъ моремъ, этимъ большимъ итальянскимъ озеромъ!

Маринетти.

Футуристская прокламація къ испанцамъ.

(Опубликованная и распространенная въ Испаніи Мадридскимъ журналомъ «Prometeo»).

(Іюнь 1911).

Мнѣ грезился великій народъ:—безъ сомнѣнія вашъ, Испанцы.

Я видѣлъ, какъ онъ шелъ изъ вѣка въ вѣкъ, завоевывая горы, всё болѣе высокія, къ великому свѣту, сіявшему изъ-за неприступныхъ вершинъ.

Съ высоты зенита я созерцалъ, въ грезахъ, какъ ваши безчисленные нагруженные корабли тянулись длинными вереницами муравьевъ на зеленой степи моря, связывая острова съ островами, точно муравейники, не обращая вниманія на циклоны, чудовищные пинки бога, котораго вы не боялись.

Вы же, строители городовъ, солдаты и земледѣльцы, вы шли твердымъ шагомъ, созидавшимъ дороги, и тащили за собой длинный обозъ женщинъ, дѣтей и вѣроломныхъ монаховъ.

Они-то и предали васъ, навлекши на вашу двигавшуюся армію всѣ тяжелые климаты Африки, воздушныхъ волшебниковъ и сводниковъ, ковавшихъ заговоры въ мрачныхъ ущельяхъ Сіэрры Невады.

Тысячи ядовитыхъ вѣтерковъ подстерегали васъ на походѣ, тысячи нѣжныхъ весенъ на крыльяхъ вампировъ усыпляли васъ сладострастіемъ.

Тотчасъ волчицы распутства завыли въ лѣсной чащѣ. Подъ медлительными розовыми порывами сумерекъ, мужчины осыпали поцѣлуями нагихъ женщинъ, отдаваясь ихъ объятіямъ. Быть можетъ, они надѣялись свести с

ума ревностью неуловимыя звѣзды, затерянныя тамъ, въ пропасти ночей! Или страхъ смерти заставлялъ ихъ повторять безъ конца игры смерти на ложахъ любви. Конечно, послѣднее пламя угасавшаго Ада мчало ихъ мужескія чресла, воспаленныя жадностью къ прекрасному полу. А между тѣмъ, старое христіанское солнце умирало въ суматохѣ тучъ, испятнанныхъ кровью, которыя внезапно разверзлись, чтобы излить красную и кипящую французскую Революцію, эту грозную бурю.

Въ громадномъ наводненіи свободы, когда всѣ авторитарные пути были, наконецъ, смыты, вы долго кричали о вашей скорби хитрымъ монахамъ, которые коварно ходили дозоромъ вокругъ вашихъ накопленныхъ богатствъ.

И вотъ они всѣ склонились къ вамъ:

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

При этихъ словахъ вы отвратили глаза отъ неизъяснимыхъ созвѣздій, и ужасъ передъ небосводами загналъ васъ подъ жадныя арки соборовъ, гдѣ тающій голосъ органа окончательно сломилъ ваши колѣни.

А теперь что я вижу? Въ непроглядной тьмѣ соборъ дрожитъ подъ бѣшенымъ ливнемъ. Удушливый ужасъ тяжело поднимается всюду вдоль дуги горизонта отъ гигантскихъ глыбъ массивнаго мрака. Ливень, отчаяннымъ

голосомъ, аккомпанируетъ протяжнымъ стонамъ органа, и съ часу на часъ ихъ сливающіеся голоса продолжаются въ грохотѣ разрушенія. Это монастырскія стѣны Испаніи превращаются въ развалины.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вотъ чудесно воздвиглось, превыше черныхъ сіерръ, чудо, величественное Электричество, единственная и божественная мать будущаго человѣчества, Электричество съ искрящимся живымъ серебромъ торсомъ, Электричество съ тысячами сверкающихъ фіолетовыхъ рукъ.

Вотъ! Вотъ! Оно мечетъ со всѣхъ сторонъ свои алмазныя молніи, юныя, танцующія и нагія, которыя взбѣгаютъ по зигзагамъ голубыхъ лѣстницъ, на штурмъ, на штурмъ чернаго собора!

Ихъ болѣе десяти тысячъ, трепещущихъ, задыхающихся,—они бросаются на штурмъ подъ дождемъ, взбираются на стѣны, пробираются всюду, кусаютъ дымящееся желѣзо водосточныхъ трубъ и разбиваютъ сумасшедшимъ ныркомъ росписныя окна.

Но вы дрожите на колѣняхъ, какъ деревья, сломленныя потокомъ...

Вставайте! Пусть тѣ, кто постарше, торопятся навьючивать себѣ на спину лучшее изъ вашихъ богатствъ. Остальнымъ, кто помоложе, предстоитъ болѣе веселое занятіе! Это вы, люди двадцатилѣтняго возраста? Прекрасно! Слушайте меня: хватайте каждый по канделябру массивнаго золота, и пользуйтесь ими, какъ палицами, чтобы

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но торопитесь, пока торжествующія молніи не вернулись на штурмъ наказать васъ за тысячелѣтнюю вину! Ибо вы повинны въ преступленіи экстаза и сна... Ибо вы повинны въ томъ, что не хотѣли жить и смаковали смерть маленькими глотками... Повинны въ томъ, что заглушили въ себѣ умъ, волю и воинственную гордость жалкими подушками любви, носталгіи, похоти и трусливой молитвы!..

А теперь вышибайте створы дверей, которыя визжатъ на своихъ петляхъ!.. Прекрасная земля Испаніи лежитъ передъ вами, палимая жаждой и изнуряемая неумолимымъ солнцемъ. Она показываетъ вамъ свое обожженное и изсохшее чрево. Бѣгите же къ ней на помощь. Бѣгите!.. Да что же вы такъ плететесь?.. А! васъ останавливаетъ ровъ, огромный средневѣковый ровъ, защищавшій соборъ. Ну, что-жъ, заполните его, старики, сокровищами, которыя обременяютъ ваши спины. Валите кучей священныя картины, безсмертныя статуи, гитары, струящіяся луннымъ свѣтомъ, любимыя орудія предковъ, драгоцѣнные металлы и дерево!.. Ровъ слишкомъ широкъ и у васъ нечѣмъ больше наполнять его?.. Въ такомъ случаѣ очередь за вами! Жертвуйте собою, кидайтесь!.. Груда вашихъ старыхъ тѣлъ подготовитъ путь великой надеждѣ міра!

Вы же, юные, добрые, проходите по нимъ!.. Что тамъ такое? Новое препятствіе?.. Это только кладбище!.. Бѣгомъ! Бѣгомъ!.. Черезъ него, прыгая, какъ орава веселыхъ школьниковъ! Толкайте траву, к..... и могилы. Ваши предки будутъ смѣяться... Смѣяться отъ футуристской

радости, счастливые, безумно счастливые сознаніемъ, что ихъ попираютъ ноги, болѣе сильныя, чѣмъ были у нихъ.

Что вы несете? Заступы? Бросьте ихъ подальше! Они рыли только могилы... Чтобы перерыть землю опьяняющаго виноградника, вы выкуете другіе, расплавляя золото и серебро ex voto.

Наконецъ-то, наконецъ-то вы можете дать волю вашимъ глазамъ подъ звуки революціоннаго шелеста знаменъ зари!

Освободившіяся рѣки будутъ указывать вамъ путь рѣки, развертывающія, наконецъ, свои зеленые и шелковистые пояса свѣжести по землѣ, съ которой вы смели клерикальную нечисть!

Ибо, знайте, испанцы: старое католическое небо, оплакивая свои развалины, оплодотворило поневолѣ сушь вашего великаго центральнаго плоскогорья!

Чтобы утолить вашу жажду во время вашего энтузіастскаго похода, кусайте до крови ваши губы, если-бъ они вздумали молиться: пусть научатся повелѣвать рабы! Судьбѣ!..

Идите прямо! Нужно отучить отъ земли ваши изнурченныя колѣни. Ибо вы согнете ихъ только для того, чтобы раздавить вашихъ бывшихъ духовниковъ, смѣшныхъ богомоловъ!

Они корчатся въ агоніи—слышите?—подъ этой грудой каменьевъ и тяжелымъ паденіемъ развалинъ, вторящимъ вашимъ шагамъ... Но остерегайтесь поворачивать головы. Пусть рушится стѣна за стѣною старый черный соборъ съ своими мистическими оконницами и дырами въ сводахъ задѣланными зловонной замазкой изъ монаховъ и попомарей!

Футуристскія заключенія для Испанцевъ.

Прогрессъ современной Испаніи не можетъ совершаться безъ образованія земледѣльческаго богатства и промышленнаго богатства.

Испанцы! Вы не преминете достигнуть этого результата посредствомъ муниципальной и областной автономіи, ставшей необходимою, и посредствомъ народнаго образованія, на которое правительство должно отдавать ежегодно 60 милліоновъ пезетъ, поглощаемыхъ культомъ и духовенствомъ.

Для этого нужно искоренить, цѣликомъ, а не отчасти, клерикализмъ, и уничтожить его спутника, сотрудника и защитника, Карлизмъ.

Монархія, искусно защищаемая Каналехасомъ, собирается осуществить эту прекрасную хирургическую операцію.

Если монархія не доведетъ ее до конца, если со стороны премьеръ министра или его преемниковъ обнаружатся слабость или измѣна, то наступитъ очередь республики, съ Лерру и Инглезіасомъ во главѣ, которая революціонной рукой сдѣлаетъ болѣе глубокій и быть можетъ окончательный надрѣзъ въ отравленномъ тѣлѣ страны.

Въ ожиданіи, политики, литераторы и артисты должны энергично работать, въ своихъ книгахъ, рѣчахъ, лекціяхъ и газетахъ, чтобы совершенно преобразовать настроеніе умовъ въ Испаніи.

1. Они должны для этого экзальтировать національную гордость во всѣхъ ея формахъ;

2. Защищать и развивать достоинство и свободу личности;

3. Пропагандировать и прославлять побѣдоносную науку и ея повседневный героизмъ;

4. Отдѣлить начисто идею отечества, могущественной арміи и возможной войны отъ идеи реакціонной и клерикальной монархіи;

5. Слить идею отечества, могущественной арміи и возможной войны съ идеей прогресса и свободнаго пролетаріата;

6. Преобразовать, не разрушая ихъ, всѣ существенныя качества расы, а именно: влеченіе къ опасности и борьбѣ, безразсудное мужество, артистическое вдохновеніе, дерзкую храбрость и мускульную ловкость, которую окружили ореоломъ славы ваши поэты, ваши живописцы, ваши пѣвцы, ваши танцоры, ваши Донъ Жуаны и ваши матадоры.

Всѣ эти бьющія черезъ край энергіи могутъ быть канализированы въ лабораторіяхъ и въ мастерскихъ, на землѣ, на морѣ, и въ небесахъ для безчисленныхъ завоеваній науки;

7. Бороться съ тиранніей любви, навожденіемъ идеальной женщины, алкоголемъ чувства и монотонными битвами адюльтера, изнуряющими людей въ двадцать пять лѣтъ;

8. Защищать Испанію отъ величайшей изъ опасностей и страшнѣйшей изъ интеллектуальныхъ эпидемій пассеизма, то есть методическаго и тупого культа прошлаго, нечистой торговли истерической хандрой.

— Знайте, испанцы, что славная Испанія былыхъ временъ абсолютно ничто въ сравненіи съ той Испаніей, которую ваши футуристскія руки выкуютъ въ одинъ прекрасный день.

Простая проблема воли, которую нужно рѣшить грубо разбивъ порочный кругъ с....., toreros и

устроителей серенадъ, въ которомъ вы живете до сихъ поръ.

У васъ жалуются на то, что буйные гамены вашихъ мертвыхъ городовъ могутъ сколько угодно швырять булыжники въ драгоцѣнныя каменныя кружева вашихъ альгамбръ и въ старинныя окна вашихъ церквей.

Дайте пирожныхъ этимъ благодѣтелямъ мальчишкамъ, ибо они спасаютъ васъ, сами того не зная, отъ самой презрѣнной и пагубной изъ индустрій: эксплоатаціи иностранцевъ.

Что касается милліонеровъ туристовъ, безпомощныхъ, ошеломленныхъ глазѣльщиковъ, которые обнюхиваютъ слѣды великихъ людей дѣла, и забавляются иногда, прикрывая свои хрупкіе черепа старинными шлемами, то презирайте ихъ всѣхъ: ихъ самихъ, ихъ болтливую глупость, и деньги, которыми они могутъ обогатить васъ! Не позволяйте имъ пріѣзжать въ Испанію, какъ они пріѣзжали къ намъ съ цѣлью посѣтить идеальное Кладбище!

Я знаю, что васъ стараются галлюцинировать громадными барышами, которые могла-бы вамъ доставить умѣлая торговля вашимъ славнымъ прошлымъ... Плюньте на нихъ и отверните головы...

Вы достойны, испанцы, быть героическими и дурно оплачиваемыми работниками, но не чичероне, не сводниками, не живописцами-копіистами, не реставраторами старыхъ картинъ, не педантами-археологами, не фабрикантами поддѣльныхъ шедёвровъ.

Остерегайтесь привлекать въ Испанію шутовскіе караваны космополитическихъ богачей, которые всюду тоскаютъ съ собою свой невѣжественный снобизмъ, свою безпокойную глупость, свою болѣзненную жажду носталгіи, вмѣсто того, чтобы употреблять свои послѣднія силы и свои богатства на построеніе будущаго!

Ваши отели плохи, ваши соборы разсыпаются въ прахъ... Тѣмъ лучше! Тѣмъ лучше! Радуйтесь этому!.. Вамъ нужны большіе торговые порты, промышленные города и деревни, орошаемыя вашими великими рѣками, еще остающимися безъ дѣла.

Вы не хотите, насколько я знаю, создать изъ Испаніи Испанію Бедекера, климатическую станцію перваго разряда, тысячу музеевъ, сто тысячъ понорамъ и сколько угодно руинъ!

Маринетти.

Футуристская рѣчь къ англичанамъ, произнесенная въ Лицейскомъ Клубѣ въ Лондонѣ.

Я не сумѣю найти лучшаго способа дать вамъ точную идею о томъ, что мы такое, какъ высказавъ то, что мы думаемъ о васъ.

Я буду выражаться съ абсолютной откровенностью и не стану любезничать съ вами по системѣ лекторовъ космополитовъ, которые осыпаютъ похвалами иностранную публику, чтобы пичкать ее затѣмъ своими банальностями.

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ юмористовъ сказалъ, что хорошій футуристъ долженъ умѣть быть невѣжливымъ двадцать разъ въ сутки.—Итакъ, я буду невѣжливъ съ вами, откровенно выложивъ передъ вами все дурное, что мы думаемъ объ англичанахъ, но предварительно высказавъ много хорошаго. Ибо мы любимъ вашъ неукротимый и воинственный патріотизмъ; мы любимъ вашу національную гордость, которая взнуздываетъ вашу великую расу, крѣпкую мужествомъ; мы любимъ вашъ интеллигентный и великодушный индивидуализмъ, который

заставлятъ васъ широко открывать объятія индивидуалистамъ всѣхъ странъ, освободителямъ и анархистамъ.

Но мы восхищаемся не только вашей широкой любовью къ свободѣ. Васъ отличаетъ между всѣми народами то, что вы сохраняете, среди столькихъ пацифистскихъ глупостей и трусливыхъ... изрѣченій, необузданную страсть къ борьбѣ во всѣхъ ея формахъ, отъ бокса, простого, грубаго и быстраго, до той, которая заставляетъ рычать на палубѣ вашихъ дредноутовъ чудовищныя жерла пушекъ, присѣвшихъ на корточки въ своихъ вертящихся стальныхъ гротахъ, когда онѣ чуютъ вдали аппетитныя эскадры!

Вы отлично знаете, что нѣтъ ничего хуже для человѣческой крови, какъ прощать обиды. Вы знаете, что продолжительный миръ фатальный для латинскихъ расъ, не менѣе того отравляетъ расы англосаксонскія... Но я обѣщалъ вамъ невѣжливости, вотъ онѣ:

Вы остаетесь отчасти жертвами вашего традиціонализма средневѣковой окраски, въ которомъ упорно переживаетъ запахъ старинныхъ архивовъ и бряцаніе цѣпей, препятствующихъ вашему шествію впередъ, непринужденному и точному.

Вы должны сознаться, что это странно со стороны народа изслѣдователей и колонизаторовъ, чьи громадные трансатлантическіе пароходы, безъ сомнѣнія, укоротили міръ.

Я прежде всего ставлю вамъ въ упрекъ вашъ безумный культъ аристократіи. Никто не назоветъ себя мѣщаниномъ въ Англіи: каждый презираетъ своего сосѣда, называя его мѣщаниномъ. Вы одержимы маніей быть всегда свѣтскими людьми. Изъ любви къ свѣтскимъ манерамъ отказываются отъ страстнаго порыва, отъ бурности сердца, отъ раскатовъ голоса, отъ криковъ и даже отъ слезъ. Же-

лаютъ оставаться холодными во что-бы то ни стало всюду, у постели обожаемой особы, передъ смертью или передъ счастьемъ. Изъ любви къ свѣтскимъ манерамъ никогда не говорятъ о томъ, что дѣлаютъ, такъ какъ нужно быть гибкимъ и легкимъ въ разговорѣ. Когда удалятся женщины, побесѣдуютъ немного о политикѣ, но не слишкомъ: это было бы противно свѣтскимъ обычаямъ!..

Всѣ ваши литераторы должны быть свѣтскими людьми, потому-что вы не представляете себѣ романа, дѣйствіе котораго происходитъ не въ большомъ свѣтѣ. Сколько-бы вы не старались быть современными, вы еще сохраняете средневѣковое разъединеніе господина и слуги, основанное на нелѣпомъ обожаніи богатства. У васъ въ обычаѣ говорить, что никогда ни одинъ богатый не былъ повѣшенъ въ Англіи. Вы присоединяете къ этому не менѣе нелѣпое презрѣніе къ бѣдному. Его интеллектуальныя силы и даже его геній не кажутся вамъ пригодными въ дѣло; а между тѣмъ вы любите интеллектъ и культуру, и вы самые ярые пожиратели книгъ, какихъ я знаю.

Но это только способъ наполнить ваши досуги.

Вамъ невѣдомы великія интеллектуальныя лихорадки, продолжительный миръ, фатальный для латинскихъ расъ, не острое и отважное влеченіе къ идеямъ, порывъ воображенія къ неизвѣстному; страсть къ будущему, жажда революціи. Вы ужасающе рутинны. Вѣдь вы твердо вѣрите, что пуритане спасли Англію и что цѣломудріе важнѣйшая добродѣтель народа!

Вспомните злосчастное и смѣшное осужденіе Оскара Уайльда, котораго Европа еще не простила вамъ. Развѣ не кричали вы въ вашихъ газетахъ, что слѣдовало поскорѣе отворить всѣ окна потому что зараза кончилась?..

Естественно, въ этой атмосферѣ лицемѣрнаго и рутиннаго формализма ваши молодыя дѣвушки умѣютъ заво-

дить очень далеко, съ простодушнымъ изяществомъ, самыя рискованныя шалости, чтобы тщательно подготовиться къ браку: неприкосновенному удѣлу супружескаго благочинія!..

Что касается двадцатилѣтнихъ людей, то почти всѣ они, втеченіе извѣстнаго времени, бываютъ гомосексуалами, ce qui est d'ailleurs absolument respectable. Это влеченіе развивается у нихъ въ силу извѣстнаго рода интенсификаціи товарищества и дружбы, въ атлетическихъ спортахъ, до тридцатилѣтняго возраста, возраста труда и порядка, когда они возвращаются изъ Содома, чтобы обручиться съ какой-нибудь безстыдно декольтированной дѣвушкой. Тогда эти люди торопятся осудить, съ суровостью ново-обращеннаго, поддѣльнаго мужчину, упорствующую полу-женщину.

Не заявляете ли вы себя крайними формалистами, утверждая, будто нельзя узнать человѣка, не раздѣляя съ нимъ трапезы, чтобъ изучить его манеру ѣсть. Ибо какъ могли бы вы судить по манерѣ ѣсть о насъ, итальянцахъ, обѣдающихъ всегда на скорую руку, подгоняемыхъ любовью или арривизмомъ?

Вы присоединяте къ этому неотвязное желаніе сохранять во всемъ видимость приличія, и мелочную манію къ этикеткамъ, маякамъ и ширмамъ всякаго рода, изобрѣтеннымъ ложной стыдливостью и ходячей моралью.

Но я не хочу настаивать, и спѣшу выразить вамъ нашу главную претензію, указать на вашъ главный недостатокъ, которымъ вы надѣлили Европу, и который, по моему мнѣнію, вредитъ вашему чудесному практическому инстинкту и вашему умѣнью быстро жить.

Я говорю о вашемъ снобизмѣ, состоитъ ли онъ въ страстномъ, исключительномъ культѣ чистой расы у вашихъ аристократовъ, или создаетъ нѣчто вродѣ религіи

моды и превращаетъ вашихъ знаменитыхъ портныхъ въ верховныхъ жрецовъ утраченныхъ религій.

Я имѣю въ виду также повелительныя и догматическія нормы житейскаго устава и священныя скрижали *comme il faut*, слѣдуя которымъ вы съ поразительнымъ легкомысліемъ пренебрегаете и отметаете истинную цѣнность индивидуума, разъ онъ нарушаетъ верховный законъ снобизма.

Вотъ что дѣлаетъ необыкновенно искусственной вашу жизнь и превращаетъ васъ въ самый противорѣчивый народъ на землѣ. Такъ что при всей вашей интеллектуальной зрѣлости вы имѣете иногда видъ народа, находящагося въ процессѣ образованія.

Вы изобрѣли любовь къ гигіенѣ, обожаніе мускуловъ, острое влеченіе къ усилію, торжествующія въ вашей прекрасной спортивной жизни.

Но вы доводите, къ несчастію, вашъ преувеличенный культъ тѣла до презрѣнія къ идеямъ. Вы увлекаетесь страстью только къ физическимъ удовольствіямъ. У васъ почти нѣтъ платонической любви—это хорошо—но слишкомъ много сочныхъ блюдъ. И эта притупляющая религія стола, утоляющая всѣ ваши скорби и всѣ ваши заботы!..

Вы извлекаете изъ вашей чувственности огромную безмятежность передъ моральнымъ страданіемъ. Очень хорошо!.. Перестаньте же придавать такую важность физическому страданію!

Васъ считаютъ очень религіозными. Чистая внѣшность. Вы не заботитесь о высшей внутренней жизни, и вашей расѣ чуждо истинное мистическое чувство! Съ этимъ я васъ поздравляю! Но вы къ несчастью предпочитаете прятаться подъ крылышко протестантизма, няньки высшаго интеллекта, который избавляетъ васъ отъ труда

и усилія мыслить свободно, безъ страха и безъ надежды, какъ черное знамя въ потемкахъ.

Интеллектуальная лѣность, вотъ что заставляеъ васъ такъ часто преклонять колѣни,—а также любовь къ условному и ребяческому формализму.

Никто больше васъ не любитъ тѣлесныхъ удовольствій, а между тѣмъ именно вы притворяетесь самымъ цѣломудреннымъ народомъ въ Европѣ!..

Вы любите и великодушно принимаете всѣхъ революціонеровъ, что не мѣшаетъ вамъ торжественно защищать принципы порядка! Вы обожаете прекрасныя летательныя машины, которыя задѣваютъ колесами землю, море и облака, и тѣмъ не менѣе вы бережно сохраняете малѣйшіе обломки прошлаго!

Въ концѣ-концовъ, точно ли это недостатокъ? Не принимайте всѣхъ моихъ замѣчаній за упреки... Противорѣчить самому себѣ значитъ жить, а вы умѣете отчаянно противорѣчить самимъ себѣ.

Но я знаю, съ другой стороны, что вы питаете глубокую ненависть къ нѣмецкой неповоротливости, а этого достаточно, чтобы отпустить вамъ всѣ ваши согрѣшенія.

. . . . . .

Я только что высказалъ вамъ въ очень сжатой формѣ, что мы думаемъ объ Англіи и объ англичанахъ.

Долженъ-ли я выслушать любезный отвѣтъ, который уже угадываю на вашихъ устахъ?

Вы, безъ сомнѣнія, хотите остановить мои невѣжливости, высказавъ мнѣ все хорошее, что думаютъ объ Итальянцахъ и объ Италіи... Ну, нѣтъ: я не желаю слушать! Похвалы, которыя вы готовы высказать, могутъ только огорчить меня, такъ какъ именно то, что вамъ любо на нашемъ миломъ полуостровѣ, есть предметъ всей нашей ненависти. Вы проѣзжаете по Италіи, тщательно разы-

скивая слѣды нашего гнетущаго прошлаго, и вы счастливы, безумно счастливы, если можете бережно увезти съ собой какой-нибудь жалкій голышъ, попиравшійся ногами нашихъ предковъ.

Когда же вы отдѣлаетесь отъ лимфатической идеологіи плачевнаго Рескина, котораго мнѣ хотѣлось бы сдѣлать окончательно смѣшнымъ въ вашихъ глазахъ?

Съ его болѣзненной мечтой о деревенской и примитивной жизни; съ его тоскою по гомеровскимъ сырамъ и легендарнымъ прялкамъ; съ его ненавистью къ машинѣ, пару и электричеству, этотъ маніакъ античной простоты походитъ на человѣка, который, достигнувъ полной тѣлесной зрѣлости, пожелалъ бы снова улечься въ колыбель и сосать одряхлѣвшую грудь своей кормилицы, чтобы вернуться къ дѣтской беззаботности.

Рескинъ безъ сомнѣнія привѣтствовалъ бы венеціанскихъ пассеистовъ, пожелавшихъ возстановить нелѣпую Компанилью Сенъ Марко, точно дѣло шло о томъ, чтобы предложить дѣвочкѣ, потерявшей свою бабушку, куклу изъ картона и тряпокъ взамѣнъ покойницы.

Противъ пассеистскаго Рима.

Вліяніе Рескина необычайно развило въ Европѣ навязчивый культъ нашего прошлаго и совершенно фальсифицировало ваше сужденіе о современной Италіи.

Въ самомъ дѣлѣ, не достаточно говорятъ о колоссальномъ промышленномъ и торговомъ развитіи Ломбардіи, Лигуріи и Пьемонта,—Милана, Генуи, Турина! Однако, вотъ новая возрождающаяся Италія, вотъ то, что мы любимъ! Вотъ наша итальянская гордость! У насъ есть большіе города, которые пылаютъ днемъ и ночью, разливая далеко вокругъ свое огненное дыханіе. Мы оросили на-

шимъ потомъ лѣсъ гигантскихъ трубъ съ капителями упругаго дыма, поддерживающаго наше небо, которое желаетъ походить только на огромный потолокъ фабрики. Мы не слѣдуемъ больше увлекательнымъ совѣтамъ милаго итальянскаго солнца, юнаго распутника съ соблазнительной улыбкой, который желалъ бы по прежнему вести расу къ разгульному времяпровожденію, пѣнію, танцамъ и питью подъ листвою!..

У насъ есть деревни, тщательно омываемыя, орошаемыя и обслуживаемыя безчисленными, усердными, геометрическими каналами. У насъ есть вырытыя долины, выпотрошенныя лихорадочной безсонницей поѣздовъ. Въ наши дивныя ломбардскія и лигурійскія ночи растетъ металлургическая работа, возвышая свой чугунный голосъ, съ широкими бѣлыми жестами. Цѣлыя горы освѣщены, осаждены бунтующей оравой электрическихъ лунъ, которыя спѣшатъ, занятыя, крикливыя и безцеремонныя. Вотъ что мы любимъ у насъ. Но вы отдаете, увы! всю вашу любовь тремъ городамъ, которые мы считаемъ тремя гнойными ранами полуострова: Флоренціи, Риму и Венеціи.

Флоренція—огромный и пышный средневѣковый фоліантъ, упавшій въ самую веселую мѣстность міра.

Если вы пожелаете проникнуть на старыя страницы ея улицъ, вы потревожите тамъ копащащіяся колоніи литературныхъ ракушекъ, упорный смѣхъ которыхъ грызетъ старыя воинственныя иллюстраціи...

Господа чичероне, геніи кафе, профессіональные остроумцы, болтливые и нахальные кучера, эксперты по стариннымъ картинамъ: вотъ народъ Флоренціи!

Римъ томится подъ проказой своихъ руинъ, съ своимъ семестріальнымъ кровообращеніемъ, которое золото иностранцевъ медленно проталкиваетъ по артеріямъ большихъ отелей.

Подумать только, что Римъ, съ его лавками, закрывающимися послѣ отъѣзда американцевъ, можетъ разориться вслѣдствіи простого подозрѣнія случая холеры.

Индустрія, эксплоатирующая иностранцевъ: вотъ противъ чего мы боремся неустанно; эта нечистая индустрія, которая превращаетъ двѣ трети римскаго населенія въ вѣроятнаго союзника завтрашняго врага: врага, котораго хозяева нашихъ отелей будутъ заботливо помѣщать, но недостаточно любовно клеймить!

Однажды вечеромъ я пріѣхалъ въ Римъ на шестидесятисильномъ автомобилѣ, и, оставивъ за собою ворота Св. Себастьяна, направлялся къ тому мѣсту, которое отдѣляетъ Нероновскій акведукъ отъ Ботаническаго сада.

Я летѣлъ съ полной скоростью, направляясь прямо къ Константиновской Аркѣ. Въ своей футуристской беззаботности, я не замѣтилъ на потемнѣвшей дорогѣ каменной глыбы, свалившейся съ Нероновскихъ руинъ... По крайней мѣрѣ, замѣтилъ слишкомъ поздно, а мчался слишкомъ быстро!.. Сильный толчекъ: мой радіаторъ изломанъ!

Это былъ символъ, предостереженіе, или скорѣе месть, явившаяся изъ дали вѣковъ...

Вотъ почему я крикнулъ римлянамъ во всю силу моихъ легкихъ:

«Спасайся, кто можетъ! Вы должны изолировать руины стараго Рима, болѣе заразительныя, чѣмъ холера и чума. Нужно вырыть глубокій ровъ и построить высокую стѣну вокругъ всѣхъ этихъ остатковъ римскихъ стѣнъ, мстительныхъ и злобныхъ.

«А затѣмъ ступайте въ деревню, чтобы оберечься отъ самой трагической изъ *малярій:* той, которая поднимается отъ гробницъ Аппіевской дороги!»

Но римляне отвѣчали мнѣ иронической улыбкой, под-

слащенной археологической пылью и грубыми пирушками.

Они продолжаютъ вести жизнь пыльныхъ крысъ, гордыхъ и довольныхъ тѣмъ, что подбираютъ крошки конфектъ, которыя пріѣзжія *миссъ* жуютъ своими крѣпкими зубами, округляя розовые рты и лазурные очи, между громадными уцѣлѣвшими ногами обезглавленнаго Колизея!...

Тріестъ, нашъ славный пороховой погребъ.

По этимъ многочисленнымъ причинамъ мы предпочитаемъ всѣмъ нашимъ античнымъ римлянамъ, всѣмъ нашимъ средневѣковымъ флорентинцамъ, всѣмъ нашимъ упадочнымъ венеціанцамъ, жителей Тріеста, страстное патріотическое нетерпѣніе которыхъ, надѣюсь, скоро подожжетъ порохъ.

Мы кричали жителямъ Тріеста:

«Вы багровое и гнѣвное лицо Италіи, обращенное къ непріятелю. Лучше того, вы стиснутый кулакъ, протянутый противъ непріятеля, который подготовляется: не будемъ забывать этого!... Тріестъ! ты нашъ единственный пороховой погребъ! На тебя вся наша надежда!

«Презирай же пацифистскія и интернаціоналистскія теоріи. Патріотизмъ и любовь къ войнѣ не имѣютъ ничего общаго съ идеологіей: это принципы гигіены, безъ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ упадка и смерти!

«Не забывай, что итальянскій полуостровъ имѣетъ форму дредноута, съ его эскадрой островковъ миноносцевъ»!

Межъ тѣмъ какъ пассеисты упрекаютъ насъ въ подрываніи всѣхъ традицій, лже-будущники объявляютъ насъ ретроградами за нашъ патріотизмъ и любовь къ войнѣ,

Мы отвѣчаемъ тѣмъ и другимъ, что, рѣшительно двигаясь къ будущему, мы хотимъ сохранить нашу ежедневную гигіену борьбы и кроваваго душа.

Мы питаемъ въ нашей крови главную ненависть итальянцевъ двадцатаго вѣка: ненависть къ Австріи! И тѣмъ не менѣе мы усматриваемъ очень далеко въ будущемъ возможность, но не достовѣрность, созданія единаго европейскаго типа, о которомъ мечталъ Ницше.

Этотъ философъ недостаточно ненавидѣлъ германскій типъ, чтобы понять неустранимую антипатію, которая разъединяетъ латинскія и германскія расы.

Когда интернаціоналисты прославляютъ миръ, въ нихъ говоритъ то, что есть худшаго въ ихъ крови (то, что дрожитъ и гніетъ).

Призывать миръ между народами не значитъ создавать будущность; это значитъ попросту выхолащивать расы и осуществлять интенсивную культуру трусости.—Кто можетъ отрицать, что сильный человѣкъ дышетъ гораздо лучше, ѣстъ гораздо лучше, спитъ гораздо лучше, чѣмъ обыкновенно, послѣ того, какъ дастъ пощечину своему врагу и сокрушитъ его? Кто можетъ отрицать, что слово *мужчина* и слово *боецъ* синонимы?

Вотъ почему мы заключаемъ, что, когда мы говоримъ о войнѣ, въ насъ говоритъ лучшая часть нашей крови.

Война единственная гигіена міра.

Вотъ я и приведенъ къ указанію того, что рѣзко отдѣляетъ футуризмъ отъ анархистскаго воззрѣнія.

Это послѣднее, отрицая принципъ безконечнаго развитія человѣчества, останавливаетъ свой порывъ на порогѣ идеала всеобщаго мира и.... рая съ лобзаніями среди полей и волнующихся пальмъ.

Мы утверждаемъ, напротивъ, въ качествѣ абсолютнаго принципа футуризма, непрерывное становленіе и безконечный физіологическій и интеллектуальный прогрессъ человѣка. Мы считаемъ превзойденной и превосходимой гипотезу дружескаго сліянія народовъ и принимаемъ только одну гигіену для міра: войну.

Цѣль анархистской идеи, то-есть нѣжная кротость, сестра трусости, представляется намъ отвратительной гангреной, прелюдіей агоніи народовъ.

Анархисты довольствуются также нападеніемъ на политическія, юридическія и экономическія вѣтви соціальнаго дерева. Мы желаемъ гораздо большаго; мы желаемъ вырвать и сжечь его глубочайшіе корни: тѣ, которые внѣдрились въ самый мозгъ человѣка, и называются: маніей порядка, желаніемъ меньшаго усилія, фанатическимъ обожаніемъ семьи, заботой о снѣ и ѣдѣ въ опредѣленный часъ, трусливымъ квіетизмомъ, любовью къ древнему и старому, къ попорченному и больному, отвращеніемъ къ новому, презрѣніемъ къ молодости и мятежнымъ меньшинствамъ, поклоненіемъ времени, накопившимся годамъ, мертвецамъ и умирающимъ, инстинктивной потребностью въ законахъ, цѣпяхъ и тормазахъ, отвращеніемъ къ насиліямъ, неизвѣстному и небывалому, боязнью полной свободы.

Видали-ли вы когда-нибудь собраніе молодыхъ революціонеровъ или анархистовъ?... Ну, вотъ: нѣтъ болѣе обезкураживающаго зрѣлища.

Въ самомъ дѣлѣ, вы замѣтите во всѣхъ этихъ красныхъ душахъ настоятельную, неудержимую манію какъ можно скорѣе лишить себя своей бурной независимости и передать руководительство собраніемъ самому старшему въ ихъ средѣ, то есть наиболѣе оппортюнистскому, наиболѣе благоразумному, однимъ словомъ, тому, кто, уже пріобрѣ-

тя кое-какую власть и кое-какой авторитетъ, будетъ фа
тально заинтересованъ въ сохраненіи даннаго положенія
вещей, въ умиротвореніи бурныхъ порывовъ, противодѣй
ствіи всякому желанію авантюры, риска и героизма.

Этотъ новый предсѣдатель, руководя общими дебатам
съ кажущейся справедливостью, поведетъ собраніе, как
стадо барановъ, къ водопою своего личнаго интереса.

Неужели вы еще серьезно вѣрите въ пользу собраній
революціонные умы?

Въ такомъ случаѣ довольствуйтесь выборомъ руков
дителя или, лучше сказать, счетчика дебатовъ. Изберит
для этого самаго младшаго изъ васъ, наименѣе извѣстн
го, наименѣе вліятельнаго и пусть его роль ограничивает
простымъ предоставленіемъ слова черезъ абсолютно ра
ные промежутки времени, которые онъ будетъ контролир
вать съ часами въ рукахъ.

Но еще болѣе глубокій ровъ между футуристскимъ
анархистскимъ воззрѣніями роетъ великая проблема лю
ви, великая тиранія чувства и сладострастія, отъ котор
мы хотимъ освободить человѣчество.

Презрѣніе къ женщинѣ.

Эту-то ненависть къ тираннической любви мы выраз
ли въ лаконической фразѣ: *презрѣніе къ женщинѣ.*

Да, мы презираемъ женщину—резервуаръ любви, ор
діе сладострастія, женщину—ядъ, женщину трагическ
игрушку; хрупкую, одурманивающую и роковую женщ
ну, съ тяжелымъ голосомъ судьбы и мечтательными во
сами, продолжающимися въ вѣтви лѣсовъ, озаряемы
луннымъ свѣтомъ.

Мы презираемъ страшную и тяжкую Любовь, котор
тормозитъ ходъ человѣка и мѣшаетъ ему выйти изъ сво

человѣчности, удвоиться, превзойти самого себя, чтобы сдѣлаться тѣмъ, что мы называемъ: *умноженный человѣкъ.*

Мы презираемъ страшную и тяжкую Любовь, огромный арканъ, при помощи котораго, быть можетъ, Солнце держитъ на привязи, въ ея орбитѣ, мужественную землю, межъ тѣмъ какъ послѣдней безъ сомнѣнія хотѣлось бы ринуться на удачу, подвергаясь всѣмъ звѣзднымъ опасностямъ.

Мы убѣждены, что Любовь, чувство и сладострастіе, наименѣе естественныя вещи въ мірѣ. Естественно только продленіе рода.

Любовь, романтическое навожденіе и сладострастіе, есть попросту выдумка поэтовъ, которые надѣлили ею человѣчество. Поэты же возьмутъ её обратно у человѣчества!

Великій траги-комическій опытъ любви близокъ къ концу, такъ какъ онъ не принесъ никакой пользы и причинилъ неисчислимый вредъ. Было столкновеніе, но не было сотрудничества половъ, показавшихъ себя неспособными къ рѣшенію великой задачи. Вотъ почему мы, футуристы, устраняемъ нынѣ любовь, продуктъ литературы, какъ отбираютъ рукопись у издателя, который не умѣетъ напечатать ее.

Въ этомъ освободительномъ усиліи суффражистки наши лучшія сотрудницы, такъ какъ чѣмъ больше правъ и власти достанется на долю женщины, тѣмъ болѣе она оскудѣетъ любовью, тѣмъ скорѣе перестанетъ быть очагомъ сантиментальной страсти или орудіемъ наслажденія. Тѣмъ болѣе, что чудовищное развитіе женской роскоши превратило любовь въ жалкую рабыню, болѣе или менѣе бунтующую, подъ тяжеловѣсными кулаками денегъ.

Плотская жизнь сведется къ чистой функціи сохране-

нія рода, отчего только выиграетъ преуспѣвающій рост
человѣка.

Что касается мнимой неспособности женщины, то мы
думаемъ, что если-бы ея тѣло и духъ втеченіе длиннаго
ряда поколѣній получали такое-же воспитаніе, какъ тѣло
и духъ мужчины,—мы думаемъ, говорю я, что въ таком
случаѣ можно-бы было говорить о равенствѣ обоихъ по
ловъ.

Какъ-бы то ни было, несомнѣнно, что въ ея теперешн
немъ состояніи интеллектуальнаго и хроническаго раб
ства, женщина, безусловно уступая мужчинѣ съ точки
зрѣнія ума и характера, можетъ быть только посредствен
нымъ законодательнымъ орудіемъ.

Вотъ почему мы съ величайшимъ рвеніемъ отстаива
емъ право суффражистокъ, сожалѣя объ ихъ дѣтском
увлеченіи жалкимъ и смѣшнымъ правомъ голосованія
Ибо мы убѣждены, что они будутъ пользоваться имъ с
увлеченіемъ, и непроизвольно помогутъ намъ сокрушит
эту великую нелѣпость, созданную изъ подкупа и поп
лости, въ которую превратился нынѣ парламентаризмъ.

Парламентаризмъ почти всюду изношенная форма
Онъ далъ рядъ хорошихъ результатовъ; онъ создалъ илл
зорное участіе числа въ управленіи. Я говорю *иллюзорное*
такъ какъ установлено, что народъ не можетъ и никогда н
будетъ въ состояніи представлять себя посредствомъ упо
номоченныхъ, которыхъ онъ не умѣетъ выбирать.

Народъ всегда остается чуждымъ правительству. Но
съ другой стороны, парламентаризму народъ обязанъ сво
имъ существованіемъ. Гордость массъ возросла благодаря
избирательному режиму. Индивидуумъ выросъ благодаря
идеѣ представительства. Зато эта идея совершенно иска
зила оцѣнку умовъ, преувеличивъ свыше мѣры значені
краснорѣчія. Это неудобство усиливается со дня на день

Вотъ почему я съ удовольствіемъ предвижу буйное вторженіе женщинъ въ собранія болтуновъ!

Гдѣ мы найдемъ болѣе нетерпѣливый динамитъ безпорядка и испорченности?

Почти всѣ европейскіе парламенты превратились въ шумные птичники, корыта, или сточныя ямы.

Ихъ основные принципы таковы: 1, деньги для подкупа и барышническое лукавство, которые служатъ для пріобрѣтенія мѣста въ парламентѣ; 2, пустое краснорѣчіе, грандіозная фальсификація идей, торжество звонкихъ фразъ, тамтамы негровъ и жесты вѣтряныхъ мельницъ.

Эти грубые элементы даютъ, при посредствѣ парламентаризма, абсолютную власть ордѣ адвокатовъ...

Вы знаете, что они похожи другъ на друга во всѣхъ странахъ. Это существа, тѣсно связанныя со всѣмъ мизернымъ, умы, которые видятъ только мелкіе повседневные факты, и абсолютно неспособны разработывать великія общія идеи, постигать столкновенія и сліянія расъ или пламенный полетъ идеала надъ индивидуумомъ и надъ народами. Торгаши аргументами, проституированные мозги, лавочки казуистическихъ идей и чеканныхъ силогизмовъ.

При посредствѣ парламентаризма цѣлая нація отдается на произволъ этихъ фабрикантовъ правосудія, которые умѣютъ строить изъ послушнаго желѣза закона только безполезныя мышеловки.

Пусть же поспѣшатъ надѣлить женщинъ правомъ голосованія.

Это, впрочемъ, крайній и абсолютный логическій выводъ изъ идеи демократіи и всеобщаго права голосованія, какъ ее понималъ Жанъ Жакъ Руссо и другіе подготовители французской Революціи.

Пусть женщины поспѣшатъ осуществить съ молніе-

носной быстротой этотъ грандіозный опытъ полной анимализаціи политики.

Мы, которые глубоко презираемъ политику, мы рады предоставить ее злобнымъ когтямъ женщинъ, такъ какъ именно женщинамъ, именно имъ, уготована благородная роль окончательно убить парламентаризмъ.

О! это вовсе не иронія, я говорю вполнѣ серьезно. Женщина, такая, какою ее сформировало современное общество, можетъ только довести до самаго пышнаго расцвѣта принципъ подкупа, тѣсно связанный съ принципомъ голосованія.

Тѣ, которые оспариваютъ законное право суффражистокъ, руководятся чисто личными мотивами: они съ остервѣненіемъ защищаютъ свою монополію вреднаго краснорѣчія, которую женщины не замедлятъ вырвать у нихъ. Это въ сущности вовсе не интересуетъ насъ. Мы подготовляемъ другія мины у подножія руины.

Насъ увѣряютъ, будто правительство, состоящее изъ женщинъ, или поддерживаемое ими, будетъ фатально увлекать насъ по путямъ пацифизма и толстовской трусости, къ окончательному торжеству клерикализма и моралистскаго лицемѣрія...

Можетъ быть! Вѣроятно! Весьма сожалѣю объ этомъ. У насъ будетъ, кромѣ того, война половъ, которую несомнѣнно подготовляютъ великое скопленіе капиталовъ, ноктамбулизмъ и упорядоченіе заработной платы работницъ.

Юмористы—женоненавистники, быть можетъ, уже мечтаютъ о Варѳоломеевской ночи женщинъ.

Вы подумаете, пожалуй, что я забавляюсь парадоксами, болѣе или менѣе фантастическими.

Впрочемъ, ничто такъ не пародоксально и не фанта-

стично, какъ дѣйствительность, и я не слишкомъ вѣрю въ логическія вѣроятности исторіи.

Исторія народовъ движется наудачу, туда и сюда, съ расточительными и не слишкомъ комильфотными ухватками, какъ легкомысленная молодая дѣвица, которая вспоминаетъ объ отеческихъ наставленіяхъ только въ новый годъ или просто когда ее броситъ любовникъ. Но она, къ несчастію, еще слишкомъ благоразумна и недостаточно безпорядочна,—эта юная исторія міра! Нужно также, чтобы женщины вмѣшались въ нее какъ можно скорѣе, потому что мужчины поистинѣ прогнили отъ тысячелѣтней мудрости.

Это не парадоксы, клянусь вамъ, а поиски ощупью во мракѣ будущаго.

Вы признаете, напримѣръ, что побѣда феминизма, и въ особенности вліяніе женщинъ въ политикѣ, окончательно разрушатъ семейное начало. Это было бы не трудно доказать; но вы упираетесь, безъ сомнѣнія въ ужасѣ, противопоставляя мнѣ остроумные аргументы, такъ какъ безусловно не желаете, чтобы посягали на семью.

«Всѣ права, всѣ свободы должны быть предоставлены женщинамъ,—кричите вы—но семья будетъ сохранена!»

Позвольте мнѣ скептически улыбнуться и сказать вамъ, что если семья исчезнетъ, то мы постараемся обойтись безъ нея.

Я сказалъ *мы,* но я ошибся: это наши сыновья—-сыновья, которыхъ у насъ не будетъ—это они сумѣютъ обойтись безъ семьи.

И я прибавлю въ скобкахъ, что мы, футуристы, слишкомъ воинственны, чтобы имѣть дѣтей, мы, которые любимъ только героическій инстинктъ, мы, которые желаемъ, чтобы шедевръ сожигался съ трупомъ своего автора, мы, которые питаемъ отвращеніе къ работѣ для безсмертія,

такъ какъ въ сущности это только мечта ростовщическихъ душъ.

Безспорно то, что если женщина теперь мечтаетъ завоевать политическія права, то она дѣлаетъ это, сама того не сознавая, въ убѣжденіи, что явится въ качествѣ матери, въ качествѣ супруги и въ качествѣ любовницы, центромъ тѣснаго кружка, чисто животнаго и абсолютно лишеннаго пользы.

Вамъ, конечно, случалось быть свидѣтелями задыхающейся лихорадки Блеріо, еще взнузданнаго своими механиками, вамъ, конечно, случалось чувствовать на своемъ лицѣ ошеломляющую пощечину вѣтра, порождаемаго винтомъ, пущеннымъ съ полной скоростью.

Такъ вотъ: я признаюсь вамъ, что мы, мужчины, футуристы, мы чувствуемъ себя при видѣ этого упоительнаго зрѣлища, совершенно оторванными отъ женщины, ставшей внезапно черезчуръ земною, или, лучше сказать, символомъ земли, которую предстоитъ покинуть.

Мы даже мечтаемъ создать когда-нибудь нашего механическаго сына, плодъ чистой воли, синтезъ всѣхъ законовъ, открытіе которыхъ будетъ ускорено наукой.

Умноженный человѣкъ и царство Машины.

Все это поможетъ вамъ уразумѣть одно изъ нашихъ главныхъ футуристскихъ усилій, направленное къ уничтоженію въ литературѣ сліянія, съ виду почти нерасторжимаго, двухъ представленій: женщины и Красоты. Это идеологическое сліяніе свело весь романтизмъ къ своего рода героическому штурму воинственнымъ и лирическимъ самцомъ башни, переполненной непріятелями, на площадкѣ которой является, при свѣтѣ звѣздъ, божественная Красота-женщина. Романы въ родѣ *Тружениковъ*

моря Виктора Гюго или *Саламбо* Флобера могутъ объяснить мою идею. Мы находимъ въ нихъ доминирующій лейтъ-мотивъ, уже сослужившій свою службу, отъ котораго мы хотимъ освободить литературу и искусство вообще.

Вотъ для чего мы развиваемъ и превозносимъ великую новую идею, циркулирующую въ современной жизни: идею механической красоты, и прославляемъ любовь къ машинѣ, пылающую на щекахъ механиковъ, обожженныхъ и перепачканныхъ углемъ. Случалось ли вамъ наблюдать за ними, когда они любовно моютъ огромное мощное тѣло своего локомотива? Это кропотливыя и умѣлыя нѣжности любовника, ласкающаго свою обожаемую любовницу.

Во время послѣдней желѣзнодорожной забастовки во Франціи было констатировано, что организаторамъ саботажа не удалось убѣдить ни одного машиниста испортить свой локомотивъ.

Я нахожу это совершенно естественнымъ. Какъ могъ бы этотъ человѣкъ изуродовать или убить свою огромную вѣрную и преданную подругу, съ пылкимъ и ретивымъ сердцемъ, эту прекрасную стальную машину, которая такъ часто сіяла отъ наслажденія подъ его намасливающей лаской. Это не метафора, а почти реальность, которую намъ нетрудно будетъ констатировать спустя нѣсколько лѣтъ.

Вамъ, безъ сомнѣнія, случалось слышать замѣчанія, очень обыкновенныя въ устахъ обладателей автомобилей и управляющихъ заводами: «Моторы, говорятъ они, по истинѣ загадочны... У нихъ бываютъ капризы... неожиданныя фантазіи... Подумаешь, у нихъ есть личность, душа, воля... Нужно льстить имъ, ухаживать за ними и никогда не обращаться съ ними грубо и не утомлять ихъ... Если вы будете поступать такимъ образомъ, то внезапно

увидите, что эта машина изъ чугуна и стали, этотъ мо-
торъ, построенный согласно точнымъ вычисленіямъ, да-
етъ не только свою полную продуктивность, но и двойную,
тройную, гораздо больше и гораздо лучше, чѣмъ можно
было предвидѣть по расчетамъ строителя: ея отца». Такъ
вотъ: я придаю большое значеніе этимъ фразамъ, которыя
возвѣщаютъ мнѣ о близкомъ открытіи законовъ истинной
чувствительности машины.

Нужно подготовлять также близкое и неизбѣжное ото-
ждествленіе человѣка и мотора, облегчая и совершенствуя
постоянный обмѣнъ металлическихъ интуицій, ритмовъ,
инстинктовъ и дисциплинъ, абсолютно неизвѣстныхъ ны-
нѣ большинству и угадываемыхъ только самыми проница-
тельными умами.

Несомнѣнно, принимая трансформистскую гипотезу
Ламарка, надо признать, что мы мечтаемъ о созданіи не-
человѣческаго типа, у котораго будутъ уничтожены мо-
ральныя страданія, доброта, нѣжность и любовь, един-
ственные яды, отравляющіе неистощимую жизненную
энергію, единственные прерыватели нашего могучаго фи-
зіологическаго электричества.

Мы вѣримъ въ возможность несчетнаго числа человѣ-
ческихъ трансформацій, и заявляемъ безъ улыбки, что
въ человѣческомъ тѣлѣ дремлютъ крылья.

Въ тотъ день, когда человѣку станетъ возможно экстe-
ріоризовать свою волю, такъ что она будетъ продолжаться
внѣ его, какъ огромная невидимая рука, Мечта и Желанія
нынѣ пустыя слова, пріобрѣтутъ верховную власть над
укрощенными пространствомъ и временемъ.

Нечеловѣческій и механическій типъ, построенный для
вездѣсущей скорости, естественно, будетъ жестокимъ, во-
вѣдущимъ и воинственнымъ. Онъ будетъ надѣленъ неожи-
данными органами: органами, приспособленными къ по

требностямъ окружающей среды, состоящей изъ непрерывныхъ столкновеній.—Мы можемъ уже теперь предвидѣть развитіе гребня на наружной поверхности грудной кости, тѣмъ болѣе значительнаго, чѣмъ лучшимъ авіаторомъ станетъ будущій человѣкъ, какъ это наблюдается у лучшихъ летуновъ между птицами. Нетрудно оцѣнить эти различныя гипотезы, съ виду парадоксальныя, изучая явленія экстеріоризованной воли, постоянно происходящія на спиритическихъ сеансахъ.

Достовѣрно, кромѣ того, и вы легко можете констатировать это, что теперь съ возрастающей легкостью находятъ людей изъ народа, лишенныхъ образованія и воспитанія, но тѣмъ не менѣе одаренныхъ тѣмъ, что я называю великимъ механическимъ вдохновеніемъ или металлическимъ чутьемъ.

Это потому, что рабочіе уже испытали воспитаніе машины и до нѣкоторой степени сроднились съ моторами.

Чтобы подготовить образованіе этого нечеловѣческаго и механическаго типа *умноженнаго человѣка*, нужно необычайно уменьшить потребность привязанности, пока еще неразрушимую и коренящуюся въ крови человѣка.

Намъ слѣдуетъ свести нашу потребость привязанности до минимума, уже достигнутаго иными сорокалѣтними холостяками, легко утоляющими жажду своего привязчиваго сердца ласками рѣзвящейся собачки.

Будущій человѣкъ сведетъ такимъ образомъ свое сердце къ его настоящей распредѣляющей функціи. Сердце должно сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ желудкомъ мозга, методически наполняемымъ, чтобы духъ могъ вступать въ дѣйствіе.

Теперь встрѣчаются люди, которые проводятъ жизнь почти безъ любви, въ атмосферѣ цвѣта стали. Будемъ дѣйствовать такъ, чтобы число этихъ образцовыхъ людей

возрастало. Эти энергическія существа не посѣщаютъ вечеромъ нѣжной любовницы, но любятъ убѣждаться каждое утро, съ любовной скрупулезностью, что ихъ мастерская дѣйствуетъ въ полномъ порядкѣ.

Наиболѣе страстнымъ изъ молодыхъ людей я рекомендую любовь къ...—потому что эта любовь можетъ регулярно утолять ихъ потребность привязанности, которую женщина будетъ только разжигать скачками своихъ капризовъ и любопытствомъ своихъ кошачьихъ повадокъ.

Мы убѣждены съ другой стороны, что литература оказываетъ опредѣляющее вліяніе на всѣ соціальные классы, до самыхъ невѣжественныхъ включительно, куда проникаетъ путемъ таинственной инфильтраціи. Стало быть, литература можетъ ускорять или замедлять движеніе человѣчества къ этой формѣ жизни, освобожденной отъ чувства и сладострастія.

Наперекоръ нашему скептическому детерминизму, который намъ слѣдуетъ убивать изо дня въ день, мы вѣримъ въ полезность литературной пропаганды. — Мы и ведемъ активную пропаганду въ театрѣ и въ романѣ противъ воззрѣнія, прославляющаго Донъ Жуана и вышучивающаго Рогоносца.

Эти два слова должны потерять всякое значеніе въ жизни, въ искусствѣ и въ коллективномъ воображеніи.

Осмѣиваніе Рогоносца не содѣйствуетъ ли прославленію Донъ Жуана? А прославленіе Донъ Жуана не содѣйствуетъ ли, неизбѣжно, осмѣиванію Рогоносца?

Избавившись отъ этихъ двухъ *лейтмотивовъ*, мы отдѣлаемся отъ великаго болѣзненнаго явленія ревности, которое есть ничто иное, какъ продуктъ донъ-жуанскаго тщеславія, литературный продуктъ.

Мы увидимъ, какъ исчезнетъ такимъ образомъ не толь-

ко любовь къ женщинѣ-супругѣ и къ женщинѣ-любовницѣ, но также и любовь къ матери, главная связь семьи, враждебная, въ качествѣ таковой, смѣлому созданію будущаго человѣка.

Человѣчество, разъ освободившись отъ семьи, этого гасильника, этого тѣснаго круга, не только традиціоннаго по преимуществу, но и животнаго по преимуществу, легко обойдется безъ этой двойной любви, сыновней и материнской, безъ этихъ двухъ любвей, согрѣвающихъ, но вредныхъ, жаркихъ оковъ, которыя нужно разбить.

Вотъ почему мы находимъ, въ ожиданіи, чрезвычайно полезной пропаганду свободной любви, которая разъѣдаетъ семью и ускоряетъ ея разрушеніе.

А между тѣмъ, пока мы съ ожесточеніемъ боремся съ божествомъ любви, мы констатируемъ въ себѣ самихъ существованіе интеллектуальной солидарности, которая у латинскихъ народовъ есть безусловно новое изобрѣтеніе.

Я говорю о великой духовной дружбѣ, которая связываетъ новаторскіе и революціонные умы.

Необъятная романтическая любовь сведена такимъ образомъ къ простому совокупленію для сохраненія рода, и столкновеніе эпидермъ освобождено наконецъ отъ великой пикантной тайны, отъ великой пряной приправы грѣха и отъ великаго донъ-жуанскаго тщеславія. Простая тѣлесная функція, какъ питье и ѣда.

Умноженный человѣкъ, о которомъ мы мечтаемъ, сохранитъ до самой смерти свою воспроизводительную силу, какъ сохраняютъ желудокъ, и не будетъ знать трагедіи старости и безсилія!..

Но для этого нужно, чтобы современные молодые мужчины, получивъ, наконецъ, отвращеніе къ эротическимъ книгамъ и двойному алкоголю сантиментализма и сладострастія, окончательно иммунизировавшись противъ бо-

лѣзни любви, научились методически разрушать въ себѣ всѣ скорби сердца, ежедневно разрывая свои привязанности и постоянно развлекая свой полъ и свой духъ. Нашъ свободный женоненавистническій оптимизмъ рѣзко расходится, такимъ образомъ, съ пессимизмомъ Шопенгауера, этого горькаго философа, который не разъ протягивалъ намъ соблазнительный револьверъ своей философіи, чтобы убить въ насъ глубокое тошнотворное навожденіе женщины и любви. Изъ этого отчаяннаго револьвера мы весело палили въ великій Лунный Свѣтъ романтики!

Мы отрицаемъ нашихъ учителей символистовъ, послѣднихъ любовниковъ луны.

Мы всѣмъ пожертвовали торжеству этого футуристскаго пониманія жизни. Вы легко поймете также, почему мы ненавидимъ нынѣ нашихъ славныхъ интеллектуальныхъ отцовъ, безмѣрно любимыхъ нами раньше: великихъ символистскихъ геніевъ — Эдгара По, Бодлэра, Маларме и Верлэна.

Нынѣ мы негодуемъ на нихъ за то, что они плыли по рѣкѣ времени, непрерывно обращая головы назадъ, къ отдаленному голубому источнику Прошлаго, къ *прежнему небу, гдѣ цвѣтетъ красота.* Для нихъ нѣтъ поэзіи безъ тоски, безъ вызыванія почившихъ временъ, безъ историческаго и легендарнаго тумана.

Мы ненавидимъ символистскихъ мастеровъ, мы, которые осмѣлились выйти нагими изъ рѣки времени и создаемъ, волей-неволей, своими тѣлами, ободранными каменьями крутого склона, новые потоки, убирающіе въ пурпуръ гору.

Мы красные, мы любимъ красное, и, съ отблескомъ то-

покъ локомотивовъ на щекахъ, мы воспѣваемъ растущее торжество Машины, которую они глупо ненавидѣли.

Наши отцы символисты питали страсть, которую мы считаемъ смѣшной: страсть къ вѣчнымъ вещамъ, стремленіе къ безсмертному и нетлѣнному шедёвру. Мы же, напротивъ, считаемъ, что нѣтъ ничего болѣе низкаго и жалкаго, чѣмъ думать о безсмертіи, создавая произведеніе искусства, болѣе низкаго и жалкаго, чѣмъ разсчетливая и ростовщическая концепція... который долженъ вознаградить милльонъ на сто наши земныя добродѣтели.

Нужно просто творить, потому что творить безполезно, безъ награды, въ невѣдѣніи, въ пренебреженіи, словомъ героически. Поэзіи тоскливаго воспоминанія мы противупоставляемъ поэзію лихорадочнаго ожиданія.

Слезамъ красоты, нѣжно склоняющейся надъ могилами, мы противупоставляемъ рѣзкій, острый профиль пилота, шоффера и авіатора.

Концепціи нетлѣннаго и безсмертнаго мы противупоставляемъ въ искусствѣ концепцію становящагося, тлѣннаго, переходнаго и эфемернаго.

Мы преобразуемъ такимъ образомъ въ острую радость *nevermore* Эдгара По и учимъ любить красоту эмоціи и ощущенія, потому что она *единственна и предназначена къ безвозвратному уничтоженію.*

Исторія въ нашихъ глазахъ неизбѣжно фальсификаторъ или по крайней мѣрѣ жалкій собиратель почтовыхъ марокъ, медалей и поддѣльныхъ монетъ.

Прошлое по необходимости ниже будущаго. Мы желаемъ, чтобы такъ было. Да и какъ можемъ мы признавать заслуги за опаснѣйшимъ изъ нашихъ враговъ: прошлымъ, угрюмымъ лжецомъ, ненавистнымъ опекуномъ.

Вотъ какимъ образомъ мы отрицаемъ навязчивое вели-

колѣніе погибшихъ вѣковъ и работаемъ заодно съ побѣдоносной Механикой, которая держитъ землю въ сѣтяхъ своей скорости.

Мы работаемъ заодно съ Механикой, чтобы уничтожить старую поэзію разстоянія и дикихъ пустынь, изысканной тоски разлуки, которую мы замѣщаемъ лирическимъ трагизмомъ вездѣсущія и всюду поспѣвающей скорости.

Въ самомъ дѣлѣ, наша футуристская чувствительность не волнуется передъ мрачной тайной неизслѣдованной долины или горнаго ущелья, которое мы, противъ своей воли, представляемъ себѣ съ изящной и почти парижской бѣлой лентой дороги, гдѣ внезапно останавливается, пыхтя, автомобиль, напоминающій о прогрессѣ и полный культурныхъ голосовъ: уголокъ бульвара, расположенный бивуакомъ въ пустынѣ.

Этотъ еловый лѣсъ, влюбленный въ луну, на футуристской дорогѣ, прорѣзающей его изъ конца въ конецъ. Простое и тоскливое царство растенія съ длинными монологами кончилось.

Съ нами начинается царство человѣка съ подрѣзанными корнями, умноженнаго человѣка, который смѣшивается съ желѣзомъ, питается электричествомъ и понимаетъ только наслажденіе ежедневной опасности и героизма.

Этимъ самымъ мы даемъ вамъ понять, насколько мы презираемъ пропаганду эстетической охраны пейзажа, этотъ глупый анахронизмъ.

Разноцвѣтныя афиши на зелени луговъ, желѣзнодорожные мосты, перекинутые между холмами, хирургическіе поѣзда, просверливающіе голубое брюхо горъ, огромныя трубы турбинъ, новые мускулы земли, примите хвалу отъ футуристскихъ поэтовъ, такъ какъ вы разрушаете

старую болѣзненную и воркующую чувствительность земли!

Какъ вы хотите, чтобы съ такими страстями, съ такимъ новаторскимъ пыломъ, мы принимали артистическую концепцію нашей современной Италіи? Она слишкомъ долго испытывала на себѣ изнуряющее вліяніе Габріэле д'Аннунціо, младшаго брата великихъ французскихъ символистовъ, тоскующаго какъ они, и, какъ они, склонившагося надъ обнаженнымъ тѣломъ женщины.

Надо во чтобы то ни стало бороться съ Габріэле д'Аннунціо, такъ какъ онъ рафинировалъ всѣмъ своимъ талантомъ четыре интеллектуальные яда, которые мы желаемъ уничтожить во чтобы то ни стало.

1. Болѣзненную и тоскливую поэзію разстоянія и воспоминанія; 2, романтическій сентиментализмъ, струящійся луннымъ свѣтомъ и поднимающійся къ женщинѣ— Красотѣ, идеальной и фатальной; 3, навожденіе сладострастія съ треугольникомъ адюльтера, перца кровосмѣшенія и возбуждающей приправой грѣха; 4, глубокую страсть къ прошлому усиленную антикварской и коллекторской маніей.

Мы отрицаемъ также болтливый и прѣсный сантиментализмъ Пасколи, который, несмотря на свой неоспоримый геній, останется тѣмъ не менѣе повиннымъ въ унижающемъ и растлѣвающемъ вліяніи.

Наконецъ, мы рады, что намъ не придется больше пить тошнотворный молочный кофе нашего плачевнаго Фагоцаро.

Мы принимаемъ только блистательное творчество пяти или шести великихъ предшественниковъ футуризма. Я имѣю въ виду Эмиля Зола, Уота Уитмана; Рони Старшаго, автора *Bilatéral* и *Vague rouge;* Поля Адана, автора *Trust;* Октава Мирбо, автора *Les affaires sont les affaires,* Гюстава

Кона, творца свободныхъ стиховъ, и Верхарна, прославителя щупальцовыхъ городовъ.

Футуристскій лиризмъ по существу подвижный и измѣнчивый, такъ же какъ красочный динамизмъ футуристскихъ живописцевъ Боччони, Руссоло и Карра, выражаетъ съ непрерывной скоростью наше я, которое создается съ неустаннымъ вдохновеніемъ.

Футуристскій лиризмъ, вѣчный динамизмъ мысли, непрерывная струя образовъ и звуковъ, одинъ можетъ выразить эфемерную, непостоянную, симфоническую вселенную, которая куется въ насъ и съ нами.

Это динамизмъ нашего эластическаго сознанія, реализуемый вполнѣ. Интегральное я, безконечно воспѣваемое, живописуемое, воспроизводимое скульптурой въ его непрерывномъ становленіи. Послѣдовательность лирическихъ состояній, исключающая всякую парнасскую идею взаимной экстеріорности протяженія, вотъ великая оркестровая строфа свободныхъ футуристскихъ стиховъ.

Искусству абстрактному, статическому и формальному, мы противопоставляемъ искусство непрерывнаго движенія, агрессивной борьбы и скорости.

На повелительныя утвержденія догматическаго интеллектуализма мы отвѣчаемъ крикомъ:

«Мы хотимъ разрушить музеи, библіотеки! Ваши возраженія? Полно! Мы прекрасно знаемъ, что намъ подсказываетъ нашъ милый и лживый интеллектъ. Мы не желаемъ слушать!»

Мы любимъ также повторять глубокую и блестящую мысль Эдгара По: *Поэтическій духъ, эта возвышеннѣйшая изъ всѣхъ способностей, потому что истины величайшей вѣрности могли быть открыты намъ только этой аналогіей, краснорѣчіе которой, неопровержимое для воображенія,*

ничего не говоритъ хилому и одинокому разуму. (Діалогъ Моноса и Уны)).

Скептическому и пессимистскому детерминизму мы противопоставляемъ, слѣдовательно, культъ творческой интуиціи, свободу вдохновенія и искусственный оптимизмъ.

Наконецъ, тоскующему сантиментальному или сладострастному лунному свѣту мы противопоставляемъ несправедливый и жестокій героизмъ, повелѣвающій завоевательной лихорадкой моторовъ.

Что раздѣляетъ насъ съ Ницше?

Въ нашей борьбѣ съ профессорской страстью къ прошлому, мы рѣзко отрицаемъ идеалъ и ученіе Ницше.

Я хочу доказать здѣсь,что англійскія газеты, безусловно ошибаются, считая насъ Ницшеанцами. Въ самомъ дѣлѣ, вамъ стоитъ только разсмотрѣть конструктивную часть творчества великаго нѣмецкаго философа, чтобы убѣдиться, что его сверхчеловѣкъ, зачатый въ философскомъ культѣ греческой трагедіи, предполагаетъ у своего отца страстный возвратъ къ язычеству и миѳологіи. Несмотря на всѣ свои порывы къ будущему, Ницше останется однимъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ античнаго величія и красоты.

Это пессимистъ, который шествуетъ по вершинамъ Ѳессалійскихъ горъ, въ путахъ изъ длинныхъ греческихъ текстовъ.

Его сверхчеловѣкъ есть продуктъ эллинскаго происхожденія, конструированный изъ трехъ великихъ разлагающихся труповъ Аполлона, Марса и Вакха.

Это смѣсь элегантной красоты, воинской силы и Діонисовскаго упоенія, какими ихъ являетъ намъ великое клас-

сическое искусство. Мы противопоставляемъ этому греческому сверхчеловѣку, родившемуся въ пыли библіотекъ, человѣка, умноженнаго на самого себя, врага книги, друга личнаго опыта, воспитанника Машины, яраго воспитателя своей воли, яснаго въ блескѣ своего вдохновенія, вооруженнаго кошачьимъ чутьемъ, молніеносными расчетами, дикимъ инстинктомъ, интуиціей, коварствомъ и безразсудствомъ.

Дѣти современнаго поколѣнія, живущія между космополитизмомъ, синдикалистскимъ приливомъ и полетомъ авіаторовъ,—вотъ первые наброски умноженнаго человѣка, подготовляемаго нами. Чтобы заняться имъ, мы покинули Ницше, въ одинъ декабрьскій вечеръ, на порогѣ Библіотеки, захватившей философа въ свой теплый, ученый и комфортабельный уютъ. Ницше, конечно, не стошнило бы отъ отвращенія, какъ насъ, при видѣ начертанныхъ мѣломъ глупостей, на фасадахъ музеевъ, академій, библіотекъ и университетовъ, гнусныхъ принциповъ:

Вы больше не будете думать!

Вы больше не будете рисовать!

Вы больше не будете строить!

Никто никогда не превзойдетъ великихъ мастеровъ!

Всякая оригинальность запрещена.

Мы не желаемъ ни сумасбродства, ни экстравагантности; мы желаемъ копій!

Чтобы завоевать рай Искусства, нужно подражать жизни нашихъ Святыхъ!

Но мы не послушались благоразумныхъ совѣтовъ Ницше, и съ отвращеніемъ смотрѣли на итальянскую молодежь, которая стекалась, прискорбно канализированная, въ эти великія клоаки интелликтуальности.

Мы не спали въ эту ночь, а на зарѣ вскарабкались на двери академій, музеевъ, библіотекъ и университетовъ,

чтобы написать надъ ними героическимъ углемъ заводовъ слѣдующее посвященіе, которое является въ то же время отвѣтомъ классическому сверхчеловѣку Ницше:

Землетрясенію,
ихъ единственному союзнику, —
Футуристы
посвящаютъ эти руины Рима и Аѳинъ.

Въ этотъ день старыя ученыя стѣны сотряслись отъ нашего неожиданнаго крика:

Горе тому, кто поддается демону восхищенія! Горе тому, кто восхищается прошлымъ и подражаетъ ему! Горе тому, кто продаетъ свой геній!

Вы должны съ ожесточеніемъ бороться съ тремя непримиримыми врагами и растлителями искусства: Подражаніемъ, Благоразуміемъ и Деньгами, которыя сводятся къ одному: Трусости.

Трусости по отношенію къ удивительнымъ образцамъ и принятымъ формуламъ. Трусости по отношенію къ потребности любви и по отношенію къ страху нищеты.

Не боролись-ли вы сегодня утромъ, покидая вашу постель, съ началомъ инертности и сна? Согласитесь же, что міръ нуждается только въ героизмѣ, и извините вмѣстѣ съ нами красивый жестъ кровавой недисциплинированности Палермскаго студента Лидонни, отмстившаго наперекоръ законамъ тираническому и тупому профессору.

Пассеистскіе профессора одни отвѣтственны въ этомъ убійствѣ, они, которые желаютъ угасить въ смрадныхъ подземныхъ каналахъ неукротимую энергію итальянской молодежи.

Когда-же перестанутъ кастрировать умы, которые должны создавать будущее?

Когда перестанутъ преподавать притупляющее обожа-

ніе непревосходимаго прошлаго дѣтямъ, изъ которыхъ желаютъ сдѣлать, чего бы это ни стоило, ничтожныхъ тупыхъ куртизановъ?

Поспѣшимъ все передѣлать! Нужно плыть противъ теченія!

Скоро наступитъ моментъ, когда намъ нельзя будетъ довольствоваться защитой нашихъ идей оплеухами и тумаками, когда мы должны будемъ устроить покушеніе во имя мысли, покушеніе художественное, покушеніе литературное противъ прославляемой пачкотни и угнетателя профессора!

Но, можетъ быть, трусость нашихъ враговъ избавитъ насъ отъ роскоши убивать ихъ. Это не парадоксы, повѣрьте мнѣ! Надо какой бы то ни было цѣной извлечь Италію изъ этого кризиса пассеистской трусости.

Что вы скажете, напримѣръ, о футуристскомъ проектѣ ввести въ школы правильный курсъ физическихъ опасностей и рисковъ? Дѣти, волей неволей, подчиняются необходимости непрерывно сталкиваться съ опасностями, все болѣе и болѣе страшными, умѣло подстроенными, и всегда непредвидѣнными, каковы: пожаръ, потопленіе, обвалъ потолковъ и другія катастрофы.

Вы, пожалуй, найдете нашу идею довольно нелѣпой? Ничего, къ счастью насъ слишкомъ много, насъ, думающихъ, что талантомъ и культурой теперь прудъ пруди, и только мужества не хватаетъ: качество, въ которомъ большая нужда, и котораго почти не сыщешь.

А вѣдь это первое условіе исполненія нашей великой футуристской надежды: насильно отнять всякій авторитетъ, всѣ права и всякую власть у мертвыхъ и умирающихъ, и передать ихъ молодымъ, въ возрастѣ между 20 и 40 годами.

Въ ожиданіи войны, мы не находимъ нынѣ ничего ин-

тереснаго на землѣ, кромѣ прекрасныхъ и непринужденныхъ смертей авіаторовъ.

Блеріо былъ правъ, восклицая: «Прогрессу нужно еще много труповъ!»

По моему мнѣнію, ихъ нужно столько, что ими можно бы было засыпать Атлантическій океанъ, такъ какъ мы не придаемъ человѣческой жизни иного значенія, кромѣ значенія рискованной ставки въ игорномъ притонѣ смерти.

Мы любимъ только кровь, брызжущую изъ артерій, а всё остальное трусость.

Надо вамъ сказать, что по всѣмъ этимъ причинамъ, насъ не долюбливаютъ люди благоразумные, разсудительные и хорошо *устроившіеся:* судейскіе и полицейскіе агенты подстерегаютъ насъ, священники отворачиваются отъ насъ, а соціалисты отъ души ненавидятъ насъ.

Мы возвращаемъ имъ эту ненависть и пренебреженіе, такъ какъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Эти чистыя и абсолютныя идеи, болѣе другихъ доступныя оскверненію, абсолютно не могутъ пускаться въ ходъ современными людьми.

Наслажденіе быть освистаннымъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ формъ наиболѣе мощнымъ футуристскимъ значеніемъ обладаетъ безъ сомнѣнія театральная пьеса.

Мы желаемъ также, чтобы драматическое искусство перестало быть тѣмъ, чѣмъ оно является нынѣ: жалкимъ ремесленнымъ издѣліемъ, подчиненнымъ требованіямъ рынка, городскимъ развлеченіямъ и удовольствіямъ.

Для этого нужно вымести всѣ скверные предразсудки, которые душатъ авторовъ, актеровъ и публику.

1. Вотъ почему мы рекомендуемъ авторамъ презрѣніе къ публикѣ, а въ особенности къ публикѣ первыхъ представленій, психологію которой можно свести къ слѣдующему: соперничество женскихъ шляпокъ и туалетовъ, тщеславіе дорогихъ мѣстъ, преобразующееся въ интеллектуальную гордость, ложи и партеръ, занятые зрѣлыми и богатыми мущинами, умъ которыхъ естественно склоненъ къ пренебреженію, а пищевареніе очень дѣятельно, что несовмѣстимо съ какимъ-бы то ни было интеллектуальнымъ усиліемъ.

Настроеніе и интеллигентность публики измѣняются соотвѣтственно различнымъ театрамъ города и четыремъ временамъ года. Они подчинены политическимъ и соціальнымъ событіямъ, капризамъ моды, весеннимъ ливнямъ, избытку тепла или холода, послѣдней статьѣ, прочитанной въ вечерней газетѣ. Къ несчастью, единственное желаніе публики спокойно переваривать пищу въ театрѣ. Стало быть, она совершенно неспособна одобрять, не одобрять или исправлять произведеніе искусства. Авторъ можетъ пытаться вытащить публику изъ ничтожества, какъ вытаскиваютъ утопающаго изъ воды. Но пусть онъ остережется, чтобы его не захватили судорожныя руки публики, такъ какъ въ такомъ случаѣ неизбѣжно пойдетъ ко дну вмѣстѣ съ нею при громѣ апплодисментовъ.

2. Мы рекомендуемъ также отвращеніе къ немедленному успѣху, вѣнчающему посредственные и банальные труды. Пьесы, которыя захватываютъ прямо, непосредственно, безъ объясненій, всѣхъ индивидумовъ публики,—это произведенія болѣе или менѣе искусно построенныя, но абсолютно лишенныя новизны и, слѣдовательно, творческаго генія.

3. Авторы должны интересоваться только новаторской оригинальностью. Всѣ пьесы, которыя исходятъ изъ общаго мѣста или заимствуютъ у другихъ произведеній искусства свою идею, свою нить или часть своего развитія, абсолютно презрѣнны.

4. Лейтъ-мотивы любви и треугольникъ адюльтера, до чрезвычайности истрепанные въ литературѣ, должны быть сведены на сценѣ къ значенію второстепенныхъ эпизодовъ, аксессуаровъ, какими они стали теперь въ жизни, благодаря нашему великому футуристскому усилію.

5. Такъ какъ единственная цѣль театральнаго искусства, какъ и всякаго искусства, оторвать душу публики отъ повседневной реальности и экзальтировать ее въ ослѣпительной атмосферѣ интеллектуальнаго опьяненія, то мы презираемъ всѣ пьесы, которыя стремятся только взволновать и довести до слезъ посредствомъ фатально разстроивающаго зрѣлища матери, потерявшей своего ребенка, молодой дѣвушки, которая не можетъ выйти за своего возлюбленнаго, и другихъ подобныхъ же пошлостей.

6. Мы презираемъ въ искусствѣ, а особливо въ театрѣ, всѣ историческія реконструкціи, извлекаютъ-ли они свой интересъ изъ знаменитыхъ героевъ: Нерона, Цезаря, Наполеона, Казановы или Франчески да Римини, или опираются на внушеніе, производимое безполезной пышностью костюмовъ и декорацій прошлаго.

Современная драма должна выражать великую футуристскую мечту, которая выдѣляется изъ нашей современной жизни, раздражаемой земными, морскими и воздушными скоростями и управляемой паромъ и электричествомъ.

Нужно ввести на сценѣ царство Машины, великій революціонный трепетъ, волнующій массы, новыя теченія идей и великія научныя открытія, которыя совершенно

преобразовали чувствительность и мышленіе людей двадцатаго вѣка.

7. Драматическое искусство должно давать не психологическую фотографію, а опьяняющій синтезъ жизни въ ея многочисленныхъ и типическихъ линіяхъ.

8. Нѣтъ драматическаго искусства безъ поэзіи, то есть безъ опьяненія и безъ синтеза. Правильныя просодическія формы должны быть исключены. Футуристскій писатель будетъ пользоваться свободнымъ стихомъ: измѣнчивой оркестраціей образовъ и звуковъ, которая, исходя отъ самаго простого тона, чтобы выразить, напримѣръ, съ точностью появленіе слуги или закрытіе двери, постепенно повышается вмѣстѣ съ ритмомъ страстей, въ строфахъ, поочередно мѣрныхъ и хаотическихъ, когда нужно, напримѣръ, возвѣстить о побѣдѣ народа или славной смерти авіатора.

9. Нужно уничтожить навожденіе богатства въ литературномъ мірѣ, такъ какъ жадность къ прибыли толкаетъ въ театръ безчисленные умы, одаренные исключительно качествами хроникера и журналиста.

10. Мы желаемъ подчинить актеровъ авторитету писателей, вырвать актеровъ изъ-подъ власти публики, которая неизбѣжно толкаетъ ихъ на поиски легкаго эффекта и удаляетъ отъ всякихъ поисковъ глубокаго толкованія.

Для этого нужно уничтожить смѣшной обычай апплодисментовъ и свистковъ, который можетъ служить барометромъ для парламентскаго краснорѣчія, но ужъ, конечно, не для достоинства произведенія искусства.

11. Въ ожиданіи этого уничтоженія мы рекомендуемъ авторамъ и актерамъ наслажденіе быть освистанными.

Не все, что освистывается, хорошо или ново. Но все, что немедленно удостаивается апплодисментовъ, не превосходитъ средняго уровня умовъ; слѣдовательно, это есть

нѣчто посредственное, банальное, пережеванное или слишкомъ хорошо переваренное.

Высказывая эти футуристскія убѣжденія, я съ радостью могу выразить увѣренность, что мой геній, не разъ освистанный французской и итальянской публикой, никогда не будетъ погребенъ подъ грузомъ апплодисментовъ.

Рожденіе футуристской эстетики.

Но, конечно, въ вашихъ головахъ уже накопились многочисленныя возраженія противъ нашего разрушительнаго и анти-традиціоннаго принципа.

Я мимоходомъ подхватываю одно: Какія же творенія —говорите вы—изъ камня, мрамора или бронзы вы можете противупоставить тѣмъ, неподражаемымъ, которыя завѣщаны намъ вѣками?

Я отвѣчу вамъ очень просто:

1. Шедёвры прошлаго—единственные уцѣлѣвшія изъ безчисленнаго количества произведеній искусства, исчезнувшихъ вслѣдствіе своего безобразія или своей хрупкости. Не можете же вы требовать отъ насъ противупоставленія шедёвровъ, созданныхъ въ какіе-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, совокупности отборныхъ произведеній, создавшихся въ теченіе десятка вѣковъ.

2. Я отвѣчаю вамъ, кромѣ того, что космополитическій номадизмъ, демократическій духъ и упадокъ религій сдѣлали абсолютно безполезными великія декоративныя и неразрушимыя зданія, выражавшія кога-то королевскій авторитетъ, теократію и мистицизмъ.

Противорѣчивыя силы Банка, великихъ швецовъ, революціонныхъ синдикатовъ, металлурговъ, инженеровъ электриковъ и авіаторовъ, право стачекъ, равенство передъ закономъ, власть числа, узурпаторская сила массы,

быстрота международныхъ сообщеній, привычка къ гигіенѣ и комфорту, требуютъ, напротивъ, большихъ хорошо провѣтриваемыхъ, народныхъ домовъ; безусловно удобныхъ поѣздовъ; тоннелей; желѣзнодорожныхъ мостовъ; громадныхъ и быстрыхъ трансатлантическихъ пароходовъ; виллъ, умѣло раскинутыхъ по холмамъ подъ свѣжимъ опахаломъ горизонтовъ; огромныхъ митинговыхъ залъ и усовершенствованныхъ уборныхъ для быстраго и ежедневнаго ухода за тѣломъ.

Эстетикѣ, которая непосредственно удовлетворяетъ пользѣ, ни къ чему въ настоящее время королевскіе дворцы съ господствующими линіями и гранитными фундаментами, выроставшіе нѣкогда надъ средневѣковымъ городишкомъ—скопищемъ жалкихъ лачугъ. Къ чему намъ теперь метать въ небо башни этихъ соборовъ, которыя поднимались въ облака, соединяя руки своихъ стрѣлокъ въ мольбѣ о защитѣ городковъ, корчившихся въ ихъ тѣни?

Мы противопоставляемъ имъ абсолютно побѣдоносную и окончательную эстетику большихъ локомотивовъ, спиральныхъ тоннелей, броненосцевъ, миноносцевъ, моноплановъ Антуанетта и бѣговыхъ автомобилей.

Мы создаемъ новую эстетику скорости, мы почти разрушили представленіе пространства и необычайно умалили представленіе времени.

Мы подготовляемъ такимъ образомъ вездѣсущіе умноженнаго человѣка.

Мы придемъ такимъ образомъ къ уничтоженію года, дня и часа.

Метеорологическія явленія опережаютъ насъ, такъ какъ времена года уже слились.

Трагическое ежегодное возвращеніе традиціонныхъ праздниковъ постепенно утрачиваетъ интересъ.

Развѣ ночное бдѣніе труда и удовольствія во Франціи,

въ Италіи, въ Испаніи уже не слило почти въ одно цѣлое дня и ночи?

Разумѣется, произведенія, въ которыхъ мы выразили этотъ вихрь интенсивной жизни, катящейся къ идеальному будущему, не могутъ быть поняты и оцѣнены публикой, огорошенной нашимъ дикимъ вторженіемъ и раздраженной нашей свирѣпой рѣзкостью.

Она полюбитъ ихъ позднѣе. Пока что она уже начинаетъ отвыкать отъ тѣхъ, противъ которыхъ мы ратуемъ.

Мы уже вызвали возрастающее отвращеніе къ античному, червивому и заплѣсневѣлому.

И это уже важный и рѣшительный результатъ.

Вы читали въ моемъ первомъ манифестѣ утвержденіе, вызвавшее бурю порицаній: «Бѣговой Автомобиль прекраснѣе, чѣмъ *Побѣда Самофракіи*».

Я вамъ оставлю, разставаясь съ вами, въ качествѣ взрывчатаго подарка, слѣдующее заявленіе, которое еще лучше дополняетъ нашу футуристскую мысль:

«Нѣтъ ничего прекраснѣе лѣсовъ строющагося дома».

Лѣса, съ ихъ мостками цвѣта опасности, дебаркадерами аэроплановъ, съ ихъ безчисленными руками, хватающими звѣзды и кометы, съ ихъ воздушными площадками, откуда глазъ обнимаетъ болѣе обширный горизонтъ...

Лѣса, съ ритмомъ блоковъ, молотковъ, и, время отъ времени, раздирающаго крика и тяжелаго паденія каменщика, крупной капли крови на мостовой... лѣса символизируютъ нашу жгучую страсть къ становленію вещей.

Прочь реализованныя и построенныя вещи, бивуаки сна и трусости! Мы любимъ только громадные лѣса, движущіеся и страстные, которые сумѣемъ укрѣплять ежеминутно, всегда на разный ладъ, соотвѣтственно измѣняющимся ухваткамъ шкваловъ, краснымъ цементомъ нашихъ тѣлъ, выкованныхъ волей.

Бойтесь всего отъ червиваго Прошлаго. Надѣйтесь на всё отъ Будущаго. Имѣйте довѣріе къ прогрессу, который всегда правъ, даже когда ошибается, потому что онъ есть движеніе, жизнь, борьба, надежда.

Остерегайтесь затѣвать тяжбу съ прогрессомъ. Пусть онъ обманщикъ, плутъ, убійца, воръ, поджигатель,—прогрессъ всегда правъ.

Но самый яркій, самый рѣзкій изъ футуристскихъ символовъ является къ намъ съ Дальняго Востока.—Въ настоящее время въ Японіи существуетъ въ высшей степени странная торговля: торговля углемъ изъ человѣческихъ костей, съ тѣхъ поръ какъ всѣ пороховые заводы работаютъ надъ приготовленіемъ новаго взрывчатаго вещества, болѣе убійственнаго, чѣмъ всѣ извѣстныя въ наши дни.

Главная составная часть этой грозной новой смѣси—уголь изъ человѣческихъ костей, который обладаетъ свойствомъ жадно поглощать газы и жидкости. Вотъ почему безчисленные японскіе торговцы изслѣдуютъ по всѣмъ направленіямъ обширныя поля Манджурскихъ битвъ, переполненныя трупами. Огромныя раскопки ведутся лихорадочно и груды скелетовъ растутъ во всѣхъ пунктахъ этихъ воинственныхъ обширныхъ горизонтовъ. Сто *тсиновъ* (семь килограммовъ) человѣческихъ костей стоятъ девяносто двѣ копейки: это не дорого.

Японскіе купцы, руководящіе этой футуристской торговлей, не покупаютъ череповъ, такъ какъ черепа, кажется, не обладаютъ необходимыми качествами. Я раздѣляю ихъ презрѣніе къ этимъ печальнымъ покрышкамъ античной мудрости!.. Напротивъ, эти купцы покупаютъ грудами всѣ остальныя кости для вывоза въ Японію, и станція Бенику кажется издали пассажирамъ Великой Сибирской дороги гигантской бѣловатой пирамидой: скелеты героевъ, которые вскорѣ будутъ истолчены въ ступкахъ ихъ сы-

новьями, родственниками или согражданами и грубо извергнуты артиллерійскими орудіями, въ дальнихъ краяхъ, въ блѣдныя лица вражескихъ армій.

Слава неукротимому праху человѣческому, оживающему въ пушкѣ! Будемъ апплодировать, друзья мои, этому благородному примѣру синтетическаго насилія! Будемъ апплодировать этой прекрасной пощечинѣ всѣмъ глупымъ культиваторамъ могильныхъ огородовъ!

Живо! чтобы расчистить дорогу, отправляйте возлюбленные трупы въ пушечные жерла!.. Или еще лучше пусть они ожидаютъ непріятеля, тихонько покачиваясь въ хорошенькихъ плавучихъ торпедахъ, протягивающихъ свои уста, полные разрывающихъ поцѣлуевъ...

Скелетовъ будетъ все больше и больше,—и тѣмъ лучше! Больше будетъ и взрывчатыхъ веществъ, что вовсе не лишнее въ этомъ дрябломъ мірѣ!

Выше поднимемъ футуристское знамя!

Все выше и выше! чтобы экзальтировать агрессивную и забывчивую волю человѣка и подтвердить лишній разъ смѣшное ничтожество тоскливаго воспоминанія, близорукой исторіи и похороннаго прошлаго.

Вы находите насъ необычайно грубыми? Это потому, что мы говоримъ подъ диктовку новаго солнца, разумѣется, не того солнца, которое ласкало спокойныя плечи нашихъ дѣдовъ, медленно прогуливавшихся въ часы досуга по улицамъ провинціальныхъ городовъ, поросшихъ травою безмолвія.

Мы дышемъ атмосферой, которая показалась бы имъ непригодной для дыханія. У насъ нѣтъ больше времени молиться на могилахъ! Да и какъ могли-бы мы сдѣлать себя понятными ихъ медлительнымъ душамъ, болѣе похожимъ на душу Аристотеля, чѣмъ на нашу?

Въ неизбѣжно близкихъ столкновеніяхъ народа побѣ-

дителемъ останется тотъ, который будетъ обладать наиболѣе глубокимъ сознаніемъ этой разницы.

Побѣдитъ народъ самый забывчивый, самый футуристскій, самый ученый, самый машинистскій и, слѣдовательно, самый богатый.

Что касается до насъ, итальянскихъ футуристовъ, то мы не желаемъ, чтобы Италія оказалась въ состояніи безсилія наканунѣ этой грозной борьбы. Вотъ почему мы бросаемъ за бортъ тяжкій грузъ прошлаго, обременяющій ея гибкій и воинственный киль.

Электрическая война.

(Футуристское видѣніе-гипотеза).

О! какъ я завидую людямъ, которые родятся черезъ сто лѣтъ, на моемъ полустровѣ, вполнѣ оживленномъ, потрясенномъ и взнузданномъ электрическими силами! Навязчивое видѣніе будущности разрываетъ мой духъ восхитительными шквалами.

Вотъ, по всему побережью зеленоватое море, разставшееся съ своей праздностью и лѣнью куртизанки, окруженной поклоненіемъ, расточительной и вѣроломной, является, наконецъ, укрощеннымъ, дѣйствующимъ и продуктивнымъ. Безбрежное зеленоватое море, предметъ глупаго обожанія поэтовъ, работаетъ всюду, всѣми своими усердными и неистовыми бурями, покачивая безчисленные желѣзные плоты, приводящіе въ дѣйствіе два мильона динамо, размѣщенныхъ по пляжамъ и въ тысячѣ рабочихъ заливовъ.

Посредствомъ сѣти металлическихъ канатовъ, двойная сила Средиземнаго и Адріатическаго морей поднимается до гребня Апеннинскихъ горъ и концентрируется въ огром-

ныхъ клѣткахъ изъ желѣза и хрусталя, грозныхъ аккумуляторахъ, громадныхъ нервныхъ центрахъ, распредѣленныхъ по спинному и горному хребту Италіи. При посредствѣ мускуловъ, артерій и нервовъ полуострова, энергія отдаленныхъ вѣтровъ и возмущеній моря, превращенная геніемъ человѣка въ многіе мильоны киловаттовъ, распространяется всюду, безъ проводящихъ проволокъ, съ плодоноснымъ изобиліемъ, регулируемымъ клавишами, играющими подъ пальцами инженеровъ. Они живутъ въ камерахъ высокаго напряженія, гдѣ 100,000 вольтъ вибрируютъ между огромными стеклянными бухтами. Они сидятъ передъ распредѣлительными таблицами, имѣя по правую и по лѣвую руку счетчиковъ, клавиши, регулятивные аппараты и коммутаторы, и всюду яркое сверканіе блестящихъ рукоятокъ. Эти люди обрѣли, наконецъ, радость бытія въ жизни повелителей между желѣзными и хрустальными стѣнами. У нихъ стальная мебель, которая въ двадцать разъ легче и дешевле нашей. Они избавились, наконецъ, отъ примѣра бренности и разслабляющей вялости дерева и матерій съ ихъ сельскими орнаментами. Эти люди могутъ писать въ никелевыхъ книгахъ, толщина которыхъ не превосходитъ трехъ сантиметровъ, которыя стоятъ всего восемь франковъ и тѣмъ не менѣе содержатъ сто тысячъ страницъ.

Такъ какъ теплота, свѣжесть и вентиляція быстро регулируются, то они чувствуютъ, наконецъ, полноту и упорную твердость своей воли.—Ихъ тѣло, забывая дающую почки узловатость деревьевъ, усиливается походить на окружающую сталь. Эти люди бросаются на своихъ монопланахъ, проворныхъ метательныхъ снарядахъ, чтобы наблюдать за циркуляціей электричества по сѣти безчисленныхъ равнинъ. Они посѣщаютъ вспомогательные очаги дѣятельности, многоугольные гаражи, изъ которыхъ плуги-

автомобили непрерывно мчатся на луга, перекапывать, обработывать и орошать электрически землю и растительность.

Они регулируютъ съ высоты своихъ моноплановъ, при помощи безпроволочныхъ телефоновъ, молніеносную быстроту поѣздовъ-сѣялокъ, которые два или три раза въ годъ разъѣзжаютъ по равнинамъ для бѣшеныхъ посѣвовъ. Каждый вагонъ несетъ на крышѣ желѣзную лапу, вращается горизонтально, разбрасывая вокругъ оплодотворяющія сѣмена. Электричество беретъ на себя заботу объ ускореніи ихъ всхода. Всё парящее атмосферное электричество, всё несчетное теллурическое электричество утилизированы наконецъ. Эти безчисленные громоотводы и столбы, разставленные безконечными рядами вѣхъ среди огородовъ и садовъ, щекочатъ своими остріями вздутое и бурное брюхо облаковъ и проводятъ къ корнямъ растеній его стимулирующія силы.

Чудо, великое чудо, о которомъ грезили поэты, совершается вокругъ насъ. Мы всюду видимъ анормальное рожденіе растеній, подъ дѣйствіемъ искусственнаго электричества высокаго напряженія. Электрическое орошеніе и дренажъ. Посредствомъ электролиза и вызываемыхъ имъ многочисленныхъ реакцій электричество всюду ускоряетъ ассимиляцію питательныхъ веществъ почвы растительными клѣтками и непосредствено усиливаетъ вегетативную энергію... Вотъ почему вокругъ насъ чудесно выходятъ изъ подъ земли деревья, развертываются, съ молніеносной быстротой, простираютъ свои вѣтви, группами, купами, обширными оазисами... Огромныя рощи, неизмѣримые лѣса поднимаются по склонамъ горъ все выше и выше, повинуясь нашей футуристской волѣ, и хлещутъ старое, мертвенное, изъѣденное слезами, лицо древней Царицы любви.

Мы слѣдуемъ въ монопланѣ за фантастическимъ ростомъ лѣсовъ къ лунѣ.

Ура! Эти поѣзда внизу, мчащіеся съ полной скоростью!... Товарные поѣзда, такъ какъ только товары еще передвигаются по землѣ... Человѣкъ сдѣлался воздушнымъ и лишь время отъ времени ставитъ на нее свои ноги!...

Земля даетъ, наконецъ, свой полный продуктъ; сжатая обширной электрической рукой человѣка, она выдавливаетъ весь сокъ богатства, прекрасный апельсинъ, такъ давно обѣщанный нашей жаждѣ и наконецъ-то, наконецъ-то завоеванный!

Голодъ и нужда исчезли; горькій соціальный вопросъ разрѣшенъ. Вопросъ о финансахъ сведенъ къ простой отчетности производства. Всѣмъ разрѣшается дѣлать золото и чеканить звонкую монету.

Нѣтъ болѣе унизительныхъ занятій. Интеллектъ царствуетъ, наконецъ, всюду. Мускульный трудъ утрачиваетъ, наконецъ, рабій характеръ и служитъ только тремъ цѣлямъ: гигіенѣ, удовольствію и борьбѣ.

Человѣкъ, не имѣя больше надобности бороться изъ за пищи, постигаетъ, наконецъ, чистую идею рекорда восхожденія. Его воля и его честолюбіе разрастаются въ громадныхъ размѣрахъ. Всѣ избытки дѣйствуютъ во всѣхъ душахъ. Состязаніе упорно стремится къ невозможному, очищаясь въ атмосферѣ быстроты и опасности.

Всѣ умы сдѣлались ясными, всѣ инстинкты пышно расцвѣли, и сталкиваются ради добавочнаго наслажденія. Такъ какъ всѣ ѣдятъ легко, то всѣ могутъ совершенствовать свою жизнь въ безчисленныхъ антогонистскихъ усиліяхъ. Анархія усовершенствованій. Ни одна вибрація жизни не пропадаетъ, ни одна умственная энергія не гасится.

Электрическая энергія получается насчетъ неистощимаго источника, химической энергіи. Со времени отдаленнаго открытія безпроволочнаго телеграфа, роль электриковъ возростала со дня на день. Всѣ законы электричества въ разрѣженныхъ газахъ каталогизированы. Съ поразительной легкостью управляютъ послушными массами электроновъ. Земля, которая, какъ мы уже знаемъ, цѣликомъ состоитъ изъ электризованныхъ частицъ, регулирована, какъ огромная Румкорфова катушка. Глаза и другіе органы человѣка уже не просто чувствительные пріемники, а настоящіе аккумуляторы электрической энергіи.

Свободный человѣческій умъ царитъ всюду.

Двадцать пять великихъ державъ правятъ міромъ, бѣшено оспаривая другъ у друга рынки сбыта производимыхъ въ чрезмѣрномъ изобиліи промышленныхъ продуктовъ. Вотъ почему мы присутствуемъ, наконецъ, при первой электрической войнѣ.

Долой взрывчатыя вещества! Намъ нечего больше дѣлать съ возмущеніемъ плѣненныхъ газовъ, которые бѣшено рвутся изъ-подъ тяжкаго колѣна атмосферы.

На границѣ двухъ народовъ движутся съ той и съ другой стороны, катясь по рельсамъ, огромныя пневматическія машины, стальные слоны съ сверкающими хоботами, направленными на непріятеля.

Эти чудовища, поглотители воздуха, повинуются маленькимъ механикамъ, примостившимся высоко, на подобіе корнаковъ, въ своихъ стеклянныхъ кабинкахъ. Ихъ маленькіе силуэты округляются чѣмъ-то вродѣ водолазнаго шлема, который служитъ имъ для фабрикаціи кислорода, необходимаго для дыханія.

Сознательный и утонченный потенціалъ этихъ людей умѣетъ утилизировать дружбу и силу бурь, чтобы побѣждать усталость и сонъ.

Внезапно, самая математическая изъ двухъ армій разрядила атмосферу вокругъ своей соперницы быстрымъ всасываніемъ своихъ пневматическихъ машинъ.

Тотчасъ затѣмъ послѣднія отходятъ вправо и влѣво по своимъ рельсамъ, уступая мѣсто локомотивамъ, вооруженнымъ электрическими батареями. Вотъ они прицѣливаются, точно пушки по границѣ. Люди, то-есть укротители первичныхъ силъ, регулируютъ стрѣльбу этихъ баттарей, которыя мечутъ въ сферу новой атмосферы, не поддерживающей дыханія и лишенной матеріи, тысячи мотковъ раздраженныхъ молній.

Видите-ли вы, какъ извиваются по лазури эти судорожные узлы гремящихъ змѣй?

Онѣ душатъ безчисленныя, поднимающіяся въ высоту трубы рабочихъ городовъ; онѣ разбиваютъ открытыя челюсти гаваней, хлещутъ бѣлыя вершины горъ и метутъ море цвѣта желчи, которое съ ревомъ подымается въ бѣшенствѣ, чтобы сокрушить приморскіе города. Два десятка электрическихъ взрывовъ въ необъятномъ пустомъ пространствѣ закончили смѣлыя судороги двухъ народовъ соперниковъ, съ силой и блескомъ чудовищныхъ междупланетныхъ электрическихъ разрядовъ.

Между двумя боями болѣзни аттакуются со всѣхъ сторонъ, загнанныя въ два-три послѣдніе госпиталя, ставшіе безполезными. Слабые и немощные, искрошенные, измельченные мощными колесами интенсивной цивилизаціи. Зеленая борода провинціальныхъ переулковъ, сбритая свирѣпыми бритвами скорости.

Радіо-терапевты, въ каучуковыхъ маскахъ, защищающихъ лицо, въ блузахъ, сотканныхъ изъ свинца, каучука и висмута, будутъ наклонять свои очки со стеклами изъ свинцовыхъ солей надъ пронизывающей и исцѣляющей опасностью радія.

Увы! Изобрѣтемъ-ли мы маски и блузы, чтобы защитить себя отъ смертоносной заразы глупости, вашей глупости, пассеисты, естественно не одобряющіе жестокой искренности моихъ нападокъ на старую Италію?

Надо, говорите вы, стирать взаперти свое грязное бѣлье... Ба! Мы не прачки съ заботливыми и нѣжными руками. Наше грязное и заразительное бѣлье мы жжемъ теперь, какъ увеселительный костеръ, на высочайшей вершинѣ человѣческой мысли!... Мы не щадимъ никого!... Отрепавъ всѣхъ иностранцевъ, которые считаютъ насъ устроителями серенадъ, чичероне или нищими, мы заставили ихъ восхищаться нами, какъ даровитѣйшей расой на землѣ.

Благодаря намъ, Италія перестанетъ быть мѣстомъ любовныхъ свиданій космополитическаго міра. Мы предприняли съ этой-же цѣлью пропаганду мужества противъ эпидеміи трусости, фабрикацію искусственнаго оптимизма противъ хроническаго пессимизма... А вы, глупцы, молчите! Ибо мы направляемъ на васъ, какъ револьверъ, наше сердце, сжатое между нашими пальцами, наше сердце, переполненное ненавистью и безразсудствомъ!

Съ нами начинается бурная стачка юныхъ могильщиковъ! Долой могилы! Мы предоставляемъ трупамъ хоронить себя самимъ, и входимъ въ великій футуристскій Городъ, который направляетъ свою чудовищную баттарею фабричныхъ трубъ противъ облекающей его арміи мертвыхъ, устремляясь къ Млечному пути.

Манифесты футуристскаго движенія.

Первый манифестъ футуризма.

(Напечатанъ въ «Фигаро» 20 февраля 1909 г.).

Мы бодрствовали всю ночь подъ лампами мечети, мѣдные купола которой, такіе же ажурные, какъ наша душа, имѣли однако электрическія сердца. Прогуливая нашу прирожденную лѣнность на пышныхъ персидскихъ коврахъ, мы разсуждали на крайнихъ предѣлахъ логики и царапали на бумагѣ безумныя письмена.

Необъятная гордость переполняла наши груди, такъ какъ мы чувствовали, что стоимъ совершенно одни, точно маяки или выдвинувшіеся впередъ часовые, лицомъ къ лицу съ арміей враждебныхъ звѣздъ, расположившихся лагеремъ на своихъ небесныхъ бивуакахъ. Одни съ механиками въ адскихъ топкахъ огромныхъ кораблей, одни съ черными призраками, копошащимися въ красномъ брюхѣ обезумѣвшихъ локомотивовъ, одни съ пьяницами, которые бьются крыльями о стѣны.

И вотъ мы внезапно развлечены гуломъ громадныхъ двуярусныхъ трамваевъ, которые проходятъ мимо, подскакивая испещренными огоньками, точно деревушки подъ праздникъ, которыя разлившійся По внезапно потрясаетъ и срываетъ, увлекая ихъ въ каскадахъ и потокахъ наводненія въ море.

Затѣмъ безмолвіе стало еще глубже. Пока мы прислушивались къ ослабѣвающей мольбѣ стараго канала и треску костей умирающихъ дворцовъ, обросшихъ бородою зелени, подъ нашими окнами внезапно закраснѣлись жадные автомобили.

— Идемъ, друзья мои,—сказалъ я! Въ путь! Наконецъ-то Миѳологія и мистическій Идеалъ превзойдены. Мы будемъ присутствовать при рожденіи Центавра и скоро увидимъ полетъ первыхъ Ангеловъ!—Надо потрясти врата жизни, чтобъ испытать ихъ петли и задвижки!.... Идемъ! Вотъ первое солнце, поднимающееся надъ землею!... Ничто не поравняется съ великолѣпіемъ его красной шпаги, впервые сверкающей въ нашихъ тысячелѣтнихъ потемкахъ.

Мы приближаемся къ тремъ фыркающимъ машинамъ, чтобы поласкать ихъ грудь. Я растянулся на своей, какъ трупъ въ гробу, но внезапно отпрянулъ отъ маховика—ножа гильотины—грозившаго моему желудку.

Великая метла безумія оторвала насъ отъ самихъ себя и погнала по крытымъ и глубокимъ, какъ русла пересохшихъ потоковъ, улицамъ. Тамъ и сямъ, жалкія лампы въ окнахъ учили насъ презирать наши математическіе глаза.

— Чутье—крикнулъ я—хищнымъ звѣрямъ достаточно чутья!

И мы гнали, какъ юные львы, смерть въ черной шкурѣ, испещренной блѣдными крестами, которая бѣжала передъ нами по широкому, сизому, осязаемому и живому небу.

А между тѣмъ у насъ не было идеальной возлюбленной, поднимающейся до небесъ, ни жестокой царицы, которой мы могли бы предложить трупы, скрученные въ византійскія кольца!... Никакого повода къ смерти, кромѣ желанія отдѣлаться, наконецъ, отъ груза нашего мужества!

Мы подвигались впередъ, давя на порогѣ домовъ сторо-

жевыхъ собакъ, которыя расплющивались вокругъ нашихъ раскаленныхъ шинъ, какъ воротничокъ подъ утюгомъ.

Ласковая смерть опережала меня при каждомъ поворотѣ, нѣжно предлагая мнѣ лапу, и поочередно ложилась на землю, съ скрипучимъ звукомъ челюстей бросая на меня бархатные взгляды изъ глубины лужъ.

— Выйдемъ изъ мудрости, какъ изъ отвратительнаго рудника, и войдемъ, какъ плоды, приправленные гордостью, въ огромную и кривую пасть вѣтра!... Отдадимъ себя на съѣденіе неизвѣстному, не вслѣдствіе отчаянія, но просто для того, чтобы обогатить неизслѣдимые резервуары нелѣпости!

Сказавъ эти слова, я круто повернулся, съ азартомъ шалаго пуделя, кусающаго свой собственный хвостъ, и вотъ внезапно двое циклистовъ выбранили меня, покачиваясь передо мною, какъ два убѣдительныя и тѣмъ не менѣ противорѣчивыя разсужденія. Ихъ глупое волненіе захватывало мою территорію... Какая скука! Тьфу!... Я не сталъ долго разговаривать, и отъ отвращенія—трахъ!—шлепнулся внизъ головою въ яму...

О, материнская яма, наполовину наполненная грязной водой! Фабричная яма! Я смаковалъ твою крѣпительную грязь, которая напоминаетъ мнѣ святые черные сосцы моей суданской кормилицы!

Когда я выпрямилъ свое тѣло, грязную и дурно-пахучую швабру, раскаленное желѣзо радости восхитительно пронизало мнѣ сердце.

Толпа рыболововъ-удильщиковъ и подагрическихъ натуралистовъ волновалась отъ ужаса по поводу этого чуда. Эти терпѣливыя и копотливыя души высоко поднимали громадныя желѣзныя сѣти, стараясь выловить мой автомобиль, напоминавшій огромную, увязшую въ грязи аку-

лу. Онъ медленно вынырнулъ, оставляя въ грязи, точно чешую, свою тяжелую оправу здраваго смысла и набивку комфорта.

Её считали мертвой, мою добрую акулу, но я воскресилъ её однимъ ласковымъ прикосновеніемъ къ ея всемогущей спинѣ, и вотъ она ожила и поплыла полнымъ ходомъ на своихъ плавникахъ.

Тогда, въ маскахъ изъ славной фабричной грязи, полной шлака, безполезнаго пота и божественной сажи, держа на перевязкахъ наши раздавленныя руки, среди жалобъ мудрыхъ удильщиковъ и огорченныхъ натуралистовъ, мы продиктовали нашу первую волю всѣмъ *живымъ* людямъ земли:

1. Мы желаемъ воспѣть любовь къ опасности, привычку энергіи и безразсудства.

2. Основными элементами нашей поэзіи будутъ: смѣлость, дерзость и бунтъ.

3. Тогда какъ до сихъ поръ литература возвеличивала задумчивую неподвижность, экстазъ и сонъ, мы желаемъ прославить агрессивное движеніе, лихорадочную безсонницу, гимнастическій шагъ, опасный прыжокъ, пощечину и затрещину.

4. Мы объявляемъ, что великолѣпіе міра обогатилось новой красотой: красотой скорости. Бѣговой автомобиль съ его кузовомъ, украшеннымъ большими трубами, напоминающими змѣй съ взрывчатымъ дыханіемъ... ревущій автомобиль, который точно мчится противъ картечи,— прекраснѣе, чѣмъ *Побѣда Самофракіи*.

5. Мы желаемъ воспѣть человѣка, держащаго маховое колесо, идеальный стержень котораго проходитъ сквозь землю, пущенную по своей орбитѣ.

6. Нужно, чтобы поэтъ тратилъ себя съ жаромъ, бле-

скомъ и расточительностью, чтобы увеличить восторженное рвеніе первичныхъ элементовъ.

7. Красота только въ борьбѣ. Нѣтъ шедёвра, который не былъ бы агрессивнымъ. Поэзія должна быть бурнымъ натискомъ на невѣдомыя силы, чтобы заставить ихъ склониться передъ человѣкомъ.

8. Мы на крайнемъ предѣлѣ вѣковъ!.. Къ чему оглядываться назадъ, разъ намъ нужно высадить таинственныя двери невозможнаго? Время и Пространство умерли вчера. Мы живемъ уже въ абсолютномъ, такъ какъ мы уже создали вѣчную вездѣсущую скорость.

9. Мы желаемъ прославить войну—единственную гигіену міра—милитаризмъ, патріотизмъ, разрушительный жестъ анархистовъ, прекрасныя идеи, которыя убиваютъ, и презрѣніе къ женщинѣ.

10. Мы желаемъ разрушить музеи, библіотеки, сокрушить морализмъ и всяческую оппортюнистскую и утилитарную трусость.

11. Мы будемъ воспѣвать огромныя толпы, взволнованныя трудомъ, удовольствіемъ или возстаніемъ; многоцвѣтныя и многоголосыя бури революцій въ современныхъ столицахъ; ночную вибрацію арсеналовъ и верфей подъ ихъ бурными электрическими лунами; жадные вокзалы, пожирающіе дымящихся змѣй; фабрики, подвѣшенныя къ облакамъ шнурками своихъ дымовъ; мосты съ прыжками гимнастовъ, переброшенные черезъ дьявольскіе ножи озаренныхъ солнцемъ рѣкъ; предпріимчивые пакетботы, обыскивающіе горизонтъ; широкогрудые локомотивы, фыркающіе отъ нетерпѣнія на рельсахъ, подобно громаднымъ стальнымъ конямъ, внузданнымъ длинными трубами; скользящій полетъ аэроплановъ, винты которыхъ шелестятъ точно знамя, и апплодисменты восторженной толпы.

Мы выпустили въ Италіи этотъ манифестъ ниспровергающаго и зажигательнаго насилія, посредствомъ котораго основываемъ нынѣ *футуризмъ*, такъ какъ желаемъ освободить Италію отъ гангрены профессоровъ, археологовъ, чичероне и антикваріевъ.

Италія слишкомъ долго была главнымъ рынкомъ старьевщиковъ. Мы желаемъ избавить ее отъ безчисленныхъ музеевъ, покрывающихъ ее безчисленными кладбищами.

Музеи, кладбища!.. По истинѣ они тождественны въ своемъ зловѣщемъ соприкосновеніи тѣлъ, которыя не знаютъ другъ друга. Публичные дортуары, гдѣ укладываются на вѣчный сонъ бокъ о бокъ съ ненавистными или незнакомыми существами. Взаимная свирѣпость живописцевъ и скульпторовъ, убивающихъ другъ друга линіями и красками въ одномъ и томъ же музеѣ.

Пусть навѣщаютъ ихъ однажды въ годъ, какъ навѣщаютъ своихъ покойниковъ... это мы можемъ допустить!.. Пусть даже кладутъ однажды въ годъ цвѣты къ ногамъ *Джіоконды*, мы и на это согласны!.. Но мы не согласны, чтобы ежедневно таскали по музеямъ наши скорби, наше хрупкое мужество и наше безпокойство!.. Неужели вамъ хочется отравляться? Неужели вамъ хочется гнить?

Что собственно можно найти въ старой картинѣ, кромѣ тяжкихъ потугъ художника, усиливающагося разбить препятствія, непреоборимыя для его желанія всецѣло выразить свою мечту?

Восхищаться старой картиной значитъ вливать нашу чувствительность въ погребальную урну, вмѣсто того, чтобы метать ее впередъ бурными струями творчества и дѣйствія. Стало быть, вы хотите угасить ваши лучшія силы въ безполезномъ восхищеніи прошлымъ,—восхищеніи, послѣ котораго вы неизбѣжно чувствуете себя истощенными, умаленными и растоптанными.

По истинѣ, ежедневное посѣщеніе музеевъ, библіотекъ и академій (этихъ кладбищъ потерянныхъ усилій, этихъ голгофъ распятыхъ мечтаній, этихъ реестровъ разбитыхъ порывовъ!...) есть то же для художниковъ, что продолжительная опека родителей для интеллигентныхъ молодыхъ людей, опьяненныхъ своимъ талантомъ и своей честолюбивой волей.

Для умирающихъ, инвалидовъ и плѣнниковъ,—куда ни шло. Разъ, что будущее для нихъ закрыто, восхитительное прошлое, быть можетъ, бальзамъ на ихъ раны... Но намъ его не нужно, намъ молодымъ, сильнымъ и живымъ *футуристамъ!*

Придите же, славные подражатели съ обугленными пальцами!.. Вотъ они!.. Вотъ они!.. Поджигайте же полки библіотекъ! Отводите каналы, чтобъ затопить погреба музеевъ!.. О! пусть плывутъ по волѣ вѣтра славные паруса! Вамъ заступы и молотки! Подрывайте фундаменты почтенныхъ городовъ!

Самымъ старшимъ изъ насъ не болѣе тридцати лѣтъ; слѣдовательно, мы располагаемъ по крайней мѣрѣ десятью годами для исполненія нашей задачи. Когда намъ исполнится сорокъ лѣтъ, пусть тѣ, кто моложе и бодрѣе насъ, побросаютъ насъ въ корзину, какъ ненужныя рукописи!.. Они явятся противъ насъ издалека, отовсюду, прыгая на легкомъ кадансѣ своихъ первыхъ стихотвореній, хватая воздухъ своими искривленными пальцами, и вдыхая у дверей академіи прекрасный запахъ нашихъ разлагающихся умовъ, уже обѣщанныхъ катакомбамъ библіотекъ.

Но мы не попадемъ туда. Они найдутъ насъ въ зимнюю ночь, въ чистомъ полѣ, подъ кровлей угрюмаго ангара, по которой барабанитъ монотонный дождь, на корточкахъ передъ нашими трепещущими аэропланами, грѣющихъ

руки надъ жалкимъ огонькомъ нашихъ книгъ, нынѣ весело пылающихъ въ искрящемся потокѣ своихъ образовъ.

Они станутъ бушевать вокругъ насъ, задыхаясь отъ тоски и досады, и, раздраженные нашимъ гордымъ неутомимымъ мужествомъ, бросятся убивать насъ, съ тѣмъ большей ненавистью, что сердце ихъ будетъ упоено любовью и восхищеніемъ къ намъ. И вотъ, сильная и святая Несправедливость лучезарно заблеститъ въ ихъ глазахъ. Ибо искусство можетъ быть только насиліемъ, жестокостью и несправедливостью.

Самымъ старшимъ изъ насъ тридцать лѣтъ, а между тѣмъ мы уже растратили сокровища,—сокровища силы, любви, мужества и упорной воли, наскоро, въ лихорадкѣ, безъ счета, изо всѣхъ силъ, не переводя духа.

Взгляните на насъ! Мы не запыхались... Наше сердце ничуть не устало! Потому что оно питалось огнемъ, ненавистью и скоростью!.. Вы удивляетесь? Это потому, что вы даже не помните, чтобы когда-нибудь жили! Стоя на вершинѣ міра, мы еще разъ бросаемъ вызовъ звѣздамъ!

Ваши возраженія? Довольно! Довольно! Я ихъ знаю! Это рѣшено! Мы прекрасно знаемъ, что утверждаетъ нашъ милый и лживый интеллектъ.—Мы, говоритъ онъ, только итогъ и продолженіе нашихъ предковъ.—Быть можетъ! Пусть себѣ!.. Что за важность?.. Но мы не желаемъ слушать! Остерегайтесь повторять эти гнусныя слова! Лучше поднимите голову!

Стоя на вершинѣ міра, мы еще разъ бросаемъ вызовъ звѣздамъ.

Маринетти.

Убьемъ Лунный Свѣтъ

Футуристскій манифестъ.

1.

— Эй, великіе поэты поджигатели, мои братья футуристы!.. Эй! Паоло Буцци, Палаццески, Каваккіоли, Говани, Альтомаре, Фольгоре, Боччони, Карра, Руссоло, Балла, Северини, Прателла, Д'Альба, Мацца, Фронтини!! Выйдемъ изъ Паралича, опустошимъ Подагру, и проложимъ великій военный рельсовый путь по склонамъ Гаурізанкара, вершины міра!

Мы выходили изъ города шибкой и вѣрной походкой, которая желала танцовать и искала препятствій. Вокругъ насъ и въ нашихъ сердцахъ безмѣрное опьяненіе стараго европейскаго Солнца, шатавшагося между хмѣльными облаками. Оно даже ударило намъ въ лицо своимъ ослѣпительно пурпурнымъ факеломъ, а затѣмъ лопнуло и изверглось цѣликомъ въ безконечность.

Вихри агрессивной пыли; ослѣпительный сплавъ сѣры, поташа и силикатовъ для оконъ Идеала!.. Отливка новаго солнечнаго шара!.. Мы вскорѣ увидимъ его!

— Трусы! Трусы!..—крикнулъ я, повернувшись къ обитателямъ Паралича, громоздившагося внизу, грудѣ раздраженныхъ ядеръ для нашихъ будущихъ пушекъ...

— Трусы! Трусы!.. Ну, что вы визжите, словно хорьки, съ которыхъ заживо дерутъ шкуру?.. Боитесь, что мы подожжемъ ваши лачуги?... Рано еще! Намъ нужно согрѣть будущую зиму! А пока мы взрываемъ традиціи, какъ источенные червями мосты!.. Война? О, да... Наша единствен-

ная надежда, смыслъ нашей жизни и наша единственная воля... Да... война! Съ вами, умирающими черезчуръ медленно и со всѣми мертвецами, загромождающими наши пути!..

«Ну да, наши нервы требуютъ войны и презираютъ женщинъ! Разумѣется, такъ какъ мы боимся ихъ цвѣтущихъ рукъ, оплетающихъ наши колѣни въ утро разлуки! Чего хотятъ отъ насъ женщины, сидни, инвалиды, больные и всѣ благоразумные совѣтники?.. Ихъ шаткой жизни, прерываемой мрачными агоніями, трепещущими снами и тяжелыми кошмарами, мы предпочитаемъ насильственную смерть, и прославляемъ ее, какъ единственную достойную человѣка: хищнаго животнаго. Мы желаемъ, чтобы наши дѣти весело слѣдовали своему капризу, грубо противорѣчили старикамъ и осмѣивали все, что освящено временемъ! Это возмущаетъ васъ?.. Вы мнѣ свищете?.. Кричите громче!.. Я не разслышалъ ругательства!.. Громче!.. Что? Честолюбецъ?.. Ну да!.. Мы честолюбцы, потому что не хотимъ тереться о ваше вонючее руно, зловонное стадо, цвѣта грязи, канализированное древними путями земли!.. Но «честолюбецъ» не точный терминъ... Мы скорѣе юные артиллеристы въ веселомъ настроеніи духа!.. И вы должны, волей не волей, пріучить ваши барабанныя перепонки къ грохоту нашихъ пушекъ!..

«Но все это еще не то! Ищите сами! Что вы говорите? Безумцы?.. Ура! въ добрый часъ! Вотъ настоящее слово... слово, котораго я ждалъ! А! А! Находка изъ находокъ! Возьмите заботливо это слово массивнаго золота, и живо возвращайтесь процессіей, чтобы запереть его въ самомъ завистливомъ изъ вашихъ погребовъ! Вы можете прожить съ этимъ словомъ между вашими пальцами и на вашихъ губахъ еще двадцать вѣковъ! Что до меня, то я объявляю вамъ, что міръ прогнилъ отъ мудрости!..

«Вотъ почему мы проповѣдуемъ нынѣ методическій и повседневный героизмъ; вкусъ къ отчаянію, побуждающему сердце отдавать всѣ свои плоды, привычку къ энтузіазму; упоеніе безуміемъ...

«Мы проповѣдуемъ прыжокъ въ сумрачную смерть подъ пристальными и ясными взорами Идеала! И проповѣдуемъ примѣромъ, отдаваясь яростной Портнихѣ битвъ, которая, выкроивъ намъ по мѣркѣ багряный мундиръ, новенькій съ иголочки на солнцѣ, напомадитъ огнями наши волосы, причесанные бомбами. Такъ теплота лѣтняго вечера намасливаетъ поля скользящимъ мерцаніемъ свѣтляковъ.

«Надо, чтобы люди ежедневно электризовали себѣ нервы безумной гордыней!.. Надо, чтобы люди разомъ ставили на ставку свою жизнь, не слѣдя за плутоватыми крупье и не контролируя равновѣсія рулетокъ, раскинувшихся на огромныхъ зеленыхъ коврахъ войны и лелѣемыхъ сомнительной лампой солнца... Надо—поймите—чтобы душа метала тѣло въ огонь, какъ брандеръ, противъ непріятеля... вѣчнаго непріятеля, котораго слѣдовало бы изобрѣсти, если-бъ его не было!..

«Видите ли вдали эти пшеничные колосья, выстроившіеся мильонами въ битву! Эти колосья, гибкіе солдаты съ тонкими штыками, прославляютъ силу хлѣба, который превращается въ кровь, чтобы брызгать и взлетать прямо къ зениту. Кровь—знайте это—цѣнна и пышна только освобожденная изъ темницы артерій желѣзомъ или огнемъ!.. Мы научимъ всѣхъ *вооруженныхъ* солдатъ земли, какъ надо проливать свою кровь. Но предварительно нужно очистить великую Казарму, гдѣ копошитесь вы, насѣкомыя... Это скоро будетъ сдѣлано!.. Въ ожиданіи, клопы, вы еще можете сегодня же вечеромъ вернуться на нечистыя нары, гдѣ мы не желаемъ больше спать».

Повернувшись къ нимъ спиной, я почувствовалъ, по боли въ моихъ плечахъ, что слишкомъ долго тащилъ въ огромной и черной сѣти моего слова этотъ плѣнный и умирающій Народъ съ его смѣшнымъ трепыханіемъ рыбъ въ послѣдней волнѣ свѣта, которую вечеръ бросалъ до утесовъ моего лба.

2.

Городъ Паралича, съ гоготаньемъ птичника, съ безсильной гордостью разбитыхъ колоннъ, съ брюхатыми куполами, рожающими жалкую статую, съ капризомъ папиросныхъ дымовъ на ребяческихъ стѣнахъ, открытыхъ щелчкамъ, Городъ исчезъ, танцуя за нами по прихоти нашего быстраго бѣга...

Передо мною, въ нѣсколькихъ километрахъ, появился внезапно Дворецъ божественныхъ сумасшедшихъ на крупѣ изящнаго холма, бѣжавшаго рысью, какъ молодой жеребенокъ.

— Братья—сказалъ я—отдохнемъ въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ отправимся на закладку великаго Футуристскаго Рельса!

Мы всѣ улеглись въ неизмѣримомъ безуміи Млечнаго Пути, въ тѣни Дворца живыхъ. Тотчасъ прекратился грохотъ двухъ квадратныхъ молотовъ Пространства и Времени. Но Паоло Буцци не могъ спать, такъ какъ его разбитое усталостью тѣло то и дѣло подергивалось отъ укусовъ ядовитыхъ звѣздъ, осаждавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— Братъ,—пробормоталъ онъ,—прогони подальше отъ меня этихъ пчелъ, жужжащихъ надъ пурпурной розой моей воли.

Потомъ онъ заснулъ въ призрачной тѣни Дворца, переполненнаго фантазіей, откуда разливались баюкающая и широкая мелодея вѣчной радости,

Энрико Каваккіоли дремалъ и бредилъ вслухъ:

— Я чувствую, что мое двадцатилѣтнее тѣло молодѣетъ! Я возвращаюсь все болѣе невѣрной походкой въ мою колыбель... Я скоро вернусь въ утробу матери!.. Значитъ, мнѣ все позволено!.. Я хочу ломать роскошныя бездѣлушки!.. Давить города, разбрасывать человѣческіе муравейники!.. Я хочу приручить вѣтры и держать ихъ на сворѣ... Я хочу стаю Вѣтровъ съ гибкими спинами огромныхъ воздушныхъ борзыхъ, чтобы охотиться за дряблыми и бородатыми облаками!

Дыханіе моихъ братьевъ, спавшихъ вокругъ меня, напоминало сонъ могучаго моря на пляжѣ. Но неистощимый и брызжущій энтузіазмъ зари не удерживался болѣе въ горахъ, такъ какъ ночь всюду переполнила мѣру героическихъ ароматовъ и соковъ. Паоло Буцци, внезапно разбуженный этимъ приливомъ бреда, скорчился.

— Слышите ли вы рыданія земли? Она агонизируетъ въ ужасѣ свѣта!.. Слишкомъ много солнцъ наклонились надъ ея синимъ изголовьемъ! Предоставьте ей спать, еще, всегда!.. Дайте мнѣ облаковъ, чтобы спрятать ея глаза и плачущій ротъ!..

При этихъ словахъ солнце протянуло намъ съ края горизонта свой огненный маховикъ, красный и дрожащій.

— Вставай, Паоло!—воскликнулъ я.—Хватай это колесо!.. Я посвящаю тебя въ шофферы міра!.. Но увы! Намъ не справиться съ великой работой будущаго Рельса!.. Наше сердце еще полно нечистымъ хламомъ: павлиньими хвостами, яркими флюгерными пѣтухами и красивыми надушенными платками!.. И мы еще не выгнали изъ нашего мозга унылыхъ муравьевъ мудрости... Намъ нужно сумасшедшихъ!.. Пойдемъ, освободимъ ихъ!..

Мы приближались къ стѣнамъ, пронизаннымъ солнечной радостью по зловѣщей долинѣ, гдѣ тридцать метал-

лическихъ журавлей поднимали, скрежеща, вагонетки, наполненныя дымящимся бѣльемъ, нелѣпую стирку этихъ Чистыхъ, очистившихся отъ всякой логики.

Двое психіатровъ появились на порогѣ, съ категорическимъ видомъ; но такъ какъ у меня не было въ рукахъ ничего, кромѣ ослѣпительнаго фонаря автомобиля, то я уложилъ ихъ замертво его мѣдной ручкой.

Огромныя двери распахнулись, сумасшедшіе, растрепанные и полунагіе, хлынули тысячами, потокомъ... достаточно, чтобы обновить и нарумянить сморщенный ликъ земли.

Одни желали немедленно помахивать сверкающими колокольнями, вмѣсто тросточекъ слоновой кости; другіе играли въ серсо куполами! Женщины расчесывали свои далекія облачныя шевелюры отточенными зубцами созвѣздія.

— О, сумасшедшіе, о, мои возлюбленные братья, слѣдуйте за мною! Мы идемъ заложить Рельсъ на вершинахъ всѣхъ горъ, до самого моря!.. Сколько васъ?.. Три тысячи!.. Не достаточно!.. Впрочемъ, скука и однообразіе скоро истощатъ вашъ прекрасный порывъ!.. Идемъ посовѣтоваться съ хищными животными звѣринцевъ, расположившихся у воротъ Столицы!.. Только они живые, только они вырванные съ корнемъ и наименѣе растительные!.. Впередъ!.. Въ Подагру!.. Въ Подагру!..

И мы—грозный прорывъ шлюза—тронулись въ путь...

Армія безумія металась съ равнины на равнину, разливаясь по ущельямъ, взбираясь на вершины, съ фатальнымъ, легкимъ порывомъ жидкости въ огромныхъ сообщающихся сосудахъ, и наконецъ, принялась бомбардировать криками, лбами и кулаками стѣны Подагры, звенѣвшей, какъ колоколъ.

Сторожа были опьянены, убиты или истоптаны, и же-

стикулирующій приливъ наводнилъ огромный грязный корридоръ звѣринца, клѣтки котораго съ ихъ рѣшетками, наполненныя танцующими гривами, мелькали въ парахъ дикой мощи, и раскачивались, легче, чѣмъ клѣтки чижиковъ, на рукахъ сумасшедшихъ.

Царство львовъ тотчасъ возродило столицу. Возстаніе гривъ и огромное усиліе круповъ, дѣйствовавшихъ, какъ рычаги, взяли формы фасадовъ!.. Ихъ сила, сила потока, разрывавшая мостовую, превратила улицы въ тоннели съ разбитыми сводами... Вся хилая растительность обитателей Подагры была втоптана въ печь. Дома, переполненные этими воющими сучьями, дрожали подъ ливнемъ ужаса, рѣшетившаго крыши.

Съ неожиданными порывами и шутками клоуновъ сумасшедшіе вскакивали на прекрасные равнодушные крупы львовъ, которые не чувствовали ихъ... И странные всадники радовались мирнымъ ударамъ хвоста, то и дѣло сбивавшимъ ихъ... Вдругъ львы остановились, сумасшедшіе умолкали передъ стѣнами, которыя не шевелились болѣе...

— Старики умерли! Молодые бѣжали!.. Тѣмъ лучше!.. Живо!.. вырывайте статуи и громоотводы!.. Опорожнимъ сундуки съ золотомъ!.. Слитки и монета!.. Пусть перельютъ всѣ драгоцѣнные металлы для закладки великаго военнаго Рельса!..

Отправились жестикулирующіе сумасшедшіе, львы, тигры и пантеры, то и дѣло сбрасывающіе своихъ всадниковъ, которые обнажаются, коченѣютъ, развинчиваются въ растрепанности опьяненія... Подагра превратилась въ огромный погребъ, полный крѣпкаго вина, которое клубилось шаровидными струями, устремляясь къ воротамъ со звонкими подъемными мостами, дрожащимъ воронкамъ.

Мы миновали развалины Европы и вступили въ Азію,

разбрасывая на далекое разстояніе терроризированныя орды Подагры и Паралича, какъ торопящіеся сѣвцы разбрасываютъ круговымъ жестомъ свои зерна.

3.

Это было въ высокую ночь, почти въ небѣ, на персидскомъ плоскогорьѣ, величественномъ алтарѣ міра, неизмѣримыя ступени котораго несутъ многолюдные города. Выстроившись безъ конца вдоль Рельсоваго пути, мы задыхались надъ тиглями съ алюминіемъ, баритомъ и марганцемъ, которые то и дѣло пугали облака своимъ ослѣпительнымъ взрывомъ. Всѣ подъ охраной величественнаго круга львовъ съ неподвижными хвостами, падающими до земли гривами, дырявившихъ глубокое и черное небо круглымъ и яснымъ рыканіемъ.

Но блестящая и теплая улыбка луны медленно выползла изъ-за растрескавшихся облаковъ... И когда она появилась, наконецъ, вся сочащаяся опьяняющимъ молокомъ акцій, сумасшедшіе почувствовали, что ихъ сердца вырываются изъ груди и поднимаются на поверхность жидкой ночи...

Вдругъ громкій крикъ разодралъ воздухъ; распространился слухъ; сбѣжались... Молоденькій сумасшедшій, съ глазами дѣвственницы, только что упалъ, пораженный

Его трупъ быстро подняли... Онъ держалъ въ рукахъ молніей, на Рельсы.

бѣлый и желающій цвѣтокъ, пестикъ котораго двигался какъ языкъ женщины. Нѣкоторые желали дотронуться до него, и это было плохо, такъ какъ немедленно, съ легкостью зари, распространяющейся на морѣ, рыдающая зелень чудесно выдѣлилась изъ земли, подернувшейся неожиданными волнами.

Изъ голубоватой зыби луговъ туманно выступали шевелюры безчисленыхъ плавательницъ, которыя, вздыхая, раскрывали лепестки своего рта и своихъ влажныхъ глазъ. Тогда, въ наводненіи благоуханій, мы увидѣли, что вокругъ насъ мало-по-малу выростаетъ сказочный лѣсъ, сводистая листва котораго казалась истощенной ласками черезчуръ медленнаго вѣтерка. Тутъ носилась горькая нѣжность... Соловьи впивали душистую тѣнь, съ долгимъ бульканіемъ удовольствія, и то и дѣло заливались смѣхомъ въ уголкахъ, играя въ прятки, какъ лукавыя и шаловливыя дѣти... Сладкій сонъ овладѣвалъ арміей сумасшедшихъ, которые принялись кричать отъ ужаса.

Хищные звѣри тотчасъ бросились къ нимъ на помощь. Трижды сплотившись въ прыгающіе клубки, изгибаясь въ приступахъ взрывающаго бѣшенства, тигры бросались на невидимыхъ призраковъ, которыми кишѣла чаща этого лѣса наслажденій... Наконецъ, брешь была сдѣлана, громадная судорога омертвѣвшихъ листьевъ, при протяжныхъ стонахъ, будившихъ отдаленныя, болтливыя эхо, гнѣздившіяся въ горѣ. Но пока мы всѣ, бокъ о бокъ, съ остервѣненіемъ старались освободить наши руки и ноги отъ послѣднихъ ласковыхъ ліанъ, мы внезапно почувствовали тѣлесную луну, луну съ прекрасными теплыми бедрами, томно покоившуюся на нашихъ хребтахъ, разбитыхъ усталостью. Кто-то крикнулъ въ воздушной пустынѣ высокихъ плоскогорій:

— Убьемъ лунный свѣтъ!

Одни побѣжали къ сосѣднимъ водопадамъ; были поставлены гигантскія колеса, и турбины преобразовали скорость водъ въ магнитные спазмы, которые при помощи нитей вскарабкались на столбы до свѣтлыхъ и шумящихъ шаровъ.

Такъ триста электрическихъ лунъ уничтожили своими лучами ослѣпительный мѣлъ древней царицы любви.

И военный Рельсовый путь былъ проложенъ, необыкновенный путь, который слѣдовалъ по хребту высочайшихъ горъ, и по которому тотчасъ помчались наши мощные локомотивы, подъ плюмажами пронзительныхъ криковъ, съ вершины на вершину, бросаясь во всѣ стороны, и снова взбираясь наверхъ, повсюду, въ поискахъ жадныхъ безднъ, нелѣпыхъ поворотовъ и невозможныхъ зигзаговъ... Далеко кругомъ безграничная ненависть отмѣчала нашъ горизонтъ, унизанный бѣглецами... Это были орды Подагры и Паралича, которыя мы отбросили въ Индостанъ.

4.

О, бѣшеная погоня!.. Мы перешагнули Гангъ!.. Наконецъ-то, наконецъ-то бурное дыханіе нашихъ грудей погнало передъ нами карабкающіяся облака съ враждебными контурами, и мы замѣтили вдали зеленоватые прыжки океана въ намордникѣ изъ золотыхъ лучей. Валяясь въ Оманскомъ и Бенгальскомъ заливахъ, онъ подготовлялъ тайкомъ нашествіе на материки.

И вотъ, въ концѣ мыса Корморинъ, окаймленнаго кашей изъ бѣловатыхъ костей,—гигантскій и тощій Оселъ, сѣроватый пергаментный крупъ котораго былъ изрытъ восхитительнымъ грузомъ луны... Вотъ ученый Оселъ съ растянутымъ членомъ, покрытымъ рябинами письменъ, споконъ вѣка выкрикивающій свою астматическую злобу противъ тумановъ горизонта, откуда приближаются три большіе корабля, неподвижные, съ ихъ высокими парусами, похожими на радіографированные позвоночные столбы.

Тотчасъ громадная стая хищныхъ звѣрей, съ сумасшедшими на спинахъ, ринулась на волны безчисленныхъ буйволовъ, въ вихрѣ гривъ, призывавшихъ океанъ на выручку. И океанъ отвѣтилъ на призывъ, выгибая громадную спину и потрясая мысами, прежде чѣмъ разбѣжаться. Долго онъ пробовалъ свою силу, колыхая бедра и изгибая животъ при звучномъ шлепаньи своихъ обширныхъ упругихъ нѣдръ...

Наконецъ, мощнымъ порывомъ океанъ поднялъ свою массу и всталъ надъ извилистой линіей береговъ... Тогда началось грозное вторженіе.

Мы шли въ оболочкѣ ретивыхъ волнъ, огромныхъ катящихся шаровъ бѣлой пѣны, обдававшихъ крупы львовъ... Эти послѣдніе, выстроившись вокругъ насъ полукругомъ, продолжали со всѣхъ сторонъ клыки, свистящую слюну и рычанье водъ... Иногда, съ вершины холмовъ, мы смотрѣли, какъ океанъ прогрессивно вздувалъ свой чудовищный профиль, точно неизмѣримый китъ, стремящійся впередъ на мильонѣ плавниковъ. Мы вели его такимъ образомъ до Гималайскаго хребта, гоня передъ собою вѣеромъ кишащія орды Подагры и Паралича, которыя мы желали прижать къ склонамъ Гауризанкара.

— Поспѣшимъ, братья... Или вы хотите, чтобы звѣри опередили насъ?.. Мы должны идти въ первомъ ряду, несмотря на наши шаги, которые выкачиваютъ соки земли!.. Прочь наши клейкія руки и наши ноги, волочащія корни!.. О, мы, бѣдныя блуждающія деревья!... Намъ нужны крылья! Построимъ-же аэропланы!

— Они будутъ голубые!—крикнули сумасшедшіе—чтобы лучше скрывать насъ отъ глазъ непріятеля и смѣшивать насъ съ хлопающей лазурью неба на вершинахъ, когда дуетъ вѣтеръ!

Сумасшедшіе тотчасъ похитили бирюзовые плащи.

Буддъ изъ старинныхъ пагодъ, чтобы построить свои летательные аппараты.

Мы выкроили наши футуристскіе аэропланы изъ бураго полотна парусовъ. Нѣкоторые обладаютъ уравновѣшивающими крыльями и поднимаются, унося свой моторъ, какъ окровавленные кондоры уносятъ судорожно бьющихся телятъ. У меня многоячейковый бипланъ съ направляющимъ хвостомъ, 100 HP, 8 цилиндровъ, 80 килограммовъ... Между моими ногами крошечная митральёза, которую я могу разряжать, нажимая стальную кнопку.

Мы отправляемся въ опьяненіи ловкаго пилотажа, быстрымъ, порхающимъ и легкимъ полетомъ, скандированнымъ, какъ застольная и плясовая пѣсня.

— Ура! мы, наконецъ, достойны командовать великой арміей сумасшедшихъ и спущенныхъ съ цѣпи звѣрей! Ура! мы господствуемъ надъ нашимъ арьергардомъ: океаномъ и его оболочкой пѣнящейся кавалеріи!.. Впередъ, сумасшедшіе, сумасшедшія, львы, тигры и пантеры!.. Наши аэропланы будутъ вашими военными знаменами!... Наши аэропланы будутъ вашими страстными любовницами!.. Они плывутъ, раскрывая объятія надъ зыбью листвы. Они безпечно лѣнятся на качеляхъ вѣтра!.. Взгляните, въ высотѣ, направо, на эти голубые челноки... Это сумасшедшіе раскачиваютъ свои монопланы на гамакѣ южнаго вѣтра!.. Что до меня, то я сижу, какъ ткачъ, передъ станкомъ, и тку шелковистую лазурь неба!.. Не манятъ ли васъ эти свѣжія долины и угрюмыя горы, вершины которыхъ мы задѣваемъ?.. Не манятъ ли васъ стада розовыхъ овецъ, лѣпящіяся по склонамъ холмовъ, отдающихся закату?.. Ты любила ихъ, моя душа!.. Нѣтъ! нѣтъ! Довольно! Никогда болѣе ты не поддашься подобнымъ пошлостямъ! Тростники, изъ которыхъ мы дѣлали когда-то

свирѣли, образуютъ арматуру моего аэроплана!.. Тоска! Торжествующее опьяненіе!..

Мы скоро настигнемъ обитателей Падагры и Паралича, такъ какъ мчимся впередъ, несмотря на враждебные шквалы... Что говоритъ анемометръ? Этотъ вѣтеръ дуетъ со скоростью 100 километровъ въ часъ! Тѣмъ лучше!... Я поднимаюсь на высоту 2000 метровъ, чтобы перелетѣть плоскогорье... Вотъ, вотъ орды... тамъ, тамъ, передъ нами и уже подъ нашими ногами!.. Взгляните же, какъ разъ подъ нами, между массами зелени, на толчею этого человѣческаго потока, который упорно старается бѣжать!.. Этотъ грохотъ? Трескъ деревьевъ! А! А!... Они всѣ приперты къ высокой стѣнѣ Гауризанкара!.. И мы даемъ имъ сраженіе!... Слышите ли вы, какъ радостно апплодируютъ наши моторы?... Эй! великій Индійскій Океанъ! на помощь!

Онъ торжественно слѣдовалъ за нами, опрокидывая укрѣпленія почитаемыхъ городовъ и сшибая знаменитыя башни, стариковъ въ латахъ, которыя звенятъ, обрушиваясь съ мраморной холки храмовъ.

— Наконецъ-то, наконецъ-то, ты передъ нами, великій кишащій народъ Подагриковъ и Паралитиковъ, ненавистная проказа, разъѣдающая прекрасные склоны Горы! Мы летимъ во весь духъ на васъ, а справа и слѣва мчатся наши братья львы, позади же угрожающая дружба океана, который слѣдуетъ за нами по пятамъ, чтобы помѣшать всякому отступленію!.. Это простая предосторожность, такъ какъ мы не боимся васъ!... Но вамъ нѣсть числа!... И мы могли бы истощить наши припасы, состарѣвшись втеченіе бойни!... Я буду регулировать прицѣлъ!... Поднять на восемьсотъ метровъ!... Вниманіе!... Пли!... О! упоеніе игры, точно въ школѣ!... О! упоеніе игры въ бильярдъ Смерти!... И вы уже не можете подтибрить у насъ шары!... Вы всё еще отступаете?... Это плоскогорье скоро останется

назади!... Мой аэропланъ катится на своихъ колесахъ, скользитъ на салазкахъ и снова улетаетъ!... Я выпрямляюсь навстрѣчу вѣтру... Браво, сумасшедшіе! Впередъ, рѣзня! Стой!... Останавливаю моторъ и спускаюсь, чтобы медленно пристать къ землѣ—планирующій полетъ, великолѣпная устойчивость—въ самой гущѣ боя!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Она за нами, я увѣренъ въ этомъ, потому что наши сумасшедшіе уже мечутъ свои сердца въ небо, точно бомбы!... Повышеніе на сто метровъ!... Вниманіе!... Пли!... Нашу кровь!... Да, всю нашу кровь, потоками, чтобы вернуть румянецъ больнымъ зорямъ земли!... Мы сумѣемъ нагрѣть тебя въ нашихъ дымящихся рукахъ, жалкое Солнце, дряхлое и зябкое, трясущееся отъ холода на вершинѣ Гауризанкара!

Маринетти.

Миланъ, Апрѣль 1909.

Манифестъ футуристскихъ живописцевъ.

8 марта 1910 у рампы театра Къярелла въ Туринѣ мы швырнули публикѣ въ три тысячи человѣкъ—артистовъ, литераторовъ, студентовъ и любопытныхъ—нашъ первый манифестъ, бурную и лирическую глыбу, выражавшую все наше глубокое отвращеніе, наше высокомѣрное презрѣніе и наше возмущеніе вульгарностью, академической и педантской посредственностью, фанатическимъ культомъ всего античнаго и источеннаго червями.

Въ этомъ выразилось наше присоединеніе къ движенію

поэтовъ футуристовъ, начатому за годъ передъ тѣмъ Маринетти на столбцахъ *Фигаро*.

Туринская битва осталась легендарной. Мы расточали тамъ почти столько-же тумаковъ, сколько идей, чтобы защитить отъ роковой смерти геній итальянскаго Искусства.

И вотъ, мы пользуемся минутной паузой въ этой грозной борьбѣ, чтобы отдѣлиться отъ толпы и изложить съ техической точностью нашу программу обновленія живописи, блестящимъ осуществленіемъ которой былъ нашъ Футуристскій Салонъ въ Миланѣ:

Наша растущая потребность въ истинѣ не можетъ болѣе довольствоваться Формой и Цвѣтомъ, какъ они были понимаемы до сихъ поръ.

Жестъ, который мы желаемъ воспроизвести на полотнѣ, не будетъ болѣе *фиксированнымъ моментомъ* всемірнаго динамизма. Онъ будетъ попросту самимъ *динамическимъ ощущеніемъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, все движется, все бѣжитъ, все быстро преобразуется. Профиль никогда не остается неподвижнымъ передъ нами, но безпрестанно появляется и исчезаетъ. Разъ дано сохраненіе образа на ретинѣ, движущіеся предметы умножаются, деформируются, продолжаясь, какъ ускоренныя вибраціи въ пространствѣ, которое онѣ пробѣгаютъ. Такъ, бѣгущая лошадь имѣетъ не четыре ноги, а двадцать, и ихъ движенія треугольны.

Все условно въ искусствѣ. Нѣтъ ничего абсолютнаго въ живописи. То, что было истиной для вчерашнихъ живописцевъ, сегодня оказывается ложью. Мы объявляемъ, напримѣръ, что портретъ не долженъ походить на свою натуру и что живописецъ носитъ въ самомъ себѣ пейзажи, которые хочетъ фиксировать на полотнѣ.

Чтобы нарисовать человѣческую фигуру, не нужно ее рисовать; нужно дать всю окружающую ее атмосферу,

Пространство не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мостовая улица, смоченная дождемъ, при свѣтѣ электрическихъ лампъ, разверзается до самаго центра земли. Мильоны километровъ отдѣляютъ насъ отъ солнца; это не мѣшаетъ тому, что находящійся передъ нами домъ вдѣланъ въ солнечный дискъ.

Кто еще можетъ вѣрить въ непрозрачность тѣлъ, послѣ того, какъ наша изощренная и умноженная чувствительность уже угадала темныя проявленія медіумизма? Зачѣмъ забывать въ нашихъ созданіяхъ удвоенную мощь нашего зрѣнія, которое можетъ давать результаты, аналогичные рентгеновскимъ лучамъ?

Намъ достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ изъ безчисленнаго множества, чтобы доказать истину того, что мы утверждаемъ.

Шестнадцать лицъ, которыя находятся вокругъ васъ въ катящемся автобусѣ, поочередно и разомъ бываютъ однимъ, десятью, четырьмя, тремя; они неподвижны и перемѣщаются; они приходятъ, уходятъ, прыгаютъ на улицѣ, внезапно пожираемыя солнцемъ, потомъ возвращаются и садятся передъ вами, какъ сохраняющіеся символы всемірной вибраціи.

Сколько разъ на щекѣ особы, съ которой мы бесѣдовали, мы видѣли лошадь, бѣжавшую очень далеко, въ концѣ улицы.

Наши тѣла входятъ въ диваны, на которые мы садимся, а диваны входятъ въ насъ.

Автобусъ мечется на дома, мимо которыхъ проѣзжаетъ, и въ свою очередь дома бросаются на автобусъ и сливаются съ нимъ.

Построеніе картинъ было до сихъ поръ тупо традиціоннымъ. Живописцы всегда показывали намъ предметы и

лица, помѣщенные передъ нами. Отнынѣ мы будемъ помѣщать зрителя въ центрѣ картины.

Какъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго духа ясновидящее индивидуальное изслѣдованіе вымело неподвижную темноту догмы, точно также животворный потокъ науки долженъ вскорѣ освободить живопись отъ академической традиціи.

Мы желаемъ во что-бы то ни стало вернуться къ жизни. Побѣдоносная наука нашихъ дней отвергла свое прошлое, чтобы лучше отвѣтить на матеріальныя нужды нашего времени; мы желаемъ, чтобы искусство, отвергая свое прошлое, могло, наконецъ, отвѣчать интеллектуальнымъ нуждамъ, которыя волнуютъ насъ.

Наше обновленное сознаніе не позволяетъ намъ считать человѣка центромъ всемірной жизни. Горе человѣка такъ-же интересно въ нашихъ глазахъ, какъ горе электрической лампы, которая мучится въ спазматическихъ вспышкахъ и кричитъ съ самыми раздирательными выраженіями скорби. Гармонія линій и складки современнаго костюма производятъ на нашу чувствительность такое-же волнующее и символическое дѣйствіе, какое нагота производила на чувствительность древнихъ.

Чтобы воспринять и понять новыя красоты футуристской картины, душа должны очиститься; глазъ долженъ освободиться отъ своего покрывала атавизма и культуры и считать, наконецъ, единственнымъ контролемъ Природу, а не Музей.

Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, очень скоро замѣтятъ, что бурые тоны никогда не циркулировали подъ нашей эпидермой; замѣтятъ, что желтый цвѣтъ блистаетъ въ нашемъ тѣлѣ, что красный пылаетъ въ немъ, а зеленый, синій и фіолетовый танцуютъ, полные сладострастной и ласкающей граціи.

Какъ можно еще видѣть розовымъ человѣческое лицо, когда наша жизнь, удвоенная ноктамбулизмомъ, умножила нашу колористскую воспріимчивость? Человѣческое лицо—желтое, красное, зеленое, синее, фіолетовое. Блѣдность женщины, разсматривающей витрину ювелира, играетъ болѣе интенсивными красками радуги, чѣмъ призматическіе огни драгоцѣнныхъ камней, передъ которыми она стоитъ, какъ очарованный жаворонокъ.

Наши ощущенія въ живописи не должны болѣе высказываться шепотомъ. Мы желаемъ отнынѣ, чтобы они пѣли и гремѣли на нашихъ крышахъ, какъ оглушительныя и торжествующія фанфары.

Ваши глаза, привыкшіе къ полутѣни, широко раскроются передъ самыми лучезарными видѣніями свѣта. Тѣни, которыя мы будемъ рисовать, окажутся болѣе свѣтлыми, чѣмъ полное освѣщеніе нашихъ предшественниковъ, а наши картины въ сравненіи съ музейными, будутъ сіять, какъ ослѣпительный день въ сравненіи съ мрачной ночью.

Мы заключаемъ отсюда, что въ настоящее время не можетъ существовать живопись безъ Дивизіонизма. Дѣло идетъ не о такомъ процессѣ, который можно изучить и прилагать по произволу. Дивизіонизмъ, для современнаго художника, долженъ быть *врожденнымъ комплементаризмомъ*, который мы объявляемъ существеннымъ и необходимымъ.

Вѣроятно, наше искусство обвинятъ въ вымученномъ и декадентскомъ церебрализмѣ. Но мы просто отвѣтимъ, что мы, наоборотъ, примитивы новой усотнеренной чувствительности и что наше искусство опьянено спонтанностью и мощью:

Мы объявляемъ:

1. *Что нужно презирать всѣ формы подражанія и прославлять всѣ формы оригинальности;*

2. *Что нужно возмущаться противъ тиранія словъ «гармонія» и «хорошій вкусъ», выраженій слишкомъ эластическихъ, при помощи которыхъ не трудно сокрушить произведенія Рембрандта, Гойи и Родена.*

3. *Что критики искусства безполезны или вредны;*

4. *Что нужно вымести всѣ уже использованные сюжеты, чтобы выразить нашу кипучую жизнь стали, гордости, лихорадки и скорости;*

5. *Что нужно считать почетнымъ титуломъ кличку «сумасшедшіе», посредствомъ которой пытаются заткнуть ротъ новаторамъ;*

6. *Что врожденный комплементаризмъ есть абсолютная необходимость живописи, какъ свободный стихъ въ поэзіи и полифонія въ музыкѣ;*

7. *Что всемірный динамизмъ долженъ передаваться въ живописи, какъ динамическое ощущеніе;*

8. *Что въ способѣ передачи природы нужны прежде всего искренность и дѣвственность;*

9. *Что движеніе и свѣтъ уничтожаютъ матеріальность тѣлъ.*

МЫ БОРЕМСЯ:

1. *Противъ смолистыхъ тоновъ, посредствомъ которыхъ пытаются получить налетъ времени на современныхъ картинахъ;*

2. *Противъ поверхностнаго и элементарнаго архаизма, основаннаго на плоскихъ тонахъ, который, подражая линейной фактурѣ египтянъ, сводитъ живопись къ безсильному, ребяческому и смѣшному синтезу;*

3. *Противъ ложнаго авениризма сецессіонистовъ и независимыхъ, которые установили новыя академіи, столь же педантическія и рутинныя, какъ прежнія;*

4. *Противъ Наготы въ живописи, столь же тошнотворной и несносной, какъ адюльтеръ въ литературѣ.*

Объяснимся по поводу этого послѣдняго пункта. Нѣтъ ничего *безнравственнаго* въ нашихъ глазахъ: мы боремся съ однообразіемъ Наготы. Намъ объявляютъ, что сюжетъ ничего не значитъ и что всё заключается въ способѣ его трактовки. Согласны. Мы тоже думаемъ. Но эта истина, неопровержимая и абсолютная пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, уже не такова, по отношенію къ наготѣ, нынѣ, когда живописцы, одержимые стремленіемъ выставлять тѣла своихъ любовницъ, превратили Салоны въ рынки гнилыхъ окороковъ!

Мы требуемъ, на десять лѣтъ, полнаго устраненія Наготы изъ живописи!

Умберто Боччони, *живописецъ* (Миланъ).
Карло Д. Карра, *живописецъ* (Миланъ).
Луиджи Руссоло, *живописецъ* (Миланъ).
Джино Северини, *живописецъ* (Парижъ).
Джакомо Балла, *живописецъ* (Римъ).

11 февраля 1910.

Манифестъ музыкантовъ футуристовъ.

Годъ тому назадъ комиссія профессоровъ, критиковъ и маэстро, въ томъ числѣ знаменитыхъ, какъ Пьетро Масканьи, единогласно присудили первую премію Конкурса Баруцци моей футуристской оперѣ *La Sina d'Vargoün*, для которой я написалъ музыку и свободные стихи, и которая встрѣтила восторженный пріемъ на большомъ театрѣ *Comunale* въ Болоньѣ.

Эта первая побѣда позволяетъ намъ осудить состояніе упадка, вульгарности и меркантилизма, въ которомъ гніетъ итальянская музыка и тѣмъ громче возвысить голосъ,

что намъ нѣтъ надобности утолять злобу или давать личныя сраженія.

Безспорно, Италія не можетъ противупоставить ни одного имени музыканта-новатора именамъ Дебюсси, Декаса, Шарпантье, Рихарда Штрауса, Эдуарда Эдгара, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Глазунова и Сибеліуса, которые всѣ, съ большей или меньшей геніальностью, стараются превзойти великій революціонный геній Рихарда Вагнера.

Тѣмъ не менѣе, мы вѣримъ, болѣе чѣмъ когда либо въ неистощимое музыкальное вдохновеніе нашей расы. Мы объявляемъ также, что современное ничтожество итальянской музыки, есть логическій продуктъ: 1, музыкальныхъ Консерваторій, зараженныхъ невѣжественнымъ традиціонализмомъ профессоровъ; 2, крупныхъ издателей, торговцевъ нотами и голосами, скаредныхъ и трусливыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, молодые итальянскіе музыканты, выходящіе изъ зачумленной атмосферы Консерваторій, немедленно приручаются издателями, которые, внушивъ имъ глубокое отвращеніе къ творческой оригинальности, ироническое презрѣніе къ искусству и абсолютное обожаніе различныхъ кретинизмовъ публики, приковываютъ ихъ навсегда удушающими контрактами къ ногамъ двухъ великихъ образцовъ изъ папье-маше: Пуччини и Джордано.

Молодые композиторы Италіи, покидайте же Консерваторіи и Академіи, чтобы учиться и творить въ самой абсолютной свободѣ!

Возставайте противъ тираніи издателей, тупого нахальства публики и пошлой болтовни критиковъ, болѣе или менѣе продажныхъ!

Будемъ ратовать вмѣстѣ противъ предразсудка *хорошо сдѣланной музыки* (musique bien faite)—обязательной реторики—и плевать на ходячую фразу, столь же трусли-

вую, сколько глупую: *Нужно вернуться къ старинной музыкѣ.*

Уничтожимъ царство пѣвца. Его значеніе должно точно соотвѣтствовать значенію инструмента оркестра.

Преобразуемъ понятіе, цѣнность и значеніе опернаго либретто въ понятіе, цѣнность и значеніе *драматической поэмы для музыки.* Каждый композиторъ долженъ быть авторомъ своей поэмы.

Будемъ ратовать вмѣстѣ категорически противъ историческихъ реконструкцій, традиціонной постановки и презрѣнія къ современному костюму въ оперѣ.

Будемъ вмѣстѣ бороться противъ энервирующаго и тлетворнаго успѣха романсовъ жанра Тости и Коста и неаполитанскихъ шансонетокъ.

Осудимъ вмѣстѣ на изгнаніе церковную музыку, которая, въ виду банкротства религій, сдѣлалась исключительной монополіей всѣхъ директоровъ консерваторій, жадныхъ до похвалы и лишенныхъ таланта.

Вырвемъ изъ души публики пристрастіе къ старымъ операмъ, выкапываніе которыхъ тормозитъ ходъ музыкантовъ новаторовъ.

Заставимъ публику, посредствомъ упорной пропаганды, защищать всё оригинальное и революціонное въ музыкѣ.

Наконецъ, будемъ гордиться оскорбленіями и свистками орды умирающихъ и оппортюнистовъ.

Со всѣхъ сторонъ раздаются крики, будто мы сумасшедшіе. Это не удивляетъ насъ, потому что Палестрина вѣроятно счелъ бы сумасшедшимъ Баха, Бахъ счелъ бы сумасшедшимъ Бетховена, Бетховенъ счелъ сумасшедшимъ Вагнера.

Россини, шутя, говорилъ, что онъ, наконецъ, понялъ страницу Вагнеровской музыки, когда прочелъ её снизу

вверхъ. Выслушавъ увертюру *Тангейзера*, Верди написалъ одному изъ своихъ друзей, что Вагнеръ просто жалкій помѣшанный.

Итакъ, у окошка славнаго дома сумасшедшихъ мы провозглашаемъ въ качествѣ существеннаго принципа нашей футуристской революціи, что контрапунктъ и фуга, глупо считающіеся одной изъ важнѣйшихъ вѣтвей музыкальнаго преподаванія, въ нашихъ глазахъ только развалины этой старой науки полифоніи, которая простирается отъ Фламандцевъ до Баха.

Мы замѣняемъ ихъ гармонической полифоніей, логическимъ сліяніемъ контрапункта и гармоніи, которая избавитъ музыкантовъ отъ безполезнаго труда удваивать свои усилія, работая въ двухъ противоположныхъ культурахъ: одной минувшей, другой современной, непримиримыхъ, потому что онѣ являются различными плодами двухъ различныхъ чувствительностей.

Логика прогресса и эволюціи сдѣлала изъ гармоніи нѣчто вродѣ отдаленной равнодѣйствующей и неожиданнаго синтеза всѣхъ элементовъ контрапункта.

Гармонія, которая была нѣкогда только подразумѣваемой частью мелодіи (серія звуковъ, расположенныхъ соотвѣтственно различнымъ тонамъ гаммы), родилась въ тотъ день, когда начали разсматривать каждый звукъ мелодіи соотвѣтственно его комбинаціямъ со всѣми другими звуками гаммы, къ которой онъ принадлежалъ.

Такимъ образомъ, поняли, что мелодія есть выразительный синтезъ гармонической послѣдовательности.

Вы жалуетесь на то, что современные молодые музыканты не изображаютъ болѣе мелодій въ жанрѣ Беллини, Россини или Верди.

Ну, такъ вамъ нужно только постичь мелодію гармонически, разыскивая гармонію среди комбинацій и серій

различныхъ и болѣе сложныхъ звуковъ, и вы легко найдете новые источники мелодіи.

Мы провозглашаемъ, что различные тоны старинныхъ гаммъ, различныя ощущенія *мажорный, минорный, усиленный, ослабленный*, равно какъ и всѣ новѣйшія тональности гаммы по цѣлымъ тонамъ ни что иное, какъ простыя детали единственнаго гармоническаго и атональнаго основного тона хроматической гаммы.

Мы объявляемъ, кромѣ того, безусловно несостоятельными цѣнности созвучія и диссонанса.

Изъ безчисленныхъ комбинацій и различныхъ отношеній, которыя отсюда вытекаютъ, разовьется великая футуристская мелодія. Эта футуристская мелодія будетъ просто синтезомъ гармоніи, будетъ походить въ нѣкоторомъ родѣ на идеальную линію, образуемую непрерывнымъ развертываніемъ тысячъ морскихъ волнъ съ неравными гребнями.

Мы считаемъ прогрессомъ и личной побѣдой изысканіе и реализацію энгармонизма. Межъ тѣмъ, какъ хроматизмъ предоставляетъ въ наше распоряженіе звуки, содержащіеся въ гаммѣ, раздѣленной мажорными и минорными полутонами, энгармонизмъ, утилизируя всѣ малѣйшія подраздѣленія тоновъ, доставляетъ нашей обновленной чувствительности возможный максимумъ опредѣлимыхъ и комбинируемыхъ звуковъ, и дѣлаетъ для насъ возможными гораздо болѣе новыя и болѣе разнообразныя отношенія аккордовъ и тембровъ.

Кромѣ того, энгармонизмъ дѣлаетъ возможными инстинктивныя интонацію и модуляцію энгармоническихъ интерваловъ, оказывавшіяся до сихъ поръ неосуществимыми въ виду несовершенства нашей гаммы съ сокращенной системой, которую мы желаемъ превзойти.

Мы съ давнихъ поръ любимъ энгармоническіе интер-

валы, производимые оркестромъ, который детонируетъ, играя на различныхъ тональностяхъ, и согласуемые въ народныхъ пѣсняхъ, исполняемыхъ безъ всякой заботы объ искусствѣ.

Ритмъ и танецъ, однообразный ритмъ, ограниченный, одряхлѣвшій и варварскій, долженъ будетъ уступить область полифоніи свободной полиритмической манерѣ, по отношенію къ которой онъ явится отнынѣ только аксессуаромъ.

Нужно будетъ, слѣдовательно, разсматривать темпы: *четный, нечетный и сложный* въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніяхъ, какъ уже давно разсматриваютъ ритмы: *двойной, тройной, тройной-двойной* и *двойной-тройной.*

Одинъ или нѣсколько тактовъ въ нечетномъ темпѣ, посрединѣ или въ концѣ періода такта въ четномъ или сложномъ темпѣ, и наоборотъ, не будутъ болѣе осуждаться на основаніи смѣшныхъ и ложныхъ законовъ такъ называемой *квадратуры,* жалкаго зонтика, подъ которымъ прячутся пустые и священнодѣйствующіе профессорскіе мозги.

Геніальной и эстетической интуиціи художника-творца будетъ достаточно, чтобы уравновѣсить послѣдовательность и чередованіе всѣхъ тактовъ и всѣхъ возможныхъ ритмовъ.

Техническое знаніе инструментовки нужно пріобрѣтать опытомъ. Нужно постигать инструментально инструментальную композицію, воображая спеціальный оркестръ для каждаго музыкальнаго состоянія духа.

Всё это сдѣлается возможнымъ, когда музыкальныя консерваторіи, лицеи и академіи будутъ, наконецъ, покинуты и заперты, и изученіе музыки приметъ характеръ абсолютной свободы. Тѣ, которые творятъ сегодня, могутъ

сдѣлаться завтра полезными совѣтниками и руководителями новыхъ композиторовъ, остерегаясь портить ихъ догматическимъ преподаваніемъ и навязывать имъ свою личность, свои заблужденія и свои хроническія маніи.

Измѣнчивое небо, подвижныя воды, лѣса, горы, море, дымная путаница торговыхъ портовъ, большія зыбкія столицы съ безчисленными фабричными трубами, преобразуются въ мощные и чудные голоса въ душѣ музыканта.

Эти голоса воспѣваютъ страсти, воли, радости и скорби человѣка, котораго волшебство искусства связываетъ и смѣшиваетъ съ природой.

Такимъ образомъ музыкальныя формы только видимости и фрагменты единаго цѣлаго.

Каждая форма соотвѣтствуетъ порождающему мотиву, его потенціальной формѣ выраженія и развитія, равно какъ чувствительности и интуиціи художника творца.

Въ музыкѣ, какъ во всѣхъ искусствахъ, пафосъ и плохая риторика являются результатомъ непропорціональности между порождающимъ мотивомъ и его выраженіемъ, изуродованнымъ и обезображеннымъ навязчивымъ культомъ традиціи, бременемъ культуры или совѣтами ходячаго вкуса.

Музыкантъ долженъ слушаться только своей поющей души въ синтетическомъ объясненіи своихъ музыкальныхъ идей.

Контрастъ многочисленныхъ состояній музыкальныхъ душъ, отношеніе между ихъ различными выраженіями, ихъ сила развертыванія, составляютъ симфонію.

Двѣ важнѣйшія формы футуристской симфоніи—оркестральная и вокальная, *симфоническая поэма* и *опера*.

Чистый симфонистъ извлекаетъ изъ своихъ мотивовъ развитія, контрасты линій и формъ по волѣ своей фантазіи, пренебрегая всякимъ принципомъ и всякимъ

закономъ, и повинуясь только футуристскому равновѣсію.

Это равновѣсіе состоитъ въ постоянной реализаціи максимума интенсивности экспрессіи.

Напротивъ, авторъ оперы поневолѣ долженъ привлекать въ орбиту музыкальнаго вдохновенія и эстетики всѣ отраженія другихъ искусствъ, вторичные и послѣдующіе элементы, которые будутъ умножать выразительную и заразительную силу его произведеній. Человѣческій голосъ, будучи главнымъ средствомъ выраженія, потому что онъ исходитъ непосредственно отъ насъ, долженъ сливаться съ оркестромъ, звучной атмосферой, образованной всѣми голосами природы.

Видѣніе драматизованной музыкальной поэмы или оперы должно пылать въ воображеніи творца, какъ неизбѣжное послѣдствіе его бурной потребности выражать движеніе своей души.

Авторъ оперы, создавая ритмы, чтобы связывать слова, уже творитъ музыкально.

Слѣдовательно, онъ долженъ быть единственнымъ авторомъ своей оперы. Перекладывая на музыку поэму другого, онъ глупо отказывается отъ источника своего вдохновенія, отъ своей собственной музыкальной эстетики, чтобы заимствовать у другихъ ритмическую часть своихъ мелодій.

Его драматическая поэма должна быть написана свободными стихами, такъ какъ футуристская поэзія не можетъ допустить своего заключенія въ однообразныхъ каналахъ традиціонныхъ просодическихъ формъ.

У насъ будетъ такимъ образомъ полифоническій океанъ со всѣми ритмами, со всѣми лирическими и ораторскими акцентами, выражающими окончательно разнузданную человѣческую душу.

Въ футуристской оперѣ индивидуумъ и толпа не должны болѣе фонически подражать нашему обыденному способу рѣчи, но должны пѣть, какъ поемъ мы всѣ, когда, забывая мелочную тиранію пространства и времени, опьяненные могучей волей властнаго распространенія, инстинктивно прибѣгаемъ къ основному и чарующему человѣческому языку.

Естественное пѣніе, многоформенное, спонтанное и измѣнчивое, безъ опредѣленнаго ритма, безъ измѣряемыхъ интерваловъ, безъ всякаго искуственнаго ограниченія экспрессіи, экзальтирующее пѣніе, которое очень часто заставляетъ насъ презирать мелочную дѣйствительность слова.

Заключенія:

1. Надо понимать мелодію, какъ *синтезъ гармоніи,* разсматривая гармоническія опредѣленія *мажорный, минорный, усиленный* и *ослабленный,* какъ простыя детали единственнаго атональнаго хроматическаго основного тона.

2. Считать энгармонію великолѣпнымъ завоеваніемъ футуризма.

3. Освободиться отъ навожденія ритма танца, считая этотъ ритмъ деталью свободнаго ритма, равно какъ и ритмъ традиціоннаго стиха можетъ быть извѣстной модальностью строфы въ свободныхъ стихахъ.

4. Сліяніемъ гармоніи и контрапункта создать абсолютную полифонію, что еще не было испробовано до сихъ поръ.

5. Завладѣть всѣми цѣнностями выраженія, техники и динамики оркестра и разсматривать инструментовку какъ звучную вселенную непрерывной подвижности, составляющую единое цѣлое, благодаря дѣйствительному сліянію всѣхъ ея частей.

6. Разсматривать музыкальныя формы, какъ прямыя послѣдствія страстныхъ порождающихъ мотивовъ.

7. Нужно, кромѣ того, остерегаться считать абсолютными симфоническими формами традиціонныя схемы симфоніи, нынѣ использованныя, пришедшія въ упадокъ и превзойденныя.

8. Понимать оперу, какъ симфоническую форму.

9. Провозгласить абсолютно необходимымъ, чтобы музыкантъ былъ авторомъ драматической или трагической поэмы, которую онъ долженъ переложить на музыку. Символическое дѣйствіе поэмы должно вытекать изъ генія музыканта, подъ музыкальнымъ импульсомъ его души. Поэма, написанная другимъ, поставила бы музыканта въ плачевную необходимость принимать отъ другого ритмъ своей музыки.

10. Признать въ свободномъ стихѣ единственное средство достигнуть полиритмической свободы.

11. Переносить въ музыку всѣ новыя метаморфозы природы, непрерывно и всегда различно укрощаемой человѣкомъ въ его многочисленныхъ научныхъ открытіяхъ. Выражать музыкальную душу толпы, большихъ промышленныхъ предпріятій, поѣздовъ, трансатлантическихъ пароходовъ, броненосцевъ, автомобилей и аэроплановъ. Наконецъ, присоединить къ великимъ господствующимъ мотивамъ музыкальной поэмы прославленіе Машины и побѣдоноснаго царства электричества.

Вотъ рѣзкіе и абсолютные принципы, которые я краснорѣчиво защищалъ у рампы итальянскихъ театровъ, подъ зажигательнымъ шелестомъ нашего великаго футуристскаго знамени.

Балилла Прателла.

11 января 1911.

Манифестъ первой выставки футуристской живописи.

(Парижъ, февраль 1912).

Мы можемъ объявить безъ всякаго бахвальства, что эта первая выставка футуристской живописи есть также наиболѣе важная выставка итальянской живописи, какая предлагалась до сихъ поръ сужденію Европы.

Въ самомъ дѣлѣ мы молоды и наше искусство бурно-революціонное.

Благодаря нашимъ изысканіямъ и нашимъ осуществленіямъ, которыя уже привлекли къ намъ многочисленныхъ даровитыхъ подражателей, а также многочисленныхъ безталанныхъ плагіаторовъ, мы стали во главѣ движенія европейской живописи, слѣдуя инымъ путемъ, но до нѣкоторой степени параллельнымъ тому, которымъ слѣдуютъ французскіе постъ-импрессіонисты, синтетисты и кубисты, руководимые своими учителями, Пикассо, Брокомъ, Дегэномъ, Мецингеромъ, Лефоконье, Глейзомъ, Леже, Льотомъ и проч.

Восхищаясь героизмомъ этихъ высоко-даровитыхъ художниковъ, которые обнаружили похвальное презрѣніе къ артистическому меркантилизму и мощную ненависть къ академизму, мы чувствуемъ и объявляемъ себя безусловными противниками ихъ искусства.

Они съ увлеченіемъ рисуютъ неподвижное, ледяное, и всѣ статическія состоянія природы; они обожаютъ традиціонализмъ Пуссена, Энгра, Коро, одряхляя и окаменяя свое искусство съ пассеистскимъ остервѣненіемъ, абсолютно непонятнымъ въ нашихъ глазахъ.

Мы-же, напротивъ, исходя изъ абсолютно авенирист-скихъ точекъ зрѣнія, ищемъ стиль движенія, то, чего никогда не пробовали до насъ.

Далека отъ насъ мысль опираться на примѣръ грековъ и древнихъ; мы безпрестанно прославляемъ индивидуальную интуицію, съ цѣлью установить новые законы, которые могутъ избавить живопись отъ волнующейся неувѣренности, въ которой она влачится.

Наша воля давать насколько возможно прочную конструкцію нашимъ картинамъ не можетъ снова привести насъ къ какой-нибудь традиціи. Мы убѣждены въ этомъ.

Всѣ истины, заученныя въ школахъ или въ мастерскихъ, ничтожны для насъ. Наши руки достаточно свободны и достаточно дѣвственны, чтобы начать все сызнова.

Безспорно, во многихъ эстетическихъ утвержденіяхъ нашихъ французскихъ товарищей таится нѣчто вродѣ замаскированнаго академизма.

Объявлять, что цѣнность сюжетовъ живописи абсолютно ничтожна, не значитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, возвращаться къ академіи.

Мы объявляемъ, напротивъ, что не можетъ быть современной живописи безъ абсолютно современнаго ощущенія, служащаго исходнымъ пунктомъ, и никто не можетъ намъ противорѣчить, когда мы утверждаемъ, что *живопись* и *ощущеніе* два нераздѣльныя слова.

Если наши картины футуристскія, то это потому, что онѣ результатъ безусловно футуристскихъ этическихъ, эстетическихъ, политическихъ и соціальныхъ концепцій.

Рисовать съ позирующей модели есть абсурдъ и умственная трусость, если даже натура переводится на картину въ линейныхъ, сферическихъ или кубическихъ формахъ.

Придавать аллегорическую цѣну какой-бы то ни было

наготѣ, извлекая значеніе картины изъ предмета, который натура держитъ въ рукѣ, или изъ тѣхъ, которые расположены вокругъ нея, есть въ нашихъ глазахъ проявленіе традиціоннаго и академическаго мышленія.

Этотъ методъ, довольно похожій на методъ грековъ, Рафаэля, Тиціана, Веронеза, вовсе намъ не по вкусу.

Отвергая импрессіонизмъ, мы энергически порицаемъ современную реакцію, которая, желая убить импрессіонизмъ, возвращаетъ живопись къ старымъ академическимъ формамъ.

Реагировать на импрессіонизмъ можно только превосходя его.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе попытки одолѣть его, принимая законы живописи, которые ему предшествовали.

Точки соприкосновенія, которыя могутъ найтись въ поискахъ стиля, съ тѣмъ, что называется *классическимъ искусствомъ*, не касаются насъ.

Другіе будутъ искать и безъ сомнѣнія найдутъ аналогіи, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ считаться возвращеніемъ къ методамъ, концепціямъ и цѣнностямъ, переданнымъ классической живописью.

Нѣсколько примѣровъ иллюстрируютъ нашу теорію.

Мы не видимъ разницы между изображеніемъ нагого тѣла, которое называютъ *художественнымъ*, и анатомической таблицей. Зато есть громадная разница между любымъ изъ этихъ изображеній и нашей футуристской концепціей человѣческаго тѣла.

Перспектива, какъ она понимается большинствомъ живописцевъ, имѣетъ для насъ ту-же цѣнность, какую они придаютъ проекту инженеровъ.

Одновременность состояній души въ произведеніи искусства—вотъ упоительная цѣль нашего искусства.

Объяснимся еще разъ примѣрами. Рисуя какую-ни-

будь особу на балконѣ, разсматриваемомъ изъ комнаты, мы не ограничиваемъ сцены тѣмъ, что позволяетъ видѣть четыреугольникъ окна, но мы стараемся передать совокупность зрительныхъ впечатлѣній, которыя получаетъ особа на балконѣ: солнечный муравейникъ улицы, двойной рядъ домовъ, продолжающійся вправо и влѣво, балконы, уставленные цвѣтами и проч. Это означаетъ одновременность окружающей среды и слѣдовательно дислокацію и расчлененіе предметовъ, разсѣяніе и сліяніе деталей, освобожденныхъ отъ ходячей логики и независимыхъ другъ отъ друга.

Чтобы заставить зрителя жить въ центрѣ картины, по выраженію нашего манифеста, нужно, чтобы картина была синтезомъ *того, о чемъ вспоминаешь* и *того, что видишь.*

Нужно давать невидимое, которое волнуется и живетъ по ту сторону толщинъ, то, что мы имѣемъ вправо, влѣво и позади насъ, а не маленькій квадратъ жизни, искусственно стиснутой, точно между декораціями театра.

Мы объявили въ нашемъ манифестѣ, что нужно давать *динамическое ощущеніе,* то есть спеціальный ритмъ каждаго предмета, его склонность, его движеніе, или, лучше сказать, его внутреннюю силу.

Обычно разсматриваютъ человѣческое существо подъ его различными аспектами движенія или покоя, веселаго волненія или меланхолической важности.

Но не замѣчаютъ того, что всѣ неодушевленные предметы обнаруживаютъ въ своихъ линіяхъ покой или безуміе, печаль или веселье. Эти различныя тенденціи придаютъ линіямъ, изъ которыхъ они образованы, чувство и характеръ тяжеловѣсной устойчивости или воздушной легкости.

Каждый предметъ обнаруживаетъ своими линіями,

какъ-бы онъ разложился, слѣдуя тенденціямъ своихъ силъ.

Это разложеніе не руководится опредѣленными законами, но измѣняется соотвѣтственно характерной личности предмета и волненію того, кто на него смотритъ.

Болѣе того, каждый предметъ вліяетъ на своего сосѣда не отраженіями свѣта (основа *импрессіонистскаго примитивизма),* но дѣйствительнымъ соперничествомъ линій и дѣйствительными битвами плоскостей, слѣдуя закону волненія, которое управляетъ картиной (основа *футуристкаго примитивизма).*

Вотъ почему мы сказали среди шумнаго веселья глупцовъ:

«Шестнадцать лицъ, которыя находятся вокругъ васъ въ катящемся автобусѣ, поочередно и разомъ бываютъ однимъ, десятью, четырьмя, тремя; они неподвижны и перемѣщаются; они приходятъ, уходятъ, прыгаютъ на улицу, внезапно пожираемыя солнцемъ, потомъ возвращаются и садятся передъ вами, какъ сохраняющіеся символы всемірной вибраціи.

«Сколько разъ на щекѣ особы, съ которой мы бесѣдовали, вы видѣли лошадь, бѣжавшую очень далеко, въ концѣ улицы.

«Наши тѣла входятъ въ диваны, на которые мы садимся, а диваны входятъ въ насъ. Автобусъ мечется на дома, мимо которыхъ проѣзжаетъ, и въ свою очередь дома бросаются на автобусъ и сливаются съ нимъ».

Желаніе усилить эстетическое волненіе, сливая, нѣкоторымъ образомъ, раскрашенное полотно съ душою зрителя, заставляетъ насъ объявить, что этотъ послѣдній *«долженъ помѣщаться отнынѣ въ центрѣ картины».*

Онъ будетъ не присутствовать только, а участвовать въ дѣйствіи. Если мы рисуемъ фазы возстанія, толпа, раз-

махивающая кулаками и шумныя аттаки кавалеріи переводятся на полотно пучками линій, соотвѣтствующихъ всѣмъ сталкивающимся силамъ, слѣдуя закону общаго насилія картины.

Эти *линіи-силы* должны облекать и увлекать зрителя, который будетъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ бороться вмѣстѣ съ персонажами картины.

Всѣ предметы, слѣдуя тому, что живописецъ Боччони удачно называетъ *физическимъ трансцендентализмомъ*, стремятся къ безконечному посредствомъ своихъ *линій-силъ*, протяженіе которыхъ измѣряетъ наша интуиція.

Эти-то *линіи-силы* намъ нужно рисовать, чтобы вернуть произведеніе искусства къ истинной живописи. Мы толкуемъ природу, давая на полотнѣ эти предметы, какъ начала и продолженія ритмовъ, которые сообщаются нашей чувствительности самими этими предметами.

Давъ, напримѣръ, на картинѣ правое плечо или ухо человѣка, мы находимъ абсолютно празднымъ и тщетнымъ давать также лѣвое плечо и ухо этой фигуры. Мы рисуемъ не звуки, а ихъ вибрирующіе интервалы. Мы рисуемъ не болѣзни, а ихъ символы и ихъ послѣдствія.

Пояснимъ еще нашу идею сравненіемъ, извлеченнымъ изъ эволюціи музыки.

Мы не только радикально отказались отъ мотива, развитого вполнѣ, соотвѣтственно его устойчивому и слѣдовательно искусственному равновѣсію, но мы неожиданно и по произволу прерываемъ каждый мотивъ однимъ или нѣсколькими другими мотивами, не давая никогда ихъ полнаго развитія, а только начальныя, центральныя или финальныя ноты.

Какъ видите, у насъ не только разнообразіе, но хаосъ и столкновеніе абсолютно противуположныхъ ритмовъ, которое мы приводимъ тѣмъ не менѣе къ новой гармоніи.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ тому, что называемъ *живописью душевныхъ состояній.*

Въ живописномъ описаніи различныхъ состояній души при разлукѣ, перпендикулярныя линія, волнистыя и какъ бы истощающіяся, тамъ и сямъ прицѣпленныя къ силуетамъ пустыхъ тѣлъ, легко могутъ выразить тоску и уныніе.

Спутанныя, подпрыгивающія, прямыя или кривыя линіи, смѣшивающіяся съ намѣченными жестами призыва и торопливости, выразятъ хаотическое волненіе чувствъ.

Съ другой стороны, горизонтальныя, бѣгущія, быстрыя и прерывистыя линіи, которыя рѣзко пересѣкаютъ лица съ неясными профилями и обрывки искрошенныхъ и подпрыгивающихъ пейзажей, передадутъ бурное волненіе того, кто уѣзжаетъ.

Почти невозможно выразить словами существенныя цѣнности живописи.

Публика также должна убѣдиться, что для пониманія эстетическихъ цѣнностей, къ которымъ она не привыкла, ей нужно совершенно забыть свою интеллектуальную культуру, не для того, чтобы *овладѣть* произведеніемъ искусства, а для того, чтобы беззавѣтно *отдаться* ему.

Мы начинаемъ новую эпоху живописи.

Отнынѣ мы увѣрены въ томъ, что можемъ осуществить концепціи величайшей важности и абсолютнѣйшей оригинальности. За нами послѣдуютъ другіе, которые съ такой же смѣлостью и увлеченіемъ овладѣютъ вершинами, еще недоступными для насъ. Вотъ почему мы провозгласили себя *примитивами вполнѣ обновленной чувствительности.*

На нѣкоторыхъ картинахъ, представляемыхъ нами публикѣ, вибрація и движеніе безчисленно умножаютъ каждый предметъ. Мы осуществили наше пресловутое утвер-

жденіе относительно «*бѣгущей лошади, у которой не четыре ноги, а двадцать*».

Можно отмѣтить, кромѣ того, въ нашихъ картинахъ пятна, линіи, цвѣтныя зоны, которыя не соотвѣтствуютъ никакой реальности, но, слѣдуя закону нашей внутренней математики, подготовляютъ музыкально и увеличиваютъ волненіе зрителя.

Мы создаемъ такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ эмоціональную среду, отыскивая въ порывахъ вдохновенія симпатіи и привязанности, существующія между внѣшней обстановкой (конкретной) и внутренней эмоціей (абстрактной). Эти линіи, эти пятна, эти красочныя зоны, съ виду алогическія и необъяснимыя—вотъ таинственные ключи къ нашимъ картинамъ.

Насъ безъ сомнѣнія упрекнутъ въ чрезмѣрномъ желаніи опредѣлять и выражать нагляднымъ способомъ тонкія связи между нашимъ абстрактнымъ внутреннимъ міромъ и конкретнымъ внѣшнимъ.

Но, съ другой стороны,какъ вы хотите, чтобы мы предоставили абсолютную свободу пониманія публикѣ, которая всегда видитъ такъ, какъ её научили видѣть, глазами, испорченными рутиной?

Мы подвигаемся впередъ, ежедневно разрушая въ насъ и въ нашихъ картинахъ реальныя формы и наглядныя детали, служившія намъ для того, чтобы перекинуть мостикъ пониманія между нами и публикой. Чтобы толпа наслаждалась нашимъ чуднымъ духовнымъ міромъ, который ей неизвѣстенъ, мы даемъ ей его матеріальное ощущеніе.

Мы отвѣчаемъ такимъ образомъ на грубое любопытство простецовъ, окружающее насъ, грубо реалистическими сторонами нашего примитивизма.

Заключеніе: наша футуристская живопись содержитъ три новыя концепціи живописи:

1° Ту, которая рѣшаетъ вопросъ объемовъ въ картинѣ, отвергая разжиженіе объектовъ соотвѣтственно зрѣнію импрессіонистовъ;

2° Ту, которая побуждаетъ насъ переводить объекты, слѣдуя *рѣзкимъ линіямъ (lignes fortes)*, которыя отличаютъ ихъ, и посредствомъ которыхъ достигается абсолютно новая мощь объективной поэзіи;

3° Ту, (естественное послѣдствіе двухъ первыхъ), которая желаетъ дать эмоціональную среду картины, синтезъ различныхъ абстрактныхъ ритмовъ каждаго предмета, откуда пробивается источникъ живописнаго лиризма, до сихъ поръ неизвѣстнаго.

Умберто Боччони.
Карло Д. Карра.
Луиджи Руссоло.
Джакомо Балла.
Джино Северини.

N. B.—*Всѣ идеи, содержащіяся въ этомъ предисловіи, подробно развивались на лекціи о футуристской Живописи живописца Боччони въ Circolo Internazionale Artistico въ Римѣ 29 мая 1911.*

Футуристскій Манифестъ по поводу Итало-Турецкой войны.

(Октябрь 1911).

Мы, футуристы, которые втеченіе двухъ лѣтъ, пренебрегая свистками Подагриковъ и Паралитиковъ, прославляемъ любовь къ опасности и насилію, милитаризмъ, пат-

ріотизмъ, *Войну, «единственную гигіену міра и единственную воспитательную мораль»*, мы счастливы тѣмъ, что живемъ въ этотъ великій футуристскій часъ Италіи, межъ тѣмъ, какъ изнываетъ въ агоніи... племя пацифистовъ, отнынѣ закопанное въ глубокихъ подвалахъ Гаагскаго Дворца...

Недавно мы опрокидывали кулаками, на улицахъ и на митингахъ самыхъ остервенѣлыхъ нашихъ противниковъ, выплевывая имъ въ лицо слѣдующіе твердые принципы:

1. Индивидуумъ и народъ пользуются всѣми свободами, кромѣ свободы быть трусами.

2. Слово *Италія* должно сіять гораздо выше слова *Свобода.*

3. Нужно, чтобы надоѣдливое воспоминаніе о римскомъ величіи было, наконецъ, стерто во сто разъ большимъ величіемъ Италіи.

Италія представляется намъ теперь только въ мощной формѣ прекраснаго *Дредноута,* съ его эскадрой островковъ-миноносцевъ...

Гордые сознаніемъ того, что воинственное рвеніе націи равняется, наконецъ, тому, что всегда одушевляло насъ, мы приглашаемъ итальянское Правительство, ставшее футуристскимъ, доводить до громадныхъ размѣровъ всѣ національныя честолюбія, презирая глупыя обвиненія въ работѣ и провозглашая рожденіе *Паниталіанизма.*

Футуристскіе поэты, живописцы, скульпторы и музыканты Италіи, пока не кончилась война, бросайте стихи, кисти, рѣзцы и оркестры. Начались красныя вакаціи генія!... Нынѣ мы не можемъ восхищаться ничѣмъ, кромѣ грозныхъ симфоній *шрапнели,* и полныхъ скульптуръ, высѣкаемыхъ залпами нашей вдохновенной артиллеріи въ непріятельскихъ массахъ!

Маринетти.

Техническій манифестъ футуристской литературы.

На аэропланѣ, сидя на цилиндрѣ съ бензиномъ, съ согрѣтымъ головой авіатора животомъ, я внезапно почувствовалъ смѣшное бездушіе стараго синтаксиса, унаслѣдованнаго отъ Гомера. Бѣшеную потребность освободить слова, выведя ихъ изъ темницы латинскаго періода. Разумѣется, какъ и всякое глупое существо, онъ имѣетъ предусмотрительную голову, животъ, пару ногъ и пару плоскихъ ступней, но никогда не будетъ имѣть пары крыльевъ. Можно ходить, можно бѣжать нѣсколько секундъ и почти тотчасъ же остановиться, задыхаясь!..

Вотъ что сказалъ мнѣ вертящійся винтъ, пока я мчался на высотѣ двухсотъ метровъ надъ мощными миланскими трубами. И винтъ прибавилъ:

1. Нужно уничтожить синтаксисъ, располагая существительныя по случайности ихъ рожденія.

2. Нужно употреблять глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, чтобы онъ эластически приспособлялся къ существительному, а не подчинялъ его *я* писателя, который наблюдаетъ или воображаетъ. Только глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи можетъ передать смыслъ непрерывности жизни и упругость интуиціи, которая постигаетъ её.

3. Нужно уничтожить прилагательное, чтобы нагое существительное сохраняло свой естественный Колоритъ. Прилагательное, несущее въ себѣ начало оттѣнка, несовмѣстимо съ нашимъ динамическимъ зрѣніемъ, такъ какъ предполагаетъ остановку, размышленіе.

4. Нужно уничтожить нарѣчіе, старый крю-

чекъ, связывающій вмѣстѣ слова. Нарѣчіе сохраняетъ за фразой скучное единство тона.

5. Каждое существительное должно имѣть своего двойника то-есть за существительнымъ должно слѣдовать, безъ всякой соединительной части рѣчи, существительное, съ которымъ оно связано аналогіей. Примѣры: человѣкъ-миноносецъ, женщина-рейдъ, толпа-прибой, площадь-воронка, дверь-кранъ.

Такъ какъ воздушная скорость умножила наше познаніе міра, то воспріятіе по аналогіи становится всё болѣе и болѣе естественнымъ для человѣка. Итакъ, нужно уничтожить *какъ, такой, какъ, подобно тому, какъ, подобно* и проч. Еще лучше сливать непосредственно объектъ съ вызываемымъ имъ образомъ, давая сокращенный въ одномъ выразительномъ словѣ образъ.

6. Не нужно знаковъ препинанія.

Въ виду устраненія прилагательныхъ, нарѣчій и соединительныхъ словъ, знаки препинанія естественно уничтожаются въ разнообразной непрерывности живого стиля, который создается самъ собою, безъ нелѣпыхъ остановокъ на запятыхъ и точкахъ. Чтобы подчеркнуть извѣстныя движенія и указать ихъ направленія, будутъ употреблять математическіе знаки $\times + : - = > <$ и музыкальныя ноты.

7. До сихъ поръ писатели отдавались непосредственной аналогіи. Они сравнивали, напримѣръ, животное съ человѣкомъ или съ другимъ животнымъ, что уже почти фотографія. Сравнивали, напримѣръ, фоксъ-терьера съ маленькой чистокровной. Другіе, дальше ушедшіе впередъ, могли бы сравнить того же трепещущаго фоксъ-терьера съ маленькой машиной Морза. Я сравниваю его съ кипяткомъ. Тутъ *градація аналогій всё болѣе и болѣе обширныхъ,* отношеній всё болѣе и болѣе глубокихъ, хотя очень отдаленныхъ.

Аналогія есть только необъятная любовь, связующая отдаленныя, съ виду различныя и враждебныя вещи. Посредствомъ очень широкихъ аналогій этотъ оркестровый стиль, одновременно полихромный, полифоническій и полиморфный, можетъ обнимать жизнь матеріи.

Когда, въ моей *Битвѣ при Триполи,* я сравнилъ траншею, ощетинившуюся штыками съ оркестромъ, митральезу съ роковой женщиной,—я интуитивно ввелъ большую часть вселенной въ коротенькій эпизодъ африканскаго боя.

Образы не цвѣты, которые нужно выбирать и срывать бережно, какъ утверждалъ Вольтеръ. Они составляютъ самую кровь поэзіи. Поэзія должна быть непрерывной серіей новыхъ образовъ; безъ этого она только блѣдная немочь и хлорозъ.

Чѣмъ больше содержится въ образахъ широкихъ отношеній, тѣмъ дольше они сохраняютъ свою оглушающую силу. Нужно, говорятъ, не слишкомъ ошеломлять читателя. Э! Полноте! Подумаемъ лучше о неизбѣжной разъѣдающей силѣ времени, которая уничтожаетъ не только выразительную цѣнность шедевра, но и его оглушающую силу. Развѣ наши уши, черезчуръ часто поддававшіяся энтузіазму, не износили Бетховена и Вагнера? Нужно, стало-быть, уничтожить въ языкѣ запасъ образовъ-клише обезцвѣченныхъхъ метафоръ, то-есть почти всё.

8. Нѣтъ категорій образовъ, благородныхъ или грубыхъ, изящныхъ или низкихъ, эксцентрическихъ или естественныхъ. Интуиція, воспринимающая ихъ, чужда предпочтеній и пристрастій. Итакъ, аналогическій стиль есть абсолютный хозяинъ всей матеріи и ея интенсивной жизни.

9. Чтобы дать послѣдовательныя движенія объекта, нужно дать *цѣпь аналогій,* которую онъ вызываетъ, при-

чемъ каждая должна быть конденсирована, собрана въ одномъ существенномъ словѣ.

Вотъ яркій примѣръ цѣпи аналогій, еще замаскированныхъ и обремененныхъ традиціоннымъ синтаксисомъ:

«Ну, да, голубушка митральеза, вы очаровательная женщина, и зловѣщая, и божественная, съ маховикомъ невидимаго сто-сильнаго, который фыркаетъ и краснѣетъ отъ нетерпѣнія... И скоро вы сдѣлаете скачекъ въ сферу смерти къ трескучему паденію или побѣдѣ! Желаете-ли вы мадригаловъ, полныхъ изящества и красочности? Всё, что вамъ угодно, мадамъ. Я нахожу васъ похожей такъ же на жестикулирующаго трибуна, краснорѣчивый неутомимый языкъ котораго поражаетъ въ сердце взволнованный кругъ слушателей. Въ эту минуту вы всемогущій трепанировочный буравъ, который сверлитъ черезчуръ крѣпкій черепъ этой упорной ночи. Вы стальная плющильная машина, электрическая башня и что еще?... Большая паяльная окисляющая трубка, которая жжетъ, высѣкаетъ и плавитъ мало-по-малу металлическія острія послѣднихъ звѣздъ». («Битва при Триполи»).

Въ извѣстныхъ случаяхъ надо будетъ сцѣплять образы попарно на подобіе цѣпныхъ ядеръ, которыя могутъ срѣзать въ своемъ полетѣ группу деревьевъ.

Чтобы включить и схватить все, что есть ускользающаго и неуловимаго въ матеріи, нужно создавать сжатыя цѣпи образовъ или аналогій и бросать ихъ въ таинственное море явленій. Оставляя въ сторонѣ традиціонную форму, слѣдующая фраза моего Футуриста Мафарки есть сжатая цѣпь образовъ: *«Вся ѣдкая сладость его юности поднималась изъ его горла, какъ со школьнаго двора поднимаются крики дѣтей къ ихъ старымъ учителямъ, наклонившимся надъ перилами террасъ, откуда видны бѣгущія по морю суда».*

Вотъ три сжатыя цѣпи образовъ:

«Вокругъ колодцевъ Бумеліаны подъ косматыми оливами три верблюда, удобно расположившіеся на пескѣ, издавали отъ радости звуки старыхъ водосточныхъ трубъ, примѣшивая свое харканье къ пыхтѣнію парового насоса, утоляющаго жажду города.

«Футуристскіе визги и диссонансы въ глубокомъ оркестрѣ траншей съ извилистыми проходами и звучными погребами, среди мельканія штыковъ, скрипичныхъ смычковъ, которые красная палочка заката-дирижера воспламеняетъ энтузіазмомъ.

«Это онъ широкимъ жестомъ собираетъ разсѣянныя флейты птицъ въ деревьяхъ и жалобныя арфы насѣкомыхъ, трескъ сучьевъ, скрежетъ каменьевъ... Это онъ останавливаетъ шумъ солдатскихъ командъ и сталкивающихся штыковъ и предоставляетъ пѣть во весь голосъ съ оркестромъ подъ сурдинку всѣмъ звѣздамъ въ золотыхъ одеждахъ, съ раскрытыми объятіями, стоящимъ на рампѣ неба. А вотъ и дама на спектаклѣ: въ большомъ декольте, пустыня развертываетъ въ самомъ дѣлѣ свою обширную грудь съ тысячами разжиженныхъ кривыхъ, подернутыхъ розовыми румянами, подъ обрушивающимися каменьями расточительной ночи». («Битва при Триполи»).

10. Такъ какъ всякій порядокъ неизбѣжно является продуктомъ лукаваго интеллекта, то нужно оркестровать образы, располагая ихъ соотвѣтственно максимуму безпорядка.

11. Уничтожить «Я» въ литературѣ, то-есть уничтожить всякую психологію. Человѣкъ, совершенно испорченный библіотекой и музеемъ, покорный ужасающей логикѣ и благоразумію, не представляетъ больше абсолютно никакого интереса. Итакъ, устранить его изъ литературы. Замѣстить его, наконецъ, матеріей, сущность

которой надо постигнуть порывами интуиціи, чего никогда не смогутъ сдѣлать физики и химики.

Выслушать сквозь свободные объекты и капризные моторы дыханія чувствительность и инстинкты металловъ, камней, дерева, и проч. Замѣстить психологію человѣка, отнынѣ исчерпанную лирическимъ навожденіемъ матеріи.

Остерегайтесь навязывать человѣческія чувства матеріи, но угадывайте ея различные направляющіе порывы, ея силы сжатія, расширенія, сцѣпленія и распаденія, ея кучи молекулъ и вихри электроновъ. Не нужно давать драмы очеловѣченной матеріи. Насъ интересуетъ твердость стальной пластинки сама по себѣ, то-есть непонятный и нечеловѣческій союзъ ея молекулъ и электроновъ, которые противятся, напримѣръ, прониканію ядра. Теплота куска желѣза или дерева отнынѣ болѣе волнуетъ насъ, чѣмъ улыбка или слезы женщины.

Мы желаемъ дать въ литературѣ жизнь мотора, этого новаго инстинктивнаго звѣря, общій инстинктъ котораго мы узнаемъ не прежде, чѣмъ постигнемъ инстинкты различныхъ силъ, составляющихъ его.

Нѣтъ ничего интереснѣе для футуристскаго поэта, чѣмъ движеніе клавіатуры въ механическомъ піанино. Кинематографъ показываетъ намъ танецъ предмета, который дѣлится и снова составляется безъ вмѣшательства человѣка. Онъ показываетъ намъ скачокъ пловца навыворотъ, причемъ ноги выходятъ изъ моря и вскакиваютъ на трамплинъ. Онъ показываетъ намъ бѣгъ человѣка по двѣсти километровъ въ часъ. Все это движенія матеріи внѣ законовъ интеллекта, и, слѣдовательно, болѣе многозначительныя по существу.

Нужно, кромѣ того, давать тяжесть (способность полета) и запахъ (способность разсѣянія) предме-

товъ, чѣмъ до сихъ поръ пренебрегали въ литературѣ. Стараться, напримѣръ, передать пейзажъ запаховъ, воспринимаемыхъ собакой. Прислушиваться къ моторамъ и воспроизводить ихъ рѣчи.

Матерія всегда разсматривалась разсѣяннымъ, холоднымъ *я*, черезчуръ занятымъ самимъ собою, полнымъ предразсудковъ мудрости и навожденій человѣческихъ. Человѣкъ склоненъ грязнить своей молодой радостью или старческой скорбью матерію, которая не молода и не стара, но обладаетъ удивительною непрерывностью порыва къ большему пылу движенія и разсѣянія. Матерія не печальна и не весела. Ея сущность—мужества, воля и абсолютная сила. Она принадлежитъ цѣликомъ вдохновенному поэту, который сумѣетъ освободиться отъ традиціоннаго синтаксиса, тяжелаго, узкаго, привязаннаго къ землѣ, безрукой и безкрылой, потому что она только разумна. Только асинтаксическій поэтъ, съ развязанными словами, сможетъ проникнуть въ сущность матеріи и разрушить глухую вражду, которая отдѣляетъ ее отъ насъ.

Латинскій періодъ, служившій намъ до сихъ поръ, былъ претенціознымъ жестомъ, посредствомъ котораго нахальный и близорукій интеллектъ старался покорить многоформенную и таинственную жизнь матеріи.. Латинскій періодъ былъ, слѣдовательно, мертворожденнымъ.

Глубокія интуиціи жизни, сопоставленныя слово за словомъ, слѣдуя ихъ алогическому рожденію, дадутъ намъ общія линіи интуитивной физикологіи матеріи. Она обнаружилась моему духу съ высоты аэроплана. Разсматривая предметы съ той же точки зрѣнія не спереди, не съ тылу, а сверху внизъ, то-есть въ раккурсъ, я могъ порвать старыя логическія путы и свинцовыя нити древняго пониманія.

Вы, которые любили меня и слѣдовали за мною до

сихъ поръ, поэты футуристы, вы были, какъ и я, рьяными строителями образовъ и смѣлыми искателями аналогій. Но ваши сжатыя цѣпи метафоръ къ несчастію слишкомъ отягчены логическимъ свинцомъ. Я совѣтую вамъ облегчить ихъ, чтобы вашъ безмѣрно усиливавшійся жестъ могъ метать ихъ вдаль, развернутыми на болѣе обширномъ океанѣ.

Мы вмѣстѣ изобрѣтемъ то, что я называю безпроволочнымъ воображеніемъ. Мы достигнемъ со временемъ искусства, еще болѣе существеннаго, когда рѣшимся упразднить всѣ первые члены нашихъ аналогій и давать только непрерывную серію вторыхъ членовъ. Для этого нужно отказаться быть понятнымъ. Быть понятнымъ вовсе не необходимо. Мы, впрочемъ, прекрасно обходились безъ этого, когда выражали фрагменты футуристской чувствительности посредствомъ традиціоннаго и разсудочнаго синтаксиса.

Синтаксисъ былъ чѣмъ-то вродѣ абстрактнаго шифра, служившаго поэтамъ для того, чтобы освѣдомлять толпу относительно цвѣтового, музыкальнаго, пластическаго и архитектурнаго состоянія вселенной. Синтаксисъ былъ чѣмъ-то вродѣ монотоннаго толкователя и чичероне. Нужно устранить этого посредника, чтобы литература непосредственно входила во вселенную и сливалась съ нею.

Безспорно мое твореніе рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ своей ужасающей мощью аналогій. Его изумительное богатство образовъ почти равняется безпорядку его логической пунктуаціи. Оно завершается первымъ футуристскимъ манифестомъ, синтезомъ стосильнаго мотора, пущеннаго съ самой сумасшедшей земной скоростью.

Къ чему еще пользоваться четырьмя досадными колесами, которыя скучаютъ, съ того момента, когда можно

отдѣлиться отъ земли? Освобожденіе словъ, планирующія крылья воображенія, аналогическій синтезъ земли, охваченный однимъ взглядомъ, собранный цѣликомъ въ существенныхъ словахъ.

Намъ кричатъ: «Это не будетъ прекраснымъ! У насъ не будетъ болѣе словесной симфоніи съ гармоническими колыханіями и умиротворяющими кадансами». Разумѣется. И въ добрый часъ! Мы, напротивъ, утилизируемъ всѣ грубые звуки, всѣ выразительные крики радости, которые окружаютъ насъ.

Будемъ дерзко творить «безобразное» въ литературѣ и убьемъ повсюду торжественность. И не корчите изъ себя великихъ жрецовъ, слушая меня. Нужно плевать каждый день на Алтарь Искусства. Мы вступаемъ въ безграничныя владѣнія свободной интуиціи. Послѣ свободнаго стиха, вотъ, наконецъ, освободившіяся слова.

Нѣтъ ничего абсолютнаго и систематическаго. Генію свойственны неистовые шквалы и грязные потоки. Онъ внушаетъ иногда аналитическія и объяснительныя замедленія. Нельзя сразу обновить его чувствительность, мертвыя клѣточки, смѣшанныя съ живыми. Искусство есть потребность разрушаться и разсѣиваться, великая лейка героизма, наводняющаго міръ. Не забывайте, что микробы необходимы для крови такъ-же какъ для искусства, этого продолженія нашихъ венъ, развертывающагося внѣ тѣла въ безконечности пространства и времени.

Поэты футуристы! Я училъ васъ ненавидѣть библіотеки и музеи. Это для того, чтобы подготовить васъ ненавидѣть интеллектъ, возбуждая въ васъ божественную интуицію, характерный даръ латинскихъ расъ.

Посредствомъ интуиціи мы прекращаемъ вражду, съ виду не уничтожаемую, которая отдѣляетъ наше человѣ-

ческое тѣло отъ металла моторовъ. Послѣ царства растительнаго начинается царство механическое! Путемъ познанія и дружбы съ матеріей, которую ученые могутъ знать только въ ея физико-химическихъ реакціяхъ, мы подготовляемъ созданіе механическаго человѣка съ замѣщаемыми частями. Мы избавимъ его отъ идеи смерти и слѣдовательно отъ самой смерти, этой высшей дефиниціи человѣческаго разума.

Ф. Т. Маринетти.

Миланъ, 11 Мая, 1912.

Дополненіе къ техническому манифесту футуристской литературы.

Я пренебрегаю безчисленными шуточками и ироническими выходками и отвѣчаю на скептическіе вопросы и важныя возраженія, появившіяся въ европейской литературѣ противъ моего техническаго Манифеста футуристской литературы.

1. Тѣ, которые поняли, что я подразумѣвалъ подъ *ненавистью къ интеллекту*, пожелали открыть въ этомъ вліяніе Бергсона. Они не знаютъ, безъ сомнѣнія, что на первой страницѣ моей первой эпической поэмы, *Побѣда звѣздъ*, появившейся въ 1902, стояли въ качествѣ эпиграфа слѣдующіе стихи Данте:

«*O insensata cura de'mortali*
Quanto son difettivi sillogismi
Quei che ti fanno in basso batter d'ali».
Paradiso, Canto XI)

и слѣдующая мысль Эдгара По:

«*... поэтическій духъ — эта способность, высшая изъ*

всѣхъ, какъ мы теперь знаемъ, такъ какъ истины высочайшей важности могли быть открыты намъ только этой Аналогіей, *краснорѣчіе которой, неотразимое для воображенія, ничего не говоритъ хилому и одинокому разсудку».*

(Эдгаръ По Бесѣда Моноса и Уны).

Гораздо раньше Бергсона эти два творческіе генія совпадали съ моимъ геніемъ, утверждая свое презрѣніе и свою ненависть къ ползучему, хилому и одинокому интеллекту, и воздавая всѣ права интуитивному и вдохновенному воображенію.

2. Говоря объ интуиціи и интеллектѣ, я не имѣю въ виду двѣ различныя и рѣзко раздѣленныя области. Всякій творческій духъ могъ констатировать, въ теченіе творческой работы, что интуитивныя явленія смѣшиваются съ явленіями логическаго пониманія. Слѣдовательно, невозможно опредѣлить точно моментъ, когда кончается безсознательное вдохновеніе и начинается ясная воля. Иногда эта послѣдняя внезапно порождаетъ вдохновеніе, иногда сопровождаетъ его. Послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго и тягостнаго труда, творческій духъ внезапно освобождается отъ бремени всѣхъ препятствій и становится въ нѣкоторомъ родѣ добычей странной самопроизвольности концепціи и исполненія. Пишущая рука какъ будто отдѣляется отъ тѣла и продолжается на свободу, далеко отъ мозга, который такъ же, отдѣлившись нѣкоторымъ образомъ отъ тѣла, сдѣлавшись воздушнымъ, разсматриваетъ съ огромной высоты, съ поражающей ясностью, неожиданныя фразы, выходящія изъ подъ пера.

Созерцаетъ ли этотъ господствующій мозгъ безстрастно, или дѣйствительно направляетъ скачки фантазіи, сотрясающей руку? Невозможно дать себѣ въ этомъ отчетъ. Я могъ отмѣтить, въ эти моменты, съ физіологиче-

ской точки зрѣнія, только сильную пустоту въ желудкѣ.

Подъ *интуиціей* я понимаю почти совершенно интуитивное и безсознательное состояніе мысли; подъ *интеллектомъ* я подразумѣваю состояніе мысли, почти совершенно разсудочное и добровольное.

3. Идеальная поэзія, о которой я мечтаю и которая должна представлять непрерывную серію вторыхъ членовъ аналогій, не имѣетъ ничего общаго съ аллегоріей. Въ самомъ дѣлѣ, аллегорія есть серія вторыхъ членовъ многихъ аналогій, связанныхъ *логически*. Иногда же аллегорія бываетъ вторымъ членомъ аналогіи, развитымъ и детально описаннымъ.

Я же, напротивъ, предполагаю давать алогическую серію, не объяснительную, но интуитивную, вторые члены многочисленныхъ аналогій, совершенно освободившіеся и противоположные другъ другу.

4. Всѣ даровитые стилисты легко могли констатировать, что нарѣчіе есть не только неизмѣняющееся слово, измѣняющее глаголъ, прилагательное или другое нарѣчіе, но и музыкальный аграфъ, связывающій различные звуки періода.

5. Я считаю необходимымъ упразднить прилагательное и нарѣчіе потому, что они бываютъ одновременно и поочередно пестрыми фестонами, нюансированными драпировками, пьедесталами, сторожами и перилами стараго традиціоннаго періода. Благодаря умѣлому употребленію прилагательнаго и нарѣчія достигаютъ мелодическаго и монотоннаго колыханія фразы, ея вопросительнаго и заостреннаго подъема и ея спокойнаго и постепеннаго, какъ у волны на взморьѣ, паденія. Со всегда одинаковымъ волненіемъ душа задерживаетъ дыханіе, слегка дрожитъ,

молитъ покоя и, наконецъ, свободно переводитъ духъ, когда потокъ словъ падаетъ съ пунктуаціей голышей и финальнымъ эхо.

Прилагательное и нарѣчіе выполняютъ тройную функцію, объяснительную, декоративную и музыкальную, посредствомъ которой они указываютъ важный или легкій, медленный или быстрый ходъ существительнаго, которое движется въ фразѣ. Они играютъ роль, по очереди, тросточекъ или костылей существительнаго. Ихъ длина и вѣсъ регулируютъ шагъ стиля, который всегда по необходимости находится подъ опекой, и мѣшаютъ ему воспроизводить полетъ воображенія.

Пиша напримѣръ: «Молодая и прекрасная женщина быстро идетъ по мраморнымъ плитамъ», традиціонный духъ торопится объяснить, что эта женщина молода и прекрасна, хотя интуиція даетъ просто прекрасное движеніе. Затѣмъ традиціонный духъ объявляетъ, что женщина идетъ. Потомъ онъ объяснитъ, что она идетъ быстро по мраморнымъ плитамъ.

Этотъ чисто объяснительный пріемъ, лишенный непредвидѣнности, навязанный заранѣе всѣмъ арабескамъ, зигзагамъ и толчкамъ мысли, не имѣетъ больше смысла. Слѣдовательно, можно считать почти достовѣрнымъ, что ошибки не будетъ, если поступать совершенно наоборотъ

Нельзя отрицать, что, упраздняя прилагательное и нарѣчіе, существительному вернутъ его существенную, цѣлостную и типическую цѣнность.

Я, впрочемъ, питаю абсолютное довѣріе къ чувству отвращенія, которое испытываю при видѣ существительнаго, плетущагося съ прилагательнымъ въ видѣ шлейфа или пуделя. Этотъ послѣдній ведется иногда на цѣпочкѣ съ помощью изящнаго нарѣчія. Иногда существительное несетъ передъ собою прилагательное, а за собою нарѣчіе,

какъ двѣ панкарты человѣка-объявленія. Невыносимыя зрѣлища!

6. Вотъ почему я прибѣгаю къ абстрактной сухости математическихъ знаковъ, служащихъ для того, чтобы передавать количество, резюмируя всѣ объясненія безъ наполненій, и избѣгая опасной маніи тратить время во всѣхъ утлахъ фразы на мелочную работу медальера, ювелира, или лакировщика ботинокъ.

7. Слова, освобожденныя отъ знаковъ препинанія, будутъ озарять другъ друга, скрещивать свои различные магнетизмы, слѣдуя непрерывному динамизму мысли. Бѣлый промежутокъ, болѣе или менѣе длинный, укажетъ читателю болѣе или менѣе продолжительный покой или сонъ интуиціи. Прописныя буквы укажутъ читателю слова, которыя синтетизируютъ преобладающую аналогію.

8. Уничтоженіе традиціоннаго періода, упраздненіе прилагательнаго, нарѣчія и знаковъ препинанія, необходимо повлекутъ за собой упадокъ слишкомъ пресловутой гармоніи стиля, такъ что футуристскій поэтъ сможетъ, наконецъ, утилизировать всѣ звукоподражанія, даже самыя какофоническія, воспроизводящія безчисленные шумы движущейся матеріи.

Всѣ эти эластическія интуиціи, посредствомъ которыхъ я дополняю мой техническій Манифестъ футуристской литературы, расцвѣли послѣдовательно въ моемъ мозгу, создавая мое новое футуристское твореніе, наиболѣе многозначительные фрагменты котораго я предоставляю здѣсь:

Битва вѣсъ+запахъ.

Полдень $^3/_4$ флейты визгъ смятеніе тумтумъ тревога Гаргарешъ трескъ хрустѣнье маршъ Звяканье мѣшки ружья сабо гвозди пушки гривы колеса фуры евреи оладьи хлѣбъ-съ-масломъ пѣсенки лари отрыжка игра слизь вонь корица пошлости приливъ отливъ перецъ ссора гады вихрь апельсинъ-въ-цвѣту филигранъ нищета кости неудачи карты жасминъ+мускатъ+роза арабеска мозаика падаль топорщенье
туфли митральезы=гальки+прибой+лягушки Звяканье мѣшки ружья пушки ломъ атмосфера=свинецъ+лава+300 вони+50 благоуханія мостовая-матрацъ остатки пометъ падаль хлопъ груда верблюды ослики суматоха клоака Суки-серебренники лабиринтъ шолкъ лазурь галабіе пурпуръ апельсины мушарабіе арки переносъ развѣтвленіе плацетка размноженіе кожевня ваксильщики гондурасъ бурнусъ кишѣніе течь сочиться пестрота оболочка наросты трещины берлоги мусоръ разрушеніе кислота-карболовая гардеробная Звяканье мѣшки ружья сабо фуры удары-хлыста солдатское-сукно потъ закоулокъ влѣво воронка вправо перекрестокъ полусвѣтъ бани фритюры мускусъ жонкили флеръ д'оранжъ омерзѣніе Эссенція-розъ-ловушка амміакъ когти экскременты-укусы+1000 мухи сушеные-фрукты каррубы бараній-горохъ фисташки миндали режимы бананы финики тумтумъ козелъ кускусъ-плѣсень ароматы шафранъ деготь тухлое-яйцо мокрая-собака жасминъ кассія сандалъ фіалки интенсивность кипѣніе бродить тубероза Гнить разсѣяваться бѣшенство умереть разсыпаться

куски крошки пыль героизмъ глисты разстрѣлъ пикъ пакъ пунъ панъ панъ мята мандаринъ шерсть-рыжая митральезы - спускъ-изъ-дерева-госпиталь-прокаженныхъ раны впередъ мясо-сырое грязь пріятность эфиръ Звяканье мѣшки ружья пушки фуры колеса бензой табакъ ладанъ анисъ деревья руины сожжена амбра жасминъ дома-потрошенія заброшенность кувшинъ тумтумъ фіалки тѣни колодцы осленокъ ослица трупъ-полъ-выставленіе лукъ мятлики анисовка бризъ рыба ель-новая размаринъ колбасная пальмы песокъ корица
Солнце золото вѣсы площадки свинецъ небо шелкъ теплота набивка пурпуръ Солнце=вулканъ+3000 знамена атмосфера-точность коррида бѣшенство хирургія лампы лучи-бистури сверканіе-бѣлье пустыня-клиника×20000 руки 20000 ноги 10000 глаза-мушка мерцаніе ожиданіе операція пески-горны Итальянцы Арабы: 4000 метры батальоны-котлы команды-поршни потъ рты печи чертпобери впередъ масло паръ амміакъ кассіи фіалки калъ розы пески отсвѣчиваніе все идти ариѳметика слѣды повиноваться иронія энтузіазмъ жужжаніе шить дюны-подушки зигзаги штопать ноги-жернова-скрежетъ песокъ безполезность митральезы=гальки+прибой+лягушки авангарды: 200 метры въ штыки впередъ Артеріи вздуваніе теплота-броженіе-волосы-подмышки-затылокъ-рыжеватость бѣлокурость дыханія+мѣшокъ 30 кило благоразуміе коромысло ломъ трели изнѣженность: 3 вздрагиванія команды-камни бѣшенство непріятель магнитъ легкость слова героизмъ Авангарды: 100 метры митральёзы залпъ взрывъ скрипки мѣдь пимъ пумъ пакъ пакъ тумъ митральезы татара-таратарата.

Авангарды: 20 метры батальоны-муравьи кавалерія-науки дороги-броды-генералъ-островокъ эстафеты-саранча пески-революція гранаты-трибуны облака-рашпе-

ры ружья-мученики шрапнель-ореолы размноженіе сложеніе дѣленіе бомба-вычитаніе граната-помарка струиться течь обвалъ глыбы лавина Авангарды: 3 метра смѣсь мельканіе приклеиваніе отклеиваніе раздираніе огонь искоренить стапели обвалъ карьеры пожаръ паника ослѣпленіе раздавать входить выходить бѣжать забрызгиваніе Жизни-ракеты сердца-лакомства штыки-вилки кусать кромсать вонять вальсировать прыгать бѣшенство добыча взрывы бомбы-гимнасты трескъ-трапеціи взрывъ роза радость животы-лейки головы-футболъ разсѣяніе Пушка-149 слонъ артиллеристы-корнаки чей-го гнѣвъ рычанье медленность тяжесть зарядъ-жокей методъ монотонія волочильщики разстояніе большой-призъ пасть парабола х свѣтъ громъ дубина безконечность Море=кружева-изумруды - свѣжесть-упругость - оброшенность мягкость броненосцы-сталь - точность-порядокъ Знамя-боя-(луга небо-бѣлое-отъ-жары кровь)=Италія сила гордость-итальянская братья женщины мать безсонница суматоха-камло слава господство кафе разсказы-о-войнѣ

Башни пушки-мужественность-залпы эрекція телеметръ экстазъ тумтумъ 3 секунды тумтумъ волны улыбки смѣхи плафъ плуфъ глуглуглуглу прятки кристаллы дѣвы мясо драгоцѣнности перлы іоды соли бромы юбки газъ жидкости пузыри 3 секунды тумтумъ офицеръ бѣлизна телеметръ крестъ огонь мегафонъ повышеніе-на-4-тысячи-метровъ всѣ-люди-налѣво довольно каждый-на-своемъ-посту наклоненіе-7-градусовъ эрекція пышность струя пробивать необъятность лазурь-самка вычесываніе-блохъ остервѣненіе кулуары крики лабиринтъ матросъ рыданія вышибаніе-дна пустыня постель точность телеметръ монопланъ раекъ-театра апплодисменты монопланъ=балконъ-роза-колесо-барабанъ буравъ-оводъ > пораженіе арабы быки кровяни-

стость бойня рамы убѣжище оазисъ сырость вѣеръ свѣжесть сіеста взлѣзаніе проростаніе усиліе расширеніе-растительное я-буду-зеленѣе-завтра сохрани-эту-каплю-воды нужно-карабкаться - 3-сантиметра-въ-6-дней приклей-твой-стволъ-для - сопротивленія-къ-20-граммамъ-и-3000-граммовъ-темноты млечный-путь-кокосовая пальма звѣзды-орѣхъ-кола молоко струить сокъ услады.

Маринетти.

Миланъ, 11 августа, 1812.

Уничтоженіе синтаксиса. Безпроволочное воображеніе и освобожденныя слова. Футуристскій манифестъ.

Футуристская чувствительность.

Мой «Техническій манифестъ футуристской литературы» (11 мая 1912), въ которомъ я объяснялъ мои три послѣдовательныя изобрѣтенія: *существенный и синтетическій лиризмъ, безпроволочное воображеніе и освобожденныя слова,* касается исключительно поэтическаго вдохновенія. Философія, науки, политика, журнализмъ еще должны будутъ пользоваться синтаксисомъ и знаками препинанія. Я, дѣйствительно, вынужденъ пользоваться всѣмъ этимъ, чтобы имѣть возможность изложить вамъ мое воззрѣніе.

Принципъ футуризма есть полное обновленіе человѣческой чувствительности подъ вліяніемъ великихъ научныхъ открытій. Почти всѣ тѣ, которые пользуются нынѣ телеграфомъ, телефономъ, граммофономъ, желѣзнодорожнымъ поѣздомъ, бициклеткой, мотоциклеткой, автомобилемъ, трансатлантическимъ пароходомъ, дирижаблемъ,

кинематографомъ, аэропланомъ и большой ежедневной газетой (синтезъ мірового дня) не думаютъ о томъ, что все это оказываетъ на нашъ умъ рѣшительное вліяніе.

Поѣздъ даетъ всякому провинціалу возможность оставить на разсвѣтѣ свой мертвый городишко съ пустынными площадями, гдѣ вяло забавляются солнце, пыль и вѣтеръ, и прогуливаться вечеромъ по столицѣ, переполненной жестами свѣта и криками. Обитатель альпійской деревни можетъ ежедневно, благодаря газетѣ въ одинъ су, волноваться по поводу возстанія въ Китаѣ, Лондонскихъ или Нью-Іоркскихъ суфражистокъ, доктора Карреля и героическихъ походовъ полярныхъ изслѣдователей. Домосѣдъ-обитатель какого-нибудь провинціальнаго города можетъ упиваться опасностью, слѣдя въ кинематографѣ за охотой на дикихъ звѣрей въ Конго. Онъ можетъ восхищаться японскими атлетами, боксерами-неграми, американскими фокусниками и ихъ неистощимыми штуками, элегантными парижанками, все это за какой-нибудь франкъ. Укладываясь позднѣе на свою буржуазную постель, онъ можетъ наслаждаться отдаленнымъ голосомъ Карузо. Всѣ эти возможности не возбуждаютъ никакого любопытства въ поверхностныхъ умахъ, которые не способны осмыслить что бы то ни было, какъ арабы, равнодушно смотрѣвшіе на первые аэропланы на небѣ Триполи. Напротивъ, для тонкаго наблюдателя эти возможности являются силами, которыя измѣняютъ нашу чувствительность, создавая:

1. Ускореніе жизни, которая имѣетъ теперь почти всегда быстрый ритмъ. Физическій, интеллектуальный и эмоціанальный эквилибризмъ человѣка на натянутой струнѣ скорости среди противурѣчивыхъ магнетизмовъ. Многочисленныя и одновременныя сознанія у одного и того-же индивидуума.

2. Отвращеніе ко всему, что старо и извѣстно. Любовь къ новому и непредвидѣнному.

3. Отвращеніе къ мирной жизни. Любовь къ опасности. Способность къ ежедневному героизму.

4. Уничтоженіе чувства потусторонняго. Увеличеніе цѣнности индивидуума, который желаетъ отнынѣ *жить своею жизнью*, по выраженію Бонно.

5. Умноженіе и безграничное развитіе человѣческихъ честолюбій и желаній.

6. Точное познаніе всего, что недоступно и неосуществимо для каждаго.

7. Почти полное равенство между мужчиной и женщиной и ихъ соціальными правами.

8. Низкая оцѣнка любви (чувства или сладострастія) вслѣдствіе возрастающей свободы женщины, влекущей за собою ея эротическую легкость. Низкая оцѣнка любви является кромѣ того результатомъ всемірнаго разростанія женской роскоши. Объясняюсь: въ настоящее время женщина любитъ роскошь больше, чѣмъ любовь. Посѣщеніе роскошнаго магазина въ обществѣ друга банкира, пузатаго подагрика, но который платитъ, вполнѣ замѣняетъ самое пламенное любовное свиданіе съ обожаемымъ молодымъ человѣкомъ. Женщина находитъ все неизвѣстное любви въ выборѣ необыкновеннаго туалета послѣдняго образца, какого нѣтъ у ея подругъ.

Мужчина не любитъ женщины, лишенной роскоши. Любовникъ потерялъ всякій престижъ. Любовь потеряла свою абсолютную цѣнность (сложный вопросъ, на который я только указываю).

9. Модификація патріотизма, ставшаго нынѣ героической идеализаціей коммерческой, промышленной и артистической солидарности народовъ.

10. Модификація воззрѣнія на войну, ставшую кровавымъ и необходимымъ выявленіемъ силы народа.

11. Страсть, искусство и идеализмъ дѣловыхъ предпріятій. Новая финансовая чувствительность.

12. Человѣкъ, умноженный машиной. Новое механическое чувство. Полное сліяніе инстинкта съ полезной работой мотора и съ приласканными силами природы.

13. Страсть, искусство и идеализмъ спорта. Понятіе о рекордѣ и любовь къ нему.

14. Новая чувствительность, созданная туризмомъ, трансатлантическими пароходами и большими отелями (ежегодные синтезы различныхъ расъ). Страсть къ городу. Уничтоженіе разстояній и тоскливыхъ пустынь. Осмѣяніе божественности *(неосязаемой!)* пейзажа.

15. Скорость умалила землю. Новое чувство міра. Объясняюсь: люди постепенно пріобрѣтали чувство дома, чувство квартала, въ которомъ они живутъ, чувство географическаго пояса, чувство материка. Они обладаютъ теперь чувствомъ міра: не испытываютъ потребности знать, что дѣлали ихъ предки, но испытываютъ потребность знать, что дѣлаютъ всѣ ихъ современники. Потребность сообщаться со всѣми народами земли и чувствовать себя одновременно центромъ, судьею и двигателемъ всей изслѣдованной и не изслѣдованной безконечности. Отсюда громадное развитіе человѣческаго чувства и тоскливое желаніе опредѣлять ежеминутно наши отношенія со всѣмъ человѣчествомъ.

16. Отвращеніе къ кривой линіи, къ спирали и къ турникету. Любовь къ прямой линіи и къ тоннелю. Быстрота поѣздовъ и автомобилей, которые смотрятъ сверху на города и деревни, сообщила намъ оптическую привычку къ укорачиванію и къ зрительнымъ синтезамъ. Отвращеніе къ медленности, къ мелочамъ, къ анализамъ

и къ подробнымъ обясненіямъ. Любовь къ скорости, къ сокращенію, къ резюме и къ синтезу. «Скажите мнѣ все, живо, живо, въ двухъ словахъ!»

17. Любовь къ глубокому и существенному во всѣхъ упражненіяхъ ума.

Вотъ нѣкоторые изъ элементовъ футуристской чувствительности, породившіе нашъ живописный Динамизмъ, нашу антиизящную Музыку безъ квадратуры, наше Искусство шумовъ и наши Слова на свободѣ.

Слова на свободѣ.

Не заботясь о глупыхъ профессорскихъ опредѣленіяхъ, я объявляю вамъ, что лиризмъ есть очень рѣдкая *способность опьяняться жизнью и опьянять ее нами самими;* способность превращать въ вино мутную воду жизни, которая облекаетъ и проникаетъ насъ; способность окрашивать міръ спеціальными цвѣтами нашего измѣняющагося я. Предположите-же, что какой-нибудь другъ, одаренный этимъ лирическимъ даромъ, находится въ зонѣ интенсивной жизни (революція, война, кораблекрушеніе, землетрясеніе, и проч.) и тотчасъ затѣмъ разсказываетъ вамъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Знаете-ли вы, что сдѣлаетъ совершенно инстиктивно вашъ другъ, начиная свой разсказъ? Онъ грубо разрушитъ синтаксисъ, не станетъ терять времени на построеніе своихъ періодовъ, уничтожитъ знаки препинанія и порядокъ прилагательныхъ и будетъ выбрасывать вамъ какъ попало всѣ свои зрительныя, слуховыя и обонятельныя ощущенія по волѣ ихъ бѣшеной скачки. Неистовство пера-волненія взорветъ трубу періода, клапаны пунктуаціи, и прилагательныя, располагаемыя обыкновенно съ регулярностью заклёпокъ. Вы будете имѣть такимъ образомъ пригоршни существенныхъ словъ безъ всякаго условнаго порядка, такъ какъ вашъ другъ постарается только передать всѣ вибраціи

своего я. Если этотъ разсказчикъ, одаренный лиризмомъ, будетъ обладать кромѣ того интелектомъ, богатымъ общими идеями, то онъ будетъ непроизвольно связывать эти послѣднія ощущенія со всѣмъ, что онъ узналъ, экспериментально или интуитивно, о вселенной. Онъ броситъ въ міръ огромныя цѣпи аналогій, давая такимъ образомъ аналогическій и существенный фондъ жизни телеграфически, то-есть съ той экономической быстротою, которую телеграфъ навязываетъ репортерамъ и военнымъ корреспондентамъ въ ихъ поверхностныхъ разсказахъ.

Эта потребность лаконизма отвѣчаетъ не только законамъ скорости, которые управляютъ нами, но также и многовѣковымъ отношеніямъ между поэтомъ и публикой. Эти отношенія очень похожи на товарищество двухъ старыхъ пріятелей, которые могутъ понять другъ друга съ перваго слова, съ перваго взгляда. Вотъ какимъ образомъ и почему воображеніе поэта должно связывать отдаленныя вещи *безъ проводящихъ проволокъ* посредствомъ существенныхъ и абсолютно *освобожденныхъ* словъ.

Смерть свободнаго стиха.

Свободный стихъ, имѣвшій тысячи причинъ существовать, въ настоящее время обреченъ на упраздненіе и замѣну освобожденными словами.

Эволюція поэзіи и человѣческой чувствительности только что разоблачила намъ два неисцѣлимые недостатка свободнаго стиха:

1. Свободный стихъ фатально заставляетъ поэта разыскивать легкіе эффекты звучности, предвидѣнную игру зеркалъ, монотонные кадансы, нелѣпые удары колокола и неизбѣжные отвѣты внѣшнихъ и внутреннихъ эхо.

2. Свободный стихъ искусственно канализируетъ потокъ лирической эмоціи между стѣнами синтаксиса и грамматическими шлюзами. Свободное интуитивное вдох-

новеніе, которое адресуется непосредственно къ интуиціи идеальнаго читателя, оказывается, такимъ образомъ, заключеннымъ и распредѣленнымъ, какъ питьевая вода для питанія всѣхъ упрямыхъ и робкихъ умовъ.

Когда я говорю объ уничтоженіи каналовъ синтаксиса, то само собою разумѣется, что я не вношу въ это ни категоричности, ни систематичности. Въ освобожденныхъ, распутанныхъ словахъ моего лиризма попадутся тамъ и сямъ слѣды правильнаго синтаксиса и даже настоящіе логическіе періоды.

Это неравенство въ сжатости и въ свободѣ неизбѣжно и естественно: поэзія, будучи въ дѣйствительности только высшей жизнью, болѣе сжатой и болѣе интенсивной, чѣмъ наша повседневная жизнь, состоитъ, какъ и эта послѣдняя, изъ элементовъ ультра-живыхъ и элементовъ агонизирующихъ.

Итакъ, не слѣдуетъ черезчуръ заботиться объ этихъ послѣднихъ: нужно только избѣгать во что-бы то ни стало лаконическаго выраженія стараго лиризма и накопленія телеграфическихъ банальностей.

Безпроволочное воображеніе.

Подъ безпроволочнымъ воображеніемъ я подразумѣваю абсолютную свободу образовъ или аналогій, выраженныхъ освобожденными словами, безъ проводящихъ проволокъ синтаксиса и *безъ всякихъ знаковъ препинанія.*

«До сихъ поръ писатели отдавались непосредственной аналогіи, они сравнивали, напримѣръ, животное съ человѣкомъ или съ другимъ животнымъ, что уже почти фотографія. Сравнивали, напримѣръ, фокстерьера съ маленькой чистокровной. Другіе, дальше ушедшіе впередъ, могли-бы сравнить того-же трепещущаго фокстерьера съ маленькой машиной Морза. Я сравниваю его съ кипяткомъ. Тутъ градація аналогій, все болѣе и болѣе обшир-

ныхъ, отношеній, все болѣе и болѣе глубокихъ, хотя очень отдаленныхъ.

«Аналогія есть только необъятная любовь, связующая отдаленныя, съ виду различныя и враждебныя вещи. Посредствомъ очень широкихъ аналогій, этотъ оркестровый стиль, одновременно полихромный, полифоническій и полиморфный, можетъ обнимать жизнь матеріи.

«Когда въ моей *Битвѣ при Триполи* я сравнивалъ траншею, ощетинившуюся штыками, съ оркестромъ, митральезу съ роковой женщиной, — я интуитивно ввелъ большую часть вселенной въ коротенькій эпизодъ африканскаго боя.

«Образы не цвѣты, которые нужно выбирать и срывать бережно, какъ утверждалъ Вольтеръ. Они составляютъ самую кровь поэзіи. Поэзія должна быть непрерывной серіей новыхъ образовъ; безъ этого она только блѣдная немочь и хлорозъ. Чѣмъ больше содержится въ образахъ широкихъ отношеній, тѣмъ дольше они сохраняютъ свою оглушающую силу». *(Маниф. футуристской литературы).* Безпроволочное воображеніе и слова на свободѣ введутъ насъ въ самую сущность матеріи. Открывая новыя аналогіи между отдаленными и повидимому противуположными вещами, мы всегда будемъ оцѣнивать ихъ болѣе интимно. Вмѣсто того, чтобы *очеловѣчивать животныхъ,* растенія, минералы (что дѣлаютъ съ давнихъ поръ) мы можемъ *анимализировать, вегетализировать, минерализировать, электризовать или разжижать* стиль, заставляя его жить жизнью самой матеріи. Прим.: былинка, которая говоритъ: «Завтра я буду зеленѣе». Итакъ, у насъ будутъ: *Конденсированныя метафоры.—Телеграфическіе образы.—Суммы вибрацій.—Узлы мыслей.—Вѣера движеній, поочередно распахиваемые и закрываемые.—Укорачиванія аналогій.—Балансы красокъ.—Размѣры, вѣса, мѣра и ско-*

рость ощущеній.—Нырокъ существеннаго слова въ воду чувствительности безъ концентрическихъ круговъ, вызываемыхъ словомъ.—Покой интуиціи.—Движенія въ 2, 3, 4, 5 темповъ.—Аналитическіе объяснительные столбы, поддерживающіе проволоки интуиціи.

Смерть литературнаго я. Матерія и малекулярная жизнь.

Мой техническій манифестъ боролся противъ навожденія *я*, которое поэты до сихъ поръ тщательно описывали, воспѣвали, анализировали и выблевывали. Я хочу не только упразднить это навязчивое *я*, но также проникнуть безпроволочнымъ воображеніемъ въ самую сущность матеріи. Вмѣсто того, чтобы очеловѣчивать природу, приписывая человѣческія страсти и занятія животнымъ, растеніямъ, минераламъ,—нужно анимализировать, вегетализировать, минерализировать, электризовать или разжижать слова на свободѣ. (Прм.: былинка=завтра я буду зеленѣе). Я хочу кромѣ того выразить окружающее насъ безконечно малое, неуловимое, невидимое, движеніе атомовъ, броуновское движеніе, всѣ волнующія гипотезы и всѣ изслѣдованныя области ультра-микроскопіи. Объясняюсь: не научно, а интуитивно хочу я ввести въ поэзію эту неизмѣримо малую молекулярную жизнь. Этотъ неизслѣдованный міръ смѣшается въ произведеніями искусства, съ зрѣлищами и драмами безконечно большого, образуя интегральный синтезъ жизни.

Чтобы помочь до нѣкоторой степени воображенію моего идеальнаго читателя, я употребляю курсивъ для всѣхъ освобожденныхъ словъ, выражающихъ безконечно малое молекулярной жизни.

Семафорическое прилагательное. Прилагательное-маякъ или прилагательное-атмосфера.

Мы желаемъ упразднить, насколько возможно, качественное прилагательное, потому что оно фатально влечетъ за собою остановку интуиціи, черезчуръ мелочное опредѣленіе существительнаго. Всё это не категорично. Дѣло идетъ о духовной тенденціи. Нужно пользоваться прилагательнымъ возможно меньше и совсѣмъ не такъ, какъ имъ пользовались до сихъ поръ. Нужно считать прилагательныя какъ-бы семафорическими дисками или сигналами стиля, которые служатъ для урегулированія порыва, замедленія и остановокъ скорости аналогій. Можно, такимъ образомъ, накоплять до двадцати этихъ семафорическихъ прилагательныхъ. Подъ *семафорическимъ прилагательнымъ, прилагательнымъ маякомъ* или *прилагательнымъ атмосферой* я подразумѣваю прилагательное, отдѣленное отъ существительнаго, изолированное между двухъ скобокъ и ставшее такимъ образомъ чѣмъ-то вродѣ абсолютнаго существительнаго болѣе обширнаго и болѣе могущественнаго, чѣмъ собственно существительное. Семафорическое прилагательное или прилагательное маякъ, примостившись высоко въ стеклянной клѣткѣ скобокъ, бросаетъ далеко во всѣ стороны свои огни. Профиль этого семафорическаго прилагательнаго распространяется далеко вокругъ, освѣщая, пропитывая и облекая цѣлую зону словъ, находящихся на свободѣ. Я помѣщаю между скобками одно или нѣсколько семафорическихъ прилагательныхъ, чтобы они указывали на большомъ разстояніи и въ широкомъ полѣ зрѣнія варіаціи времени и пространства, которыя поэтъ желаетъ внушить душѣ идеальнаго читателя.

Глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Относительно глагола въ неопредѣленномъ наклоненіи, равно какъ и относительно упраздненія прилагательнаго, въ моихъ заявленіяхъ нѣтъ ничего категорическаго. Несомнѣнно въ очень динамическомъ и очень бурномъ лиризмѣ глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи необходимъ, потому что имѣя форму колеса, приспособляемый въ качествѣ колеса для всѣхъ вагоновъ поѣзда аналогій, онъ составляетъ самую скорость стиля. Глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи не мѣшаетъ стилю останавливаться или садиться въ опредѣленномъ пунктѣ. Тогда какъ неопредѣленное наклоненіе кругло и катится, какъ колесо, остальныя наклоненія и остальныя времена глагола треугольны, квадратны или эллиптичны.

Звукоподражаніе и математическіе знаки.

Говоря, что «слѣдуетъ каждый день плевать на Алтарь Искусства», я побуждалъ футуристовъ освободить лиризмъ отъ атмосферы, полной сердечнаго сокрушенія и ладана, которую обыкновенно называютъ Искусствомъ съ большимъ И. Искусство съ большимъ И представляетъ клерикализмъ творческаго духа. Я побуждалъ футуристовъ осмѣивать фестоны, пальмовыя вѣтви, ореолы, драгоцѣнныя рамки, звѣзды, пеплумы, всѣ историческія лохмотья и романтическій хламъ, образующія большую часть творчества всѣхъ поэтовъ, писавшихъ до насъ. Наоборотъ, я защищалъ быстрый, грубый, бурный, непосредственный лиризмъ, который всѣ наши предшественники сочли-бы антипоэтичнымъ, телеграфическій лиризмъ, проникнутый рѣзкимъ запахомъ жизни и лишенный всякой

книжности. Отсюда необходимость смѣло ввести звукоподражательные аккорды, чтобы дать всѣ звуки и всѣ шумы, даже самые неблагозвучные, современной жизни. Звукоподражаніе, которое служитъ для оживленія лиризма грубыми элементами реальности, употреблялось съ большой робостью поэтами, отъ Аристофана до нашихъ дней. Футуристы первые имѣли мужество воспользоваться звукоподражаніемъ съ антиакадемической смѣлостью и постоянствомъ. Эта смѣлость и это постоянство не должны быть систематическими. Напримѣръ, мой *Адріанополь-Осада-Оркестръ* и моя *Битва Вѣсъ+Запахъ* требовали значительнаго числа звукоподражательныхъ аккордовъ. Кромѣ того, наша постоянная забота давать максимумъ вибрацій и глубокихъ синтезовъ жизни, побуждаетъ насъ уничтожать всѣ традиціонныя узы стиля, всѣ изысканныя застежки, которыми традиціонные поэты пользуются для того, чтобы связывать свои образы въ періодъ. Мы пользуемся, напротивъ, математическими и музыкальными знаками, безконечно болѣе краткими и абсолютно анонимными. Мы помѣщаемъ, кромѣ того, въ скобкахъ указанія, вродѣ слѣдующихъ: (быстро) (быстрѣе) (замедлить) (два темпа), чтобы регулировать быстроту стиля. Эти скобки такъ же могутъ разсѣкать слово или звукоподражательный аккордъ.

Типографская революція.

Я предпринимаю типографскую революцію, направленную, главнымъ образомъ, противъ идіотическаго и тошнотворнаго типа книги пассеистскихъ стиховъ съ ея бумагой шестнадцатаго столѣтія, украшенной галерами, минервами, аполлонами, большими начальными буквами и вензелями, миѳологическими овощами, эпиграфами и

римскими цифрами. Книга должна быть футуристскимъ выраженіемъ нашей футуристской мысли. Еще лучше: моя революція направлена кромѣ того противъ такъ называемой типографской гармоніи страницы, противной приливу и отливу стиля, развертывающагося на страницѣ. Мы будемъ употреблять также на одной и той-же страницѣ чернила трехъ, четырехъ различныхъ цвѣтовъ, и въ случаѣ надобности двадцать различныхъ шрифтовъ. Напримѣръ: *курсивъ* для серій сходныхъ и быстрыхъ ощущеній, жирный для бурныхъ звукоподражаній и проч. Посредствомъ этой типографской революціи и многоцвѣтнаго разнообразія шрифтовъ я не хочу получить живописнаго эффекта, но просто удвоить выразительную силу словъ.

Я противникъ въ этомъ отношеніи декоративной и жеманной эстетики Малларме и его поисковъ рѣдкаго слова, единственнаго прилагательнаго, незамѣнимаго, изящнаго, внушительнаго, изысканнаго. Я не хочу внушать идею или ощущеніе посредствомъ пассеистскихъ прикрасъ и ужимокъ, я хочу, напротивъ, хватать ихъ грубо и метать со всего размаха. Я борюсь кромѣ того съ статическимъ идеаломъ Малларме посредствомъ этой типографской революціи, которая позволяетъ мнѣ придавать словамъ (уже освобожденнымъ отъ всякихъ путъ, уже пущенныхъ какъ бомба) какую угодно скорость: скорость звѣздъ, облаковъ, аэроплановъ, поѣздовъ, шариковъ морской пѣны, молекулъ и атомовъ.

Я осуществляю такимъ образомъ четвертый принципъ моего Перваго Манифеста Футуризма: «мы утверждаемъ, что великолѣпіе міра обогатилось новой красотой: красотой скорости».

Многострочный лиризмъ.

Я только что сдѣлалъ другое нововведеніе, которое называю *многострочнымъ лиризмомъ* и посредствомъ котораго, какъ я увѣренъ, можно достигнуть самой сложной лирической одновременности.

Многострочный лиризмъ канализируетъ въ нѣсколькихъ параллельныхъ строчкахъ нѣсколько серій цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, шумовъ, вѣсовъ, толщинъ и аналогій. Напримѣръ, одна изъ этихъ строчекъ живописная, другая музыкальная, третья шумовая, четвертая пахучая, и проч.

Предположимъ, что живописная серія ощущеній и аналогій господствуетъ надъ остальными серіями ощущеній и аналогій. Она будетъ въ этомъ случаѣ напечатана болѣе жирнымъ шрифтомъ, чѣмъ вторая и третья строчки (содержащія, напр., одна серію музыкальныхъ ощущеній и аналогій, другая серію обонятельныхъ ощущеній и аналогій).

Если дана страница, содержащая нѣсколько пучковъ ощущеній и аналогій, причемъ каждый изъ нихъ состоитъ изъ 3 или 4 строчекъ, то серія живописныхъ ощущеній и аналогій (напечатанная жирнымъ шрифтомъ) образуетъ первую строчку перваго пучка и будетъ продолжаться (всякій разъ тѣмъ же шрифтомъ) въ первой строчкѣ каждаго изъ остальныхъ пучковъ. Серія музыкальныхъ ощущеній и аналогій (вторая строчка), менѣе важная, чѣмъ серія живописныхъ ощущеній и аналогій (первая строчка), но болѣе важная, чѣмъ серія обонятельныхъ ощущеній и аналогій (третья строчка), будетъ напечатана менѣе жирнымъ шрифтомъ, чѣмъ серія первой строчки и болѣе жирнымъ, чѣмъ серія третьей.—Примѣръ:

triturato rosso rosso striato sussultante eterno

urrrrrrraaaaah urrrrrraaaah

vincere vincere gioia gioia vendetta massacrare continuare

tatatatatatatatatatatatata

fine disperazione perduto niente-da-fare inutile

imme gersi freschezza dilatarsi aprirsi ammollirsi dilatarsi

plum plamplam pluff pluff frrrrrr

sterco-di-cavallo orina bidet ámmoniaca odore-tipografico

Свободная выразительная орѳографія.

Историческая необходимость свободной выразительной орѳографіи доказана послѣдовательными революціями, которыя мало-по-малу освободили отъ путъ и правилъ лирическую мощь человѣческой расы.

1. Въ самомъ дѣлѣ, поэты начали канализаціей своего лирическаго упоенія въ серію равныхъ вздоховъ съ удареніями, эхо, ударами колокола или предуготовленными риѳмами на опредѣленныхъ разстояніяхъ (традиціонная просодія). Поэты чередовали затѣмъ съ извѣстной свободой различные вздохи, измѣренные легкими предшествующихъ поэтовъ.

2. Позднѣе поэты убѣдились, что различные моменты ихъ лирическаго опьяненія должны создавать каждый свои вздохи, непредвидѣнной длины и весьма различные,

съ абсолютной свободой ударенія. Они пришли, такимъ образомъ, естественно, къ свободному Стиху, но еще сохранили порядокъ синтаксиса, чтобы ихъ лирическое опьяненіе могло течь въ умъ слушателя по логическому каналу условнаго періода.

3. Мы желаемъ нынѣ, чтобы лирическое опьяненіе не располагало болѣе словъ, слѣдуя порядку синтаксиса, а метало ихъ посредствомъ изобрѣтенныхъ нами вздоховъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ, слова на свободѣ. Кромѣ того, наше лирическое опьяненіе должно свободно деформировать, моделировать слова, обрубая ихъ или удлиняя, усиливая ихъ центръ или ихъ конечности, увеличивая или уменьшая число гласныхъ или согласныхъ. У насъ будетъ, такимъ образомъ новая *орѳографія*, которую я называю *свободной и выразительной*. Эта инстинктивная деформація словъ соотвѣтствуетъ нашей естественной наклонности къ звукоподражанію. Неважно, если деформированное слово станетъ двусмысленнымъ. Оно лучше сольется съ звукоподражательными аккордами или резюме шумовъ, и позволитъ намъ вскорѣ достигнуть *психическаго звукоподражательнаго аккорда*, звучнаго, но абстрактнаго выраженія чистой эмоціи или мысли.

Маринетти.

Миланъ, 11 мая 1913 г.

Техническій Манифестъ футуристской скульптуры.

Скульптура, какой она является намъ въ памятникахъ и на выставкахъ Европы, представляетъ такое жалкое зрѣлище варварства и нелѣпости, что мой футуристскій глазъ отвращается отъ нея съ омерзѣніемъ.

Мы видимъ почти всюду слѣпое и грубое подражаніе всѣмъ формуламъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго, подражаніе, которое систематически поощряется трусостью традиціи и слабостью легкомыслія. Скульптурное искусство въ латинскихъ странахъ агонизируетъ подъ позорнымъ игомъ Греціи и Микель Анджело, которое во Франціи и Бельгіи несутъ съ непринужденностью генія, въ Италіи—съ самымъ угрюмымъ отупѣніемъ. Въ германскихъ странахъ мы замѣчаемъ слѣпое навожденіе эллинизированнаго готическаго стиля, который индустріализируется въ Берлинѣ и разслабляется проффессорскими тяжеловѣсными руками въ Мюнхенѣ. Напротивъ, славянскія страны отличаются хаотической смѣсью греческихъ архаизмовъ, демоновъ, созданныхъ литературами сѣвера, и чудовищъ, порожденныхъ восточнымъ воображеніемъ. Это груда вліяній, которыя отъ выразительнаго и сивиллинскаго партикуляризма азіатскаго генія доходитъ до ребяческой и смѣшной замысловатости лапландцевъ и эскимосовъ.

Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ скульптуры, какъ самыхъ рутинныхъ, такъ и волнуемыхъ новаторскимъ вѣяніемъ, упорно повторяется одна и та же ошибка: художникъ копируетъ наготу и изучаетъ классическую статую съ наивнымъ убѣжденіемъ въ возможности найти стиль, соотвѣтствующій современной чувствительности, не выходя изъ традиціонной концепціи скульптурной формы.. Надо прибавить съ другой стороны, что эта концепція съ ея почтеннымъ *идеаломъ красоты*, никогда не отдѣляется отъ періода Фидія и послѣдовавшаго за нимъ упадка искусства.

Почти необъяснимо, что поколѣнія скульпторовъ продолжаютъ создавать куколъ, не задаваясь вопросомъ, почему всѣ выставки скульптуры сдѣлались вмѣстилищемъ

скуки и тошноты, а открытія памятниковъ въ публичныхъ мѣстахъ—поводами къ неудержимому смѣху. Это не повторяется въ живописи, которая съ своими медленными, но непрерывными, обновленіями грубо осуждаетъ плагіаторское и безплодное творчество всѣхъ скульпторовъ нашего времени. Когда же скульпторы поймутъ, что пытаться создавать и строить изъ египетскихъ, греческихъ или унаслѣдованныхъ отъ Микель-Анджело элементовъ такъ же нелѣпо, какъ желать начерпать воды изъ пустого бассейна дырявымъ ведромъ?

Не можетъ быть никакого обновленія въ искусствѣ, если не обновляютъ въ то же время сущности этого искусства, то-есть зрительнаго воспріятія и постиганія линій и массъ, образующихъ арабеску. Простого воспроизведенія внѣшнихъ аспектовъ жизни недостаточно для того, чтобы искусство сдѣлалось выраженіемъ своего времени; вотъ почему скульптура, какъ она была понята художниками прошлаго столѣтія и настоящаго времени, есть чудовищный анахронизмъ. Скульптура абсолютно не могла прогрессировать въ тѣсной области, отведенной ей академической концепціей наготы. Искусство, для котораго необходимо раздѣвать до-нага мужчину или женщину, чтобы начать свою эмоціанальную функцію, есть мертворожденное искусство.

Живопись укрѣпилась, усилилась и расширилась благодаря пейзажу и окружающей средѣ, которую художники-импрессіонисты заставили дѣйствовать одновременно на человѣческую фигуру и на предметы. Продолжая ихъ усилія, мы обогатили живопись нашимъ сопрониканіемъ плановъ *(Техническій манифестъ футуристской живописи; 11 апрѣля 1910)*. Скульптура найдетъ новый источникъ эмоцій и слѣдовательно стиля, расширяя свою пластику въ необъятную область, которую духъ че-

ловѣческій глупо считалъ до сихъ поръ областью дѣлимаго, непроницаемаго и невыразимаго.

Нужно исходить отъ центральнаго ядра объекта, который желательно создать, чтобы открыть новыя формы, которыя невидимо и математически связываютъ его съ *внѣшней пластической безконечностью* и съ *внутренней пластической безконечностью*. Итакъ, новая пластика будетъ передачей посредствомъ мѣла, бронзы, стекла, дерева или любого другого матеріала атмосферическихъ плоскостей, которыя связываютъ и пересѣкаютъ вещи. То, что я назвалъ физическимъ трансцендентализмомъ *(лекція о футуристской живописи въ артистическомъ клубѣ въ Римѣ; май 1911 г.)*, можетъ сдѣлать пластическими симпатіи и таинственныя средства, порождащія взаимныя и формальныя вліянія плоскостей предметовъ.

Скульптура должна давать жизнь предметамъ, дѣлая ощутительнымъ, систематическимъ и пластическимъ ихъ продолженіе въ пространствѣ, такъ какъ никто не можетъ отрицать въ настоящее время, что одинъ предметъ продолжается тамъ, гдѣ другой начинается, и что всѣ вещи, окружающія наше тѣло (бутылка, автомобиль, домъ, дерево, улица) пересѣкаютъ и дѣлятъ его, образуютъ арабеску кривыхъ и прямыхъ линій.

Были двѣ попытки современнаго обновленія искусства: одна декоративная, по отношенію къ стилю, другая чисто пластическая, по отношенію къ матеріалу. Первая попытка осталась анонимной и безпорядочной за отсутствіемъ техническаго генія, способнаго ее координировать. Она осталась связанной съ экономическими нуждами городского благоустройства и произвела только образчики традиціонной скульптуры, болѣе или менѣе синтетизированной, декоративной и помѣщенной въ рамки архитектурныхъ и декоративныхъ формъ. Всѣ дворцы, всѣ дома,

построенные съ современнымъ вкусомъ и намѣреніями, обнаруживаютъ эту попытку въ мраморѣ, цементѣ или въ металлическихъ пластинкахъ.

Вторая попытка, болѣе серьезная, болѣе безкорыстная и болѣе поэтическая, но слишкомъ изолированная и слишкомъ фрагментарная, обнаружила отсутствіе синтетическаго духа, способнаго установить законъ. Ибо во всякомъ дѣлѣ обновленія недостаточно ревностно вѣрить, а нужно кромѣ того опредѣлять, рыть и навязывать дорогу, по которой слѣдуетъ идти. Я имѣю въ виду великаго итальянскаго скульптора: Медардо Россо, единственнаго великаго современнаго скульптора, который пытался расширить горизонтъ скульптуры, выражая посредствомъ пластики вліяніе среды и невидимыя атмосферныя связи, соединяющія ее съ предметомъ.

Константенъ Менье не внесъ абсолютно ничего новаго въ скульптурную чувствительность. Его статуи почти всегда мощныя сліянія греческаго героическаго стиля и атлетической простоты грузчика, матроса и углекопа. Его пластическое и конструктивное пониманіе статуи и барельефа является еще конструкціей Партенона и классическаго героя. За нимъ остается тѣмъ не менѣе огромная заслуга, такъ какъ онъ раньше, чѣмъ кто-либо, попытался обожествлять сюжеты, которые до тѣхъ поръ оставались въ пренебреженіи или предоставлялись реалистической репродукціи.

Бурдель обнаруживаетъ свою личность, влагая въ скульптурную глыбу бурную и бѣшеную суровость абстрактно архитектоническихъ массъ. Обладая страстнымъ, мрачнымъ и искреннимъ темпераментомъ искателя, онъ не умѣетъ, къ сожалѣнію, отдѣлаться отъ извѣстнаго архаическаго вліянія и отъ анонимнаго вліянія всѣхъ рѣзчиковъ въ камнѣ готическихъ соборовъ.

Роденъ развиваетъ болѣе обширную интеллектуальную дѣятельность, которая позволяетъ ему легко перейти отъ импрессіонизма *Бальзака* къ нерѣшительности *Буржуа гор. Калэ* и ко всѣмъ своимъ остальнымъ произведеніямъ, отмѣченнымъ тяжеловѣснымъ вліяніемъ Микель-Анджело. Онъ обнаруживаетъ въ своей скульптурѣ безпокойное вдохновеніе, грандіозную лирическую мощь, которыя были бы вполнѣ современными, если бы Микель-Анджело и Донателло не проявили ихъ въ почти тождественныхъ формахъ, если бы они, напротивъ, служили для одушевленія вполнѣ пересозданной реальности.

Въ творчествѣ этихъ трехъ геніевъ обнаруживаются три вліянія трехъ различныхъ періодовъ: греческое вліяніе въ творчествѣ Мёнье, готическое въ творчествѣ Бурделя, вліяніе итальянскаго Ренессанса въ творчествѣ Родена.

Зато творчество Медардо Россо революціонно, очень современно, болѣе глубоко и по необходимости ограничено. Въ его скульптурныхъ произведеніяхъ нѣтъ ни героя, ни символовъ, но планъ его женскихъ или дѣтскихъ лбовъ предполагаетъ и указываетъ освобожденіе къ пространству, которое со временемъ будетъ имѣть въ исторіи человѣческаго духа значеніе гораздо большее того, какое придавали ему критики нашего времени. Фатально импрессіонистскіе законы его попытки къ несчастью ограничили исканія Медардо Россо родомъ горельефа или барельефа; это доказываетъ, что онъ еще понимаетъ фигуру, какъ изолированный міръ, съ традиціонной сущностью и эпизодическими намѣреніями.

Художественная революція Медардо Россо при всей своей важности отправляется отъ слишкомъ внѣшне живописнаго пункта и абсолютно пренебрегаетъ проблемой новаго построенія плановъ. Его чувственная моделировка,

которая стремится подражать легкости мазка импрессіонистской кисти, даетъ хорошій результатъ въ смыслѣ живого и непосредственнаго ощущенія, но заставляетъ его исполнять слишкомъ близко съ натуры и лишаетъ его произведенія всякаго характера универсальности. Итакъ, художественная революція Медардо Россо обладаетъ всѣми достоинствами и недостатками импрессіонизма въ живописи. Мы исходили, подобно ему, изъ этого импрессіонизма, но наша футуристская революція, продолжая его, уходитъ до противоположнаго полюса.

Въ скульптурѣ такъ-же, какъ и въ живописи, обновлять можно только, отыскивая стиль движенія, то-есть дѣлая систематическимъ и опредѣленнымъ какъ синтезъ то, что импрессіонизмъ давалъ фрагментарно, случайно и слѣдовательно аналитически. Эта систематизація вибрацій свѣта и соприкосновеній плановъ породитъ футуристскую скульптуру: ея характеръ будетъ архитектоническій не только съ точки зрѣнія конструкціи массъ, но также и потому, что скульптурная глыба будетъ содержать архитектоническіе элементы.

Естественно мы дадимъ скульптуру окружающей среды. Футуристская скульптурная композиція будетъ содержать въ себѣ чудесные математическіе и геометрическіе элементы современныхъ предметовъ. Эти предметы не будутъ помѣщаться подлѣ статуи, какъ объяснительные атрибуты или обособленные декоративные элементы, но, слѣдуя законамъ новой концепціи гармоній, они будутъ внѣдрены въ мускульныя линіи тѣла. Мы увидимъ, напримѣръ, что колесо мотора выходитъ изъ подмышки механика, линія стола разрѣзаетъ голову читающаго человѣка, а книга дѣлитъ ему на части желудокъ вѣеромъ своихъ рѣжущихъ страницъ.

Согласно ходячей традиціи скульптуры форма статуи

отчетливо вырѣзается на атмосферномъ фонѣ среды, въ которой она стоитъ. Футуристская живопись преодолѣла эту концепцію ритмической непрерывности линій фигуры и ея абсолютной изолированности, безъ соприкосновенія съ фономъ и съ *невидимымъ облекающимъ пространствомъ*. «Футуристская поэзія—говоритъ поэтъ Маринетти—уничтоживъ традиціонную просодію и создавъ свободный стихъ, упраздняетъ нынѣ синтаксисъ и латинскій періодъ. Футуристская поэзія есть непрерывный спонтанный потокъ аналогій, изъ которыхъ каждая резюмирована интуитивно въ своемъ главномъ существительномъ. Отсюда *безпроволочное воображеніе и слова на свободѣ*». «Футуристская музыка Балилла Прателла уничтожаетъ хронометрическую тиранію ритма».

Почему-же скульптура должна оставаться опутанной законами, утратившими всякій смыслъ существованія? Разобьемъ- же ихъ смѣло и провозгласимъ *полное упраздненіе законченной линіи и замкнутой статуи. Откроемъ фигуру какъ окошко и заключимъ въ нее среду, въ которой она живетъ*. Провозгласимъ, что среда должна составлять часть пластической глыбы, какъ спеціальнаго міра, управляемаго своими собственными законами. Провозгласимъ, что тротуаръ можетъ вскарабкаться на вашъ столъ, что ваша голова можетъ перейти улицу и что въ то же время ваша домашняя лампа можетъ развѣсить отъ одного дома до другого громадную паутину своихъ мѣловыхъ лучей.

Провозгласимъ, что весь внѣшній міръ долженъ бросаться на насъ, амальгамируясь съ нами, создавая гармонію, которая будетъ управляться только творческой интуиціей. Такъ какъ нога, рука или какой-либо предметъ имѣютъ значеніе только одного изъ элементовъ пластическаго ритма, то они легко могутъ быть устранены въ

футуристской скульптурѣ, не ради подражанія греческому или римскому фрагменту, но ради повиновенія гармоніи, которую скульпторъ желаетъ создать. Скульпторное цѣлое, такъ-же какъ картина, можетъ походить только на себя самого, такъ какъ человѣческая фигура и предметы должны жить въ искусствѣ внѣ и наперекоръ всякой физіономической логикѣ.

Фигура можетъ имѣть одѣтую руку, а все остальное тѣло нагое. Различныя линіи вазы съ цвѣтами могутъ продолжаться, смѣшиваться съ линіями шляпы и шеи.

Прозрачныя плоскости стекла или целлулоида, металлическія пластинки, проволоки, внѣшнія и внутреннія электрическія освѣщенія, могутъ указать планы, тенденціи, тоны и полутоны новой реальности. Точно такъ-же новая интуитивная окраска бѣлымъ, сѣрымъ и чернымъ, можетъ увеличивать эмоціональную силу плоскостей, тогда какъ цвѣтная плоскость можетъ рѣзко подчеркнуть абстрактную силу пластической цѣнности.

То, что мы сказали о линіяхъ-силахъ въ живописи *(Предисловіе-манифестъ къ каталогу Первой Футуристской Выставки въ Парижѣ)* прилагается равнымъ образомъ къ скульптурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы дадимъ жизнь статической мускульной линіи, сливая ее съ динамической. Это будетъ почти всегда прямая линія, единственная линія,соотвѣтствующая внутренней простотѣ синтеза, который мы противопоставляемъ барокской внѣшности анализа. Прямая линія, однако, не увлечетъ насъ къ подражанію Египтянамъ, примитивамъ и дикарямъ, слѣдуя нелѣпому примѣру нѣкоторыхъ современныхъ скульпторовъ, которые старались такимъ образомъ избавиться отъ греческаго вліянія. Наша прямая линія будетъ живой и трепещущей; она будетъ удовлетворять требованіямъ безчисленныхъ выраженій матеріи, а ея основная

и нагая суровость выразить суровость стали, характеризующую линіи современнаго машинизма. Мы можемъ, наконецъ, утверждать, что скульпторъ не долженъ отступать ни передъ какимъ средствомъ для достиженія реальности. Нѣтъ ничего глупѣе боязни выйти за предѣлы искусства, которымъ мы занимаемся. Нѣтъ ни живописи, ни скульптуры, ни музыки, ни поэзіи. Истинно только творчество. Слѣдовательно, если скульптурная композиція нуждается въ спеціальномъ ритмѣ движенія, чтобы увеличить или дать контрастъ остановившемуся ритму скульптурнаго цѣлаго (необходимость произведенія искусства), то можно приспособить къ нему небольшой моторъ, который сообщитъ ритмическое движеніе такой-то плоскости или такой-то линіи.

Не нужно забывать, что тиканье маятника и движеніе часовыхъ стрѣлокъ, движеніе поршня въ цилиндрѣ, поочередное сцѣпленіе и расцѣпленіе двухъ зубчатыхъ колесъ съ постояннымъ появленіемъ и исчезаніемъ ихъ маленькихъ стальныхъ треугольниковъ, безумное бѣшенство махового колеса, вихрь винта, все это пластическіе и живописные элементы, которыми должно пользоваться футуристское скульптурное движеніе. Напримѣръ: предохранительный клапанъ, который открывается и закрывается, создаетъ не менѣе прекрасный, но безконечно болѣе новый ритмъ, чѣмъ ритмъ вѣка животнаго!

Заключеніе.

1. Скульптура ставитъ своею цѣлью абстрактную реконструкцію, а не фигуративную цѣнность плоскостей и объемовъ, которые опредѣляютъ формы.

2. Нужно упразднить въ скульптурѣ, какъ

во всякомъ другомъ искусствѣ, возвышенность сюжетовъ.

3. Скульптура не можетъ имѣть цѣлью эпизодической реалистической конструкціи. Она должна пользоваться абсолютно всѣми реальностями, чтобы завоевывать существенные элементы пластической чувствительности. Слѣдовательно, футуристскій скульпторъ, воспринимая тѣла и ихъ части, какъ пластическія зоны, введетъ въ скульптурную композицію деревянныя или металлическія плоскости, неподвижныя или приведенныя въ движеніе, чтобы дать предметъ; сферическія волосатыя формы, чтобы дать лошадей;—стеклянные полукруги, если дѣло идетъ, напр., о сосудѣ; желѣзныя проволоки или рѣшетки, чтобы указать атмосферную плоскость, и проч., и проч.,

4.—Нужно отвергнуть мнимое благородство, чисто литературное и традиціонное, мрамора и бронзы, и начисто отрицать, что для скульптурнаго цѣлаго слѣдуетъ пользоваться однимъ какимъ-нибудь матерьяломъ. Скульпторъ можетъ пользоваться двадцатью или болѣе различными матерьялами въ одномъ и томъ же произведеніи, если этого требуетъ пластическая эмоція. Вотъ незначительная доля этихъ матерьяловъ: стекло, дерево, картонъ, цементъ, бетонъ, волосъ, кожа, матеріи, зеркала, электрическій свѣтъ, и проч.

5.—Нужно провозгласить во всеуслышаніе, что въ пересѣченіи плоскостей книги и угловъ стола, въ прямыхъ линіяхъ спички, въ оконной рамѣ, больше правды, чѣмъ во всѣхъ переплетеніяхъ мускуловъ, во всѣхъ грудяхъ и бедрахъ героевъ и Венеръ, которыми восторгается неизлѣчимая глупость современныхъ скульпторовъ.

6.—Единственно посредствомъ выбора очень современныхъ предметовъ, можно достигнуть *новыхъ пластическихъ идей*.

7.—Прямая линія есть единственное средство, которое можетъ привести насъ къ примитивной дѣвственности новой архитектонической конструкціи скульптурныхъ массъ и зонъ.

8.—Достигнуть обновленія можно, только создавая скульптуру среды или окружающей обстановки, такъ какъ только такимъ образомъ пластика разовьется, продолжаясь въ пространство, чтобы моделировать его. Вотъ почему футуристскій скульпторъ можетъ, наконецъ, нынѣ *моделировать атмосферу*, которая окружаетъ вещи, посредствомъ глины.

9.—То, что создаетъ футуристскій скульпторъ, есть нѣкоторымъ образомъ идеальный мостъ, соединяющій внѣшнюю пластическую безконечность съ внутренней пластической безконечностью. Вотъ почему предметы никогда не кончаются; они пересѣкаются въ безчисленныхъ комбинаціяхъ симпатіи и въ безчисленныхъ толчкахъ отвращенія. Эмоція зрителя займетъ центръ скульптурнаго произведенія.

10.—Нужно упразднить систематическую наготу и традиціонную концепцію статуи и монумента.

11.—Наконецъ, нужно во чтобы то ни стало отказаться отъ заказовъ опредѣленнаго сюжета, которые, именно, поэтому не могутъ содержать чистой конструкціи вполнѣ обновленныхъ пластическихъ элементовъ.

Умберто Боччони,

живописецъ и скульпторъ.

Миланъ, 11 апрѣля, 1912 г.

МАНИФЕСТЪ
футуристской женщины.
Отвѣтъ Ф. Т. Маринетти.

«Мы хотимъ прославить войну, единственную гигіену міра, милитаризмъ, патріотизмъ, разрушительный жестъ анархистовъ, прекрасныя Идеи, которыя убиваютъ, и презрѣніе къ женщинѣ».

(Первый Манифестъ Футуризма).

Человѣчество — посредственность. Большинство женщинъ не выше и не ниже большинства мужчинъ. Тѣ и другіе заслуживаютъ одинаковаго презрѣнія.

Совокупность человѣчества всегда была только культурной почвой, изъ которой выростали геніи и герои обоихъ половъ. Но въ человѣчествѣ, какъ и въ природѣ, бываютъ моменты, болѣе благопріятные для расцвѣта. Въ лѣтніе дни человѣчества, когда почва сожжена солнцемъ, геніи и герои изобилуютъ.

Мы въ началѣ весны, намъ недостаетъ обилія солнца, то-есть обилія пролитой крови.

Женщины, не болѣе, чѣмъ мужчины, повинны въ этомъ состояніи, отъ котораго страдаютъ существа истинно живыя, богатыя сокомъ и кровью.

Нелѣпо дѣлить человѣчество на мужчинъ и женщинъ. Оно состоитъ только изъ муже-

ственности и женственности. Всякій сверхчеловѣкъ, всякій герой, самый эпическій, всякій геній, самый мощный, является расточительнымъ выраженіемъ расы и эпохи только потому, что состоитъ одновременно изъ женскихъ и мужскихъ элементовъ, изъ женственности и мужественности: то-есть потому, что онъ полное существо.

Индивидуумъ, исключительно мужской, только животное; индивидуумъ, исключительно женскій, только самка.

О коллективностяхъ, о моментахъ человѣчества, можно сказать тоже, что объ индивидуумахъ. Плодотворные періоды, когда изъ кипящей культурной почвы выростаетъ наибольшее число героевъ и геніевъ, это періоды богатые мужественностью и женственностью.

Періоды, имѣвшіе только войны, мало продуктивныя героями представителями, потому что ихъ нивеллировало эпическое вѣяніе, были исключительно мужскими періодами; тѣ, которые отрицали героическій инстинктъ и, обратившись къ прошлому, забывались въ грезахъ, были періодами господства женственности.

Мы живемъ въ концѣ одного изъ такихъ періодовъ. Какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ, всего болѣе недостаетъ мужественности.

Вотъ почему футуризмъ, при всѣхъ своихъ преувеличеніяхъ, правъ.

Чтобы вернуть долю мужественности нашимъ расамъ, отяжелѣвшимъ въ женственности, надо побуждать ихъ къ мужественности, доходящей до грубости. Но слѣдуетъ внушать всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ, одинаково слабымъ, новую догму энергіи, чтобы добиться періода высшаго человѣчества.

Всякая женщина должна обладать не только женски-

ми качествами, но и мужскими, безъ чего она самка. Мужчина, который обладаетъ только силой самца, безъ интуиціи, чистое животное. Но въ переживаемомъ нами періодѣ женственности только противоположное преувеличеніе спасительно: животное нужно поставить въ образецъ.

Довольно съ насъ женщинъ, которыя опасны для солдатъ «своими цвѣтущими руками, обвивающими ихъ колѣни въ утро разлуки», женщинъ-сидѣлокъ, которыя длятъ слабость и старость, приручаютъ мужчинъ для своихъ личныхъ удовольствій или для своихъ матерьяльныхъ надобностей!.. Довольно женщинъ, которыя родятъ дѣтей только для самихъ себя, оберегаютъ ихъ отъ всякой опасности, отъ всякаго приключенія, то-есть отъ всякой радости; оспариваютъ свою дочь у любви, а сына у войны!.. Довольно женщинъ, спрутовъ домашняго очага, щупальцы которыхъ высасываютъ кровь мужчинъ и доводятъ до анеміи дѣтей; женщинъ скотски влюбленныхъ, которыя, побуждаемыя Вождѣленіемъ, истощаютъ самую силу возобновленія.

Женщины—это Эриніи, Амазонки; Семирамиды, Жанны Д'Аркъ, Жанны Гашеттъ; Юдифи и Шарлотты Кордэ; Клеопатры и Мессалины; воительницы, которыя сражаются болѣе свирѣпо, чѣмъ мужчины, любовницы, которыя разжигаютъ, разрушительницы, которыя, уничтожая болѣе слабыхъ, помогаютъ отбору гордостью или отчаяніемъ, «отчаяніемъ, въ силу котораго сердце отдаетъ всѣ свои плоды».

Да породятъ ближайшія войны героинь, вродѣ великолѣпной Екатерины Сфорца, которая, выдерживая осаду города, и увидѣвъ съ укрѣпленій, что непріятель угрожаетъ убить ея сына съ цѣлью заставить сдаться ее самое, воскликнула, героически показывая на себя свой

полъ: «Убейте его, у меня есть еще форма, чтобы надѣлать другихъ!»

Да, «міръ прогнилъ отъ мудрости», но по своимъ инстинктамъ женщина не мудра, не пацифистка, не добра. Такъ какъ у ней совершенно отсутствуетъ чувство мѣры, то втеченіе соннаго періода человѣчества она фатально становится черезчуръ мудрой, черезчуръ пацифисткой, черезчуръ доброй. Ея интуиція, ея воображеніе являются одновременно ея силой и ея слабостью.

Она—индивидуальность толпы: она привѣтствуетъ героевъ или, за ихъ отсутствіемъ, восхваляетъ глупцовъ.

Смотря по апостолу, духовному возбудителю, женщина, тѣлесная возбудительница, уничтожаетъ или лѣчитъ, проливаетъ кровь или унимаетъ ее, бываетъ воительницей или сидѣлкой. Одна и та же женщина въ одну и ту же эпоху, соотвѣтственно носящимся въ воздухѣ идеямъ, группирующимся вокругъ событій дня, ложится на рельсы, чтобы помѣшать солдатамъ отправиться на войну, и бросается на шею побѣдоноснаго воина.

Вотъ почему никакая революція не должна оставаться ей чуждой. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы презирать ее, нужно обращаться къ ней. Это самое плодотворное завоеваніе, какое только можно сдѣлать; она самая крайняя энтузіастка, которая въ свою очередь будетъ умножать адептовъ.

Но не нужно Феминизма. Феминизмъ есть политическая ошибка. Феминизмъ есть ошибка женскаго мозга, ошибка, которую признаетъ ея инстинктъ.

Не нужно давать женщинѣ никакихъ правъ, требуемыхъ феминистами. Надѣленіе ея этими правами привело бы не къ безпорядкамъ, которыхъ желаютъ футуристы, а, напротивъ, къ избытку порядка.

Возлагать обязанности на женщину—значитъ заставить ее потерять всю свою плодотворную мощь. Феминистскія разсужденія и выводы не уничтожатъ ея первичной фатальности; они могутъ только исказить ее и заставить проявляться кривыми путями, которые приводятъ къ злѣйшимъ ошибкамъ.

Въ теченіе вѣковъ противодѣйствуютъ женскому инстинкту, цѣнятъ только ея прелесть и нѣжность. Анемичный мужчина, берегущій свою кровь, требуетъ отъ нея только функціи сидѣлки. Она покорилась этому. Но крикните ей новое слово, издайте военный кличъ, и она съ радостью, вернувшись къ своему инстинкту, послѣдуетъ за вами къ неподозрѣваемымъ побѣдамъ.

Когда вамъ понадобится пустить въ дѣло ваше оружіе, она будетъ его чистить.

Она снова будетъ помогать отбору. Въ самомъ дѣлѣ, если она плохо разбирается въ геніяхъ, такъ какъ полагается на мимолетную репутацію, то всегда сумѣетъ вознаградить сильнѣйшаго побѣдителя, того, который торжествуетъ, благодаря своимъ мускуламъ и своему мужеству. Она не можетъ ошибиться относительно того превосходства, которое навязывается животной грубостью.

Пусть женщина снова обрѣтетъ свою жестокость и свирѣпость, которыя заставляютъ её остервеняться на побѣжденныхъ за то, что они побѣжденные, и доходить до калѣченія ихъ. Пусть перестанутъ проповѣдовать ей духовную справедливость, усвоить которую она тщетно пытается. *Женщины, сдѣлайтесь снова величественно несправедливыми, какъ всѣ силы природы!*

Освободившись отъ всякаго контроля, вновь обрѣтя вашъ инстинктъ, вы снова займете мѣсто среди Элементовъ, противополагающихъ фатальность сознательной волѣ человѣка. Будьте эгоистическими и жестокими ма-

чины ведутъ войну и борьбу, дѣлайте дѣтей, и межд
ними, въ качествѣ жертвы героизму, удѣляйте дол
Судьбѣ. Не воспитывайте ихъ для васъ самихъ, то-ест
для ихъ умаленія, но въ широкой свободѣ для полнаг
расцвѣта.

Вмѣсто того, чтобы низводить мужчину къ рабств
и отвратительнымъ сантиментальнымъ обязанностямъ, по
буждайте вашихъ сыновей и вашихъ мужчинъ превосхо
дить самихъ себя.

Вы ихъ дѣлаете. Вы можете сдѣлать изъ нихъ все.

*Вы обязаны давать человѣчеству героевъ. Давайт
ихъ ему.*

Валентина де Сенъ-Пуанъ

Парижъ, 25 марта 1912.

Футуристскій манифестъ
СЛАДОСТРАСТІЯ.

ОТВѢТЪ нечестнымъ журналистамъ,
которые уродуютъ фразы, чтобы
вышутить Идею;
тѣмъ, которыя думаютъ то, что
я рѣшилась высказать; тѣмъ,
для которыхъ Сладострастіе
только грѣхъ; всѣмъ тѣмъ, ко-
торые достигаютъ въ Сладостра-
стіи только Порока,
а въ Гордости—только Тще-
славія.

Сладострастіе, понимаемое внѣ всякаго моральнаго воззрѣнія и какъ существенный элементъ динамизма жизни, есть сила.

Для сильной расы сладострастіе, такъ-же какъ и гордость, не составляетъ важнаго грѣха. Подобно гордости, сладострастіе есть возбуждающая добродѣтель, очагъ, питающій энергіи.

Сладострастіе—это выраженіе существа, выходящаго за свои предѣлы; это скорбная радость совершеннаго тѣла; радостная скорбь почкованія; это тѣлесное соединеніе, каковы бы ни были тайны, которыя соединяютъ существа, это чувственный синтезъ существа для наибольшаго освобожденія его духа; это общеніе частицы человѣчества со

всей чувственностью земли; это паническая дрожь частицы земли.

Сладострастіе, это тѣльсные поиски невѣдомаго, какъ мозговая дѣятельность—его духовныя поиски. Сладострастіе—это творческій жестъ и твореніе.

Тѣло творитъ такъ-же, какъ духъ. Ихъ твореніе, передъ лицомъ Вселенной, равно. Одно не выше другого. И духовное твореніе зависитъ отъ творенія тѣлеснаго.

Мы обладаемъ тѣломъ и духомъ. Обузданіе одного ради умноженія другого есть доказательство слабости и заблужденіе. Сильное существо должно реализовать всѣ свои тѣлесныя и духовныя возможности. Сладострастіе для побѣдителей есть дань, которая имъ подобаетъ. Послѣ битвы, въ которой люди убиты, *нормально, чтобы побѣдители, селекціонированные войной, доходили въ завоеванной странѣ до изнасилованія, дабы возсоздать жизнь.*

Послѣ битвъ солдаты любятъ сладострастіе, въ которомъ разрѣшаются, для возобновленія, ихъ непрерывно напрягаемыя энергіи. Современный герой, въ какой-бы то ни было области, обладаетъ тѣмъ-же желаніемъ и стремится къ тому-же наслажденію. Художникъ, этотъ великій всемірный посредникъ, обладаетъ той-же потребностью. Даже экзальтація восторженныхъ послѣдователей религій, достаточно новыхъ, чтобы ихъ невѣдомое было соблазнительно, есть только чувственность, отклонившаяся духовно къ священному женскому образу.

Искусство и Война—два великія проявленія чувственности; сладострастіе есть ихъ цвѣтокъ. Народъ исключительно духовный и народъ исключительно сладострастный пришли-бы къ одинаковому результату—безплодію.

Сладострастіе возбуждаетъ Энергіи и развязываетъ Силы. Оно неумолимо толкало первобытныхъ людей къ побѣдѣ ради гордости принести женщинѣ трофеи побѣ-

жденныхъ. Оно побуждаетъ нынѣ великихъ дѣльцовъ, управляющихъ банками, печатью, международной торговлей умножать золото, создавая центры, утилизируя энергіи, экзальтируя массы, чтобы украшать, увеличивать, возвеличивать объектъ своего сладострастія. Эти люди, переутомленные, но сильные, находятъ время для сладострастія, главнаго двигателя ихъ дѣйствій и отраженій этихъ дѣйствій на массахъ и мірахъ.

Даже у новыхъ народовъ, сладострастіе которыхъ еще не развязалось или не признается, которые не являются ни первобытными скотами, ни утонченными сладострастниками старыхъ цивилизацій, женщина есть великій гальванизирующій принципъ, которому все предлагается. Сдержанный культъ, которымъ окружаетъ её мужчина, есть только еще безсознательный позывъ дремлющаго сладострастія. У этихъ народовъ, какъ у народовъ сѣвера, но по различнымъ причинамъ, сладострастіе есть почти исключительно воспроизведеніе. Но сладострастіе, каковы бы ни были аспекты, нормальные или ненормальные, подъ которыми оно проявляется, есть всегда высшій возбудитель.

Жизнь животная, жизнь энергическая, жизнь духовная въ извѣстные моменты требуютъ отдыха. А усиліе къ усилію неизбѣжно вызываетъ усиліе къ удовольствію. Не вредя себѣ, они реализируютъ полное существо.

Сладострастіе для героевъ, для духовныхъ творцовъ, для всѣхъ властителей есть великолѣпная экзальтація ихъ силы; для всякаго существа оно служитъ мотивомъ превзойти самого себя, съ простою цѣлью селекціонироваться, быть замѣченнымъ, быть выбраннымъ, быть избраннымъ.

Только христіанская мораль, наслѣдовавшая морали языческой, была фатально вынуждена считать сладостра-

стіе слабостью. Изъ этой здоровой радости, которая является расцвѣтомъ мощнаго тѣла, она сдѣлала позоръ, который нужно скрывать, порокъ, который нужно отрицать. Она прикрыла его лицемѣріемъ; это-то и превращаетъ его въ грѣхъ.

Пусть перестанутъ поносить Вожделѣніе, это влеченіе, одновременно тонкое и животное, двухъ тѣлъ, каковы-бы ни были ихъ полы, двухъ тѣлъ, которыя желаютъ другъ друга, стремясь къ единству. Пусть перестанутъ поносить Вожделѣніе, прикрывая его жалкими и плачевными лохмотьями старыхъ и безплодныхъ сантиментальностей Не сладострастіе разбиваетъ, разрушаетъ и уничтожаетъ, а гипнотизирующія осложненія сантиментальностей, искусственная ревность, опьяняющія и обманывающія слова, патетичность вѣчной разлуки и вѣчной вѣрности, литературныя ностальгіи: все это комедіанство любви.

Уничтожимъ зловѣщія романтическія лохмотья, осыпавшіяся маргаритки, дуэты при лунѣ, ложную, лицемѣрную стыдливость! Пусть существа, сближенныя физическимъ влеченіемъ, вмѣсто того, чтобы говорить исключительно о слабостяхъ своихъ сердецъ, рѣшатся выражать свои желанія, предпочтенія своихъ лѣтъ, предчувствовать возможности, радости или разочарованія отъ ихъ будущаго телѣснаго сліянія.

Физическая стыдливость, существенно измѣняющаяся соотвѣтственно эпохамъ и странамъ, есть только эфемерная цѣнность соціальной добродѣтели.

Нужно относиться сознательно къ сладострастію. Нужно дѣлать изъ сладострастія то, что разумное и утонченное существо дѣлаетъ изъ самого себя и изъ своей жизни; *нужно дѣлать изъ сладострастія произведеніе искусства.* Разыгрывать безсознательность, безумное увлеченіе, чтобы объяснять жестъ любви, есть лицемѣріе, сла-

бость или глупость. Нужно сознательно желать тѣла, какъ и всего остального.

Вмѣсто того, чтобы отдаваться и брать (въ припадкѣ увлеченія, безумія или безсознательности) существа, по необходимости умножаемыя, вслѣдствіе неизбѣжныхъ разочарованій непредвидѣнныхъ завтра, нужно выбирать умѣло. Нужно, руководясь интуиціей и волей, опредѣлять чувствительности и чувственности, и сочетать и осуществлять только тѣ, которыя могутъ дополнять и экзальтировать другъ друга.

Съ тѣмъ же сознаніемъ и съ той же направляющей волей нужно доводить радости этого совокупленія до ихъ пароксизма, развивать всѣ возможности и доводить до расцвѣта всѣ зародыши соединившихся тѣлъ. Нужно дѣлать изъ сладострастія произведеніе искусства, слагающееся, какъ всякое произведеніе искусства, изъ инстинкта и сознанія.

Нужно сорвать со сладострастія всѣ сантиментальныя покрывала, которыя обезображиваютъ его. Только изъ трусости набросили на него всѣ эти покрывала, такъ какъ статическая сантиментальность удовлетворительна. На нее полагаются и, слѣдовательно, ею умаляются.

Всякій разъ, когда сладострастіе оказывается въ противорѣчіи съ сантиментальностью у здороваго и молодого существа, сладострастіе беретъ верхъ. Сантиментальность слѣдуетъ модѣ, сладострастіе—вѣчно. Сладострастіе торжествуетъ, потому что оно есть радостная экзальтація, которая побуждаетъ существо выходить за собственные предѣлы, радость обладанія и господства, вѣчная побѣда, изъ которой рождается вѣчная битва, самое упоительное и самое несомнѣнное опьяненіе побѣды. И эта несомнѣнная побѣда—временная, слѣдовательно, должна безпрестанно возобновляться.

Сладострастіе есть сила, потому что оно обостряетъ умъ, зажигая смятеніе тѣла. Изъ здороваго и сильнаго тѣла, очищеннаго лаской, брызжетъ свѣтлый и ясный умъ. Только слабые и больные тяжелѣютъ и умаляются отъ него.

Сладострастіе есть сила, потому что оно убиваетъ слабыхъ и экзальтируетъ сильныхъ, помогая отбору.

Наконецъ, сладострастіе есть сила, потому что оно никогда не приводитъ къ опошленію, опредѣленности и несомнѣнности, доставляемымъ умиротворяющей сантиментальностью. Сладострастіе есть вѣчная битва, никогда не выигрываемая. Послѣ мимолетнаго тріумфа, въ самомъ эфемерномъ тріумфѣ, возрождающаяся неудовлетворенность побуждаетъ существо развертываться, превосходить самого себя въ оргіастической волѣ.

Сладострастіе есть то же для тѣла, что идеальная цѣль для духа: великолѣпная Химера, вѣчно схватываемая, никогда не пойманная, за которой, опьяненныя ею, молодыя и жадныя существа гонятся безъ устали.

Сладострастіе есть сила.

Валентина де-Сенъ-Пуанъ.

Парижъ, 11 января, 1913 г.

ИСКУССТВО ШУМОВЪ.

Футуристскій манифестъ.

Дорогой Балилла Прателла, великій футуристскій музыкантъ,

9 марта 1913, во время нашей кровавой побѣды, одержанной надъ 4,000 пассеистовъ въ Театрѣ Костанци въ Римѣ, когда мы защищали кулаками и тростями твою *футуристкую Музыку,* исполняемую мощнымъ оркестромъ, мой интуитивный мозгъ внезапно осѣнила идея новаго искусства, которое можетъ создать только твой геній: Искусства Шумовъ, логическаго послѣдствія твоихъ чудесныхъ нововведеній.

Античная жизнь была безмолвіемъ. Только въ девятнадцатомъ вѣкѣ, съ изобрѣтеніемъ машинъ, родился Шумъ. Въ настоящее время шумъ владычествуетъ полновластно надъ чувствительностью людей. Втеченіе многихъ вѣковъ жизнь развивалась въ молчаніи или подъ сурдинку. Самые оглушительные шумы не были ни интенсивными, ни продолжительными, ни разнообразными. Въ самомъ дѣлѣ, природа нормально молчалива, за исключеніемъ бурь, ураганов, обваловъ, водопадовъ и немногихъ исключительныхъ теллурическихъ движеній. Вотъ почему первые звуки, которые человѣкъ извлекъ изъ продырявленной тростинки или натянутой струны, глубоко восхитили его.

Первобытные народы приписывали звуку божественное происхожденіе. Онъ былъ окруженъ религіознымъ почте-

ніемъ и предоставленъ вѣденію жрецовъ, которые утилизировали его для обогащенія своихъ обрядовъ новой тайной. Такъ образовалось представленіе о звукѣ, какъ о вещи посторонней, отличной и независимой отъ жизни. Результатомъ явилась музыка, фантастическій міръ, поставленный надъ реальностью, неприкосновенный и священный. Эта гіератическая атмосфера по необходимости должна была замедлить прогрессъ музыки, которая была, такимъ образомъ опережена другими искусствами. Сами греки, съ ихъ теоріей музыки, математически установленной Пиѳагоромъ и допускавшей только употребленіе нѣсколькихъ созвучныхъ интерваловъ, ограничили область музыки и сдѣлали почти невозможной гармонію, которая оставалась имъ абсолютно неизвѣстной. Музыка эволюціонировала въ Средніе Вѣка вмѣстѣ съ развитіемъ и модификаціями греческой системы тетрахорда. Но звукъ продолжали разсматривать въ его развертываніи во времени,—узкое представленіе, которое долго держалось и которое мы находимъ еще въ самыхъ сложныхъ полифоніяхъ фламандскихъ музыкантовъ. Аккордъ еще не существовалъ: развитіе различныхъ частей не было подчинено аккорду, который эти части могли произвести сообща; представленіе объ этихъ частяхъ не было вертикальнымъ, а только горизонтальнымъ. Желаніе и поиски одновременнаго сочетанія различныхъ звуковъ (то есть аккорда, его комплекса) обнаруживались постепенно: отъ совершеннаго согласованнаго аккорда перешли къ аккордамъ, обогащеннымъ кое-какими мимолетными диссонансами, и достигли, наконецъ, постоянныхъ и сложныхъ диссонансовъ современной музыки.

Музыкальное искусство искало вначалѣ ясной и сладкой чистоты звука. Потомъ оно амальгамировало различные звуки, стараясь ласкать слухъ пріятными гармоніями.

Въ настоящее время музыкальное искусство ищетъ амальгаму самыхъ диссонирующихъ, самыхъ странныхъ и самыхъ рѣзкихъ звуковъ. Мы приближаемся, такимъ образомъ, къ звуку-шуму. *Эта эволюція музыки параллельна растущему умноженію машинъ*, участвующихъ въ человѣческомъ трудѣ. Въ оглушительной атмосферѣ большихъ городовъ, равно какъ и въ деревняхъ, когда-то безмолвныхъ, машины производятъ такое множество разнообразныхъ шумовъ, что чистый звукъ, по своей малости и монотонности, не производитъ болѣе никакого впечатлѣнія.

Чтобы возбудить нашу чувствительность, музыка развилась, отыскивая болѣе сложную полифонію и болѣе значительное разнообразіе инструментальныхъ тембровъ и красокъ. Она попыталась получить самыя сложныя послѣдовательности диссонирующихъ аккордовъ и подготовила, такимъ образомъ, *музыкальный шумъ*.

Эта эволюція къ звуку-шуму возможна только въ настоящее время. Ухо человѣка восемнадцатаго вѣка никогда бы не вынесло интенсивной разноголосицы извѣстныхъ аккордовъ, производимыхъ нашими оркестрами (утроенными въ отношеніи числа исполнителей); напротивъ, наше ухо наслаждается ими, пріученное къ этому современной жизнью, богатой всякаго рода шумами. Однако, наше ухо, не довольствуясь этимъ, непрерывно требуетъ болѣе широкихъ акустическихъ ощущеній. Съ другой стороны музыкальный звукъ слишкомъ ограниченъ по отношенію къ разнообразію и качеству своихъ тембровъ. Самые сложные оркестры можно свести къ четыремъ или пяти категоріямъ инструментовъ, различныхъ по тембру звуковъ; смычковые струнные инструменты, духовые деревянные, ударные инструменты. Музыка топчется въ этомъ тѣсномъ кругу, тщетно пытаясь создать новое разнообра-

зіе тембровъ. *Нужно во чтобы то ни стало вырваться изъ этого ограниченнаго круга звуковъ и завоевать безконечное разнообразіе звуковъ-шумовъ.*

Каждый звукъ несетъ въ себѣ ядро уже извѣстныхъ и использованныхъ ощущеній, предрасполагающихъ слушателей къ скукѣ, несмотря на всѣ усилія музыкантовъ-новаторовъ. Мы всѣ любили гармоніи великихъ мастеровъ и наслаждались ими. Бетховенъ и Вагнеръ восхитительно потрясали наше сердце втеченіи многихъ лѣтъ. *Вотъ почему мы находимъ безконечно больше удовольствія въ идеальномъ комбинированіи шумовъ трамваевъ, автомобилей, экипажей и кричащей толпы, чѣмъ въ слушаніи, напримѣръ, «Героической симфоніи» или «Пасторали».*

Принимая въ расчетъ громадную мобилизацію силъ, представляемую современнымъ оркестромъ, мы не можемъ не констатировать ея жалкихъ акустическихъ результатовъ. Найдется ли въ мірѣ что-нибудь смѣшнѣе зрѣлища двадцати человѣкъ, выбивающихся изъ силъ, стараясь усилить жалобное мяуканье скрипки? Эти откровенныя заявленія заставятъ подпрыгнуть всѣхъ маніаковъ музыки, что оживитъ немного сонную атмосферу концертныхъ залъ. Зайдемъ туда, хотите? Зайдемъ въ какой-нибудь изъ этихъ госпиталей анемичныхъ звуковъ. Не угодно ли: первый тактъ вливаетъ вамъ въ уши скуку уже слышаннаго и заставляетъ васъ предвкушать скуку, которая вытечетъ изъ слѣдующаго такта. Мы прихлебываемъ такимъ образомъ отъ такта къ такту скуку двухъ или трехъ сортовъ въ постоянномъ ожиданіи экстраординарнаго ощущенія, которое такъ и не является. Въ ожиданіи мы видимъ вокругъ насъ тошнотворную смѣсь, образуемую монотонностью опущеній и тупымъ и набожнымъ оцѣпенѣніемъ слушателей, опьяняемыхъ восприни-

маемымъ въ тысячный разъ, съ терпѣніемъ буддистовъ, элегантнымъ и моднымъ экстазомъ. Тьфу! Уйдемъ поскорѣе, такъ какъ я не могу долго подавлять безумнаго желанія создать, наконецъ, истинную музыкальную реальность, раздавая направо и налѣво звонкія затрещины, расшвыривая и опрокидывая скрипки и рояли, контробасы и стонущіе органы! Уйдемъ!

Иные возразятъ, что шумъ по необходимости непріятенъ уху. Пустыя возраженія, которыя я считаю излишнимъ опровергать, подсчитывая всѣ нѣжные шумы, дающіе пріятныя ощущенія. Чтобы убѣдить васъ въ поразительномъ разнообразіи шумовъ, я назову громъ, вѣтеръ, водопады, рѣки, ручьи, листья, отдаленный топотъ лошади, дребезжанье экипажа по мостовой, торжественное дыханіе города ночью, всѣ шумы кошекъ и домашнихъ животныхъ, всѣ тѣ, которые можетъ производить ротъ человѣка, кромѣ разговора и пѣнія.

Пройдемся по большой современной столицѣ, не столько присматриваясь, сколько прислушиваясь, и мы получимъ разнообразныя, пріятныя ощущенія, различая журчанье воды, воздуха и газа въ металлическихъ трубахъ, ворчанье и хрипѣнье моторовъ, дышащихъ съ неоспоримой животностью, трепетанье клапановъ, хожденіе взадъ и впередъ поршней, визгъ механическихъ пилъ, звучные прыжки трамваевъ по рельсамъ, щелканье хлыстовъ, шлепанье флаговъ. Мы будемъ забавляться, оркестрируя идеально скрипящія на блокахъ двери магазиновъ, гулъ толпы, различные шумы желѣзнодорожныхъ станцій, кузницъ, прядиленъ, типографій, электрическихъ мастерскихъ и подземныхъ желѣзныхъ дорогъ. Не слѣдуетъ забывать абсолютно новые шумы современной войны. Поэтъ Маринетти въ письмѣ, которое я получилъ отъ него изъ болгарскихъ траншей подъ Адріанополемъ, опи-

сывалъ въ своемъ новомъ футуристскомъ стилѣ оркестръ большой битвы.

1 2 3 4 5 секундъ осадныя пушки потрошить молчаніе аккордомъ тамъ-тумбъ. *Тотчасъ эхо эхо всѣ эхо овладѣвать имъ быстро крошить его разсѣивать вдали къ чорту Въ центрѣ центрѣ этихъ сплюснутыхъ* тамъ-тумбъ *охватъ 50 квадратныхъ километровъ прыгать 2 3 6 8 взрывы дубины тумаки отважныя дѣла батареи съ быстрой стрѣльбой Насиліе свирѣпость правильность качанье маятника рокъ эта низкая важная кажущаяся медленность скандировать странные сумасшедшіе очень юные очень сумасшедшіе сумасшедшіе сумасшедшіе очень взволнованные альты битвы Бѣшенство тоска захватъ дыханія уши Мои уши мои глаза раздутыя ноздри! !вниманіе! какъ велика ваша радость о мой народъ видѣть слышать обонять впивать все все все таратататата митральезы кричать корчиться подъ 1000 укусовъ пощечины траакъ-траакъ палочные удары удары хлыста пикъ пакъ* пумъ-тумбъ *фокусы прыжки клоуновъ подъ самое небо высота 200 метровъ это ружейная перестрѣлка Внизу плесканья болотъ смѣхъ буйволы телѣги стрекала фырканье лошадей фуры фликъ флакъ зангъ зангъ шаакъ шаакъ подъемъ на дыбы пируеты пататракъ брызги гривы ржанье ииииии суматоха звонъ 3 болгарскихъ батальона идутъ кроокъ-краакъ (медленно тактъ въ два темпа) Шуми Марица Окровавленна крики офицеровъ сталкивающіяся мѣдныя блюда памъ здѣсь (быстро) пакъ тамъ дальше* бумъ-*памъ-памъ-памъ-памъ здѣсь тамъ тамъ дальше всюду кругомъ очень высоко вниманіе чортъ возьми на голову шааакъ!огни огни огни огни огни огни огни огни огни огни рампа фортовъ тамъ Шукри паша телефонируетъ свои приказы 27 фортамъ по турецки по нѣмецки алло Ибрагимъ! Рудольфъ алло! актеры роли эхо-суфлеры де-*

кораціи дыма лѣса апплодисменты запахъ-сѣно-грязь-навозъ я не чувствую больше моихъ окоченѣвшихъ ногъ запахъ плѣсени гниль гонги флейты колокольчики свирѣли всюду вверху внизу птицы чирикать блаженство тѣни зеленъ ципъ-ципъ зипъ-зипъ стада пастбища дингъ-дингъ-дингъ-дингъ-бэээ Оркестръ

Сумасшедшіе колотятъ во всю мочь профессоровъ оркестра эти послѣдніе скорчившись битые битые играть играть Страшный трескъ вдали заглушать пить малые шумы снова извергать ихъ точно опредѣлять ихъ внѣ ихъ разинутаго рта-эхо діаметръ 1 километръ Обломки эхо въ этомъ театрѣ лежащихъ рѣкъ сидящихъ деревень стоящихъ горъ признанныхъ въ залѣ Марица Тунгіа Родопы 1-ый и 2-ой рядъ ложи купальни 2000 шрапнелей жестикуляція взрывъ з а н г ъ-т у м б ъ *бѣлые платки полные золота тумбъ-тумбъ облака-раекъ 2000 гранатъ громъ апплодисментовъ Живо живо какой восторгъ сорвать съ себя плохіе парики шевелюры черныя-пречерныя* з а н г ъ-т у м б ъ *оркестръ шумовъ войны вздуваться подъ нотой молчанія висящій въ небѣ золотистый привязной шаръ, контролирующій стрѣльбу.*

Мы желаемъ превратить въ музыку и регулировать гармонически и ритмически эти весьма разнообразные шумы. Дѣло идетъ не объ уничтоженіи неправильныхъ движеній и вибрацій (темпа и интенсивности) этихъ шумовъ, но просто о фиксированіи степени или тона преобладающей вибраціи. Въ самомъ дѣлѣ, шумъ отличается отъ звука своими смутными и неправильными вибраціями (по отношенію къ темпу и интенсивности). *Каждый шумъ имѣетъ извѣстный тонъ, иногда также аккордъ, господствующій надъ совокупностью этихъ неправильныхъ вибрацій.* Существованіе этого господствующаго тона даетъ намъ практическую возможность пѣть шумы, то-есть дать

шуму извѣстное разнообразіе тоновъ, съ сохраненіемъ его характера, то-есть тембра, который его отличаетъ. Извѣстные шумы, порождаемые вращательнымъ движеніемъ, могутъ предложить намъ цѣлую гамму восходящую или нисходящую, смотря по тому, увеличиваютъ или уменьшаютъ скорость движенія.

Всякое проявленіе нашей жизни сопровождается шумомъ. Шумъ близокъ намъ. Шумъ имѣетъ власть напоминать намъ жизнь. Звукъ, наоборотъ, чуждый жизни, всегда музыкальный, нѣчто обособленное, случайный элементъ, сдѣлался для нашего уха тѣмъ же, что представляетъ для нашего глаза слишкомъ знакомое лицо. Шумъ, смутный и неправильный, вырывающійся изъ смуты жизни, никогда не открывается намъ цѣликомъ и обѣщаетъ много неожиданностей. Мы увѣрены, что, выбирая и координируя шумы, обогатимъ человѣчество неподозрѣваемымъ наслажденіемъ.

Хотя характерная черта шума въ томъ, чтобы грубо напоминать намъ жизнь, *искусство шумовъ не должно ограничиваться простымъ подражательнымъ воспроизведеніемъ*. Искусство шумовъ будетъ извлекать свою главную способность эмоціи изъ спеціальнаго акустическаго удовольствія, котораго достигнетъ посредствомъ комбинаціи шумовъ вдохновеніе художника. Вотъ шесть категорій шумовъ футуристскаго оркестра, который мы вскорѣ предполагаемъ реализировать механически.

1	2	3	4	5	6
Грохоты. Взрывы. Шумъ падающей воды. Плескъ нырка. Ревы.	Свистки. Пыхтѣніе. Сопѣніе.	Ропоты. Бормотанье. Шорохи. Ворчанья. Хрюканья. Бульканья.	Шипы. Трески. Жужжанья. Хлопанья. Топоты.	Шумы ударовъ по металлу, дереву, кожѣ, камнямъ, глинѣ и проч.	Голоса людей и животныхъ; крики, стоны, вой, смѣхъ, хрипъ рыданія.

Мы помѣстили въ эти 6 категорій самые характерные основные шумы; остальные только комбинаціи этихъ послѣднихъ. Ритмическія движенія шума безконечны. Существуетъ не только преобладающій тонъ, но и *преобладающій ритмъ*, вокругъ котораго одинаково чувствуются многочисленные другіе вторичные шумы.

Заключенія: 1.—Нужно все болѣе и болѣе расширять область звуковъ. Это отвѣчаетъ потребности нашей чувствительности. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что всѣ современные геніальные композиторы стремятся къ самымъ сложнымъ диссонансамъ. Удалясь отъ чистаго звука, они почти достигаютъ *звука-шума*. Эта потребность и эта тенденція могутъ быть удовлетворены вполнѣ только замѣщеніемъ звуковъ шумами.

2.—Нужно замѣстить ограниченное разнооообразіе тембровъ инструментовъ оркестра безконечнымъ разнообразіемъ тембровъ шумовъ, получаемыхъ съ помощью спеціальныхъ инструментовъ.

3. — Чувствительность музыканта, отдѣлавшись отъ легкаго и традиціоннаго ритма, найдетъ въ области шумовъ средства развиться и обновиться, что не представляетъ затрудненія, въ виду того, что каждый шумъ представляетъ соединеніе самыхъ разнообразныхъ ритмовъ, кромѣ преобладающаго.

4.—Каждый шумъ имѣетъ среди своихъ неправильныхъ вибрацій какой-нибудь преобладающій тонъ. Вотъ почему легко будетъ достигнуть въ конструкціи инструментовъ, которые должны будутъ подражать этому тону, достаточнаго разнообразія тоновъ, полутоновъ и четвертьтоновъ. Это разнобразіе тоновъ не отниметъ у каждаго шума характерной особенности, его тембра, но увеличитъ его объемъ.

5.—Техническія затрудненія, которыя представляетъ

конструкція этихъ инструментовъ, неважны. Разъ мы найдемъ механическій принципъ, дающій извѣстный шумъ, мы можемъ градуировать его тонъ, слѣдуя законамъ акустики. Мы прибѣгнемъ, напримѣръ, къ уменьшенію или увеличенію скорости, если инструментъ будетъ имѣть вращательное движеніе. Мы будемъ увеличивать или уменьшать величину или натяженіе звучащихъ частей, если инструментъ не будетъ вращательнымъ.

6.—Новый оркестръ будетъ достигать самыхъ сложныхъ и самыхъ новыхъ звуковыхъ эмоцій не посредствомъ послѣдовательности подражательныхъ шумовъ, воспроизводящихъ жизнь, но посредствомъ фантастической ассоціаціи этихъ различныхъ тембровъ. Вотъ почему каждый инструментъ долженъ будетъ давать намъ возможность измѣнять тонъ и обладать болѣе или менѣе значительнымъ объемомъ звучности.

7.—Разнообразіе шумовъ безконечно. Несомнѣнно, у насъ въ настоящее время имѣется болѣе тысячи различныхъ машинъ, и мы можемъ отличать болѣе тысячи ихъ различныхъ шумовъ. При непрерывномъ умноженіи новыхъ машинъ *мы будемъ въ состояніи различать со временемъ десять, двадцать или тридцать тысячъ разнообразныхъ шумовъ. Намъ нужно будетъ не просто подражать этимъ шумамъ, но комбинировать ихъ по волѣ нашей артистической фантазіи.*

8.—Мы приглашаемъ всѣхъ молодыхъ музыкантовъ, истинно даровитыхъ и смѣлыхъ, наблюдать всѣ шумы, чтобы понять различные составляющіе ихъ ритмы, ихъ главный тонъ и ихъ вторичные тоны. Сравнивая разнообразные тембры шумовъ съ тембрами звуковъ, они будутъ констатировать, насколько первые разнообразнѣе вторыхъ. Такимъ образомъ разовьются пониманіе, вкусъ и страсть къ шумамъ. Наша умноженная чувствительность, создавъ

себѣ футуристскіе глаза, пріобрѣтетъ также футуристскіе уши. Моторы нашихъ промышленныхъ городовъ можно будетъ въ нѣсколько лѣтъ умѣло переложить на музыку, такъ что каждый заводъ образуетъ восхитительный оркестръ звуковъ.

Дорогой Прателла, представляю на разсмотрѣніе твоего футуристскаго генія эти новыя идеи и приглашаю тебя обсудить ихъ со мною. Я не музыкантъ. Стало быть, у меня нѣтъ никакихъ акустическихъ предпочтеній и мнѣ нѣтъ надобности защищать какія-либо произведенія. Я живописецъ футуристъ, который выбрасываетъ изъ себя по поводу глубоко любимаго искусства свою волю все обновить. Вотъ почему, болѣе безразсудный, чѣмъ самый безразсудный изъ профессіональныхъ музыкантовъ, ничуть не заботясь о своей кажущейся некомпетентности, зная, что смѣлость даетъ всѣ права и всѣ возможности, я задумалъ обновленіе музыки посредствомъ Искусства Шумовъ.

Луиджи Руссоло,
живописецъ.

Миланъ, 1 марта 1913.

Примѣчаніе къ Манифесту «Искусства Шумовъ».
Первый концертъ футуристскихъ Шумистовъ.

2 іюня 1913 въ Моденѣ живописецъ футуристъ Руссоло, творецъ *Искусства Шумовъ*, объяснялъ и впервые пустилъ въ ходъ передъ болѣе 2000 зрителей, переполнявшихъ театръ Сторки, различные шумящіе аппараты, которые онъ изобрѣлъ и построилъ въ сотрудничествѣ съ живописцемъ Уго Піатти..

Футуристскій музыкантъ Прателла и поэтъ Маринетти взяли на себя затѣмъ защиту этого удивительнаго изобрѣтенія, при бурныхъ возраженіяхъ, краснорѣчиво пренебрегая нападками и грубыми оскорбленіями пассеистовъ.

Тотчасъ послѣ этого достопамятнаго вечера футуристскій живописецъ Руссоло снова взялся за работу, чтобы усовершенствовать свои шумящіе инструменты и подготовить свои *4 первыя сѣти шумовъ*, которыя были наконецъ исполнены въ первомъ концертѣ шумистовъ въ Красномъ Домѣ въ Миланѣ, вечеромъ 11 августа. Въ обширной залѣ, вокругъ этого страннаго оркестра тѣснилась руководящая группа футуристовъ и много видныхъ представителей итальянской печати, привѣтствовавшихъ апплодисментами и восторженными ура 4 различныя *сѣти шумовъ*, заглавія которыхъ слѣдуютъ:

Пробужденіе Столицы.
Свиданіе автомобилей и аэроплановъ.
Обѣдъ на террасѣ казино.
Схватка въ оазисѣ.

Руссоло самъ дирижировалъ оркестромъ, состоявшимъ изъ 15 шумистовъ:

3 жужжателей.
2 взрывателей.
1 громыхателя.
3 свистуновъ.
2 шуршателей.
2 булькателей.
1 трещателя
1 скрипуна.
1 хрипуна.

Несмотря на извѣстную неопытность исполнителей, недостаточно подготовленныхъ незначительнымъ числомъ поспѣшныхъ репетицій, цѣлое оказывалось почти всегда совершеннымъ, и поистинѣ поразительные эффекты, достигнутые Руссоло, открыли всѣмъ слушателямъ новое акустическое наслажденіе.

Четыре *сѣти шумовъ* не просто импрессіонистскія воспроизведенія окружающей насъ жизни, а волнующіе шумистскіе синтезы. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря умѣлой ва-

ріаціи тоновъ, шумы теряютъ свой эпизодическій случайный и подражательный характеръ и становятся абстрактными элементами искусства.

Слушая комбинированные и гармонизированные тоны *взрывателей, свистуновъ и булькателей*, не думаешь больше объ автомобиляхъ, локомотивахъ и бѣгущей водѣ, но испытываешь глубокое волненіе футуристскаго искусства, абсолютно непредвидѣннаго и похожаго только на само себя.

ФУТУРИСТСКАЯ АНТИТРАДИЦІЯ.

Манифестъ-синтезъ.

ABAS LEPominir A liminé SS korsusu otalo EIS cramlr MEnigme

Этотъ моторъ со всѣми тенденціями импрессіонизмъ фовизмъ кубизмъ экспрессіонизмъ патетизмъ драматизмъ орфизмъ пароксизмъ пластическій динамизмъ слова на свободѣ изобрѣтеніе словъ

УНИЧТОЖЕНІЕ.

Упраздненіе поэтической скорби

Никакихъ сожалѣній.

Упраздненіе исторіи.

снобистскихъ экзотизмовъ
копіи въ искусствѣ
синтаксисовъ, *уже осужденныхъ употребленіемъ во всѣхъ языкахъ*
прилагательнаго
знаковъ препинанія
типографской гармоніи
временъ и лицъ глаголовъ
оркестра
театральной формы
величественнаго артиста
стиховъ и строфы
домовъ
критики и сатиры
интриги въ разсказахъ
скуки

Неопредѣленное наклоненіе.

ПОСТРОЕНІЕ.

1 *Безпрерывно возобновляемая техника или ритмы*

Непрерывность одновременность въ противуположность портикуляризму и раздѣленію.

Чистота.

Чистая литература *Слова на волѣ Изобрѣтеніе словъ*
Чистая пластика (5 чувствъ)
Твореніе изобрѣтеніе пророчество
Звукоподражательное описаніе
Полная музыка и *Искусство шумовъ*
Универсальная мимика и искусство свѣтовъ
Машинизмъ Эйфелева Башня Бруклинъ и небоскребы
Полиглоттизмъ
Чистая цивилизація
Эпическій номадизмъ городской эксплораторизмъ *Искусство путешествій* и прогулокъ
Антипрелесть
Непосредственные трепеты при великихъ свободныхъ зрѣлищахъ
цирки musichall'ы и проч.

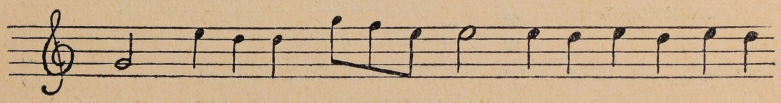
Разнообразіе.

2 *Интуиція скорость вездѣсущіе*

Книга или уловленная жизнь или фонокинематографія или *безпроволочное воображеніе.*
Непрерывный тремолизмъ или звукоподражанія болѣе изобрѣтенныя чѣмъ подражательныя
Танецъ трудъ или чистая хореграфія
Языкъ быстрый характерный внушающій пѣніе свистъ мимика плясъ ходьба бѣгъ

Удары и раны.

Право людей и постоянная война
Интегральный феминизмъ или безчисленная дифференціація половъ
Человѣчество и призывъ къ сверхчеловѣку
Матерія и *физическій трансцендентализмъ*
Аналогіи и каламбуры лирическій трамплинъ и единственная наука языковъ каленкоръ Каликутъ Калькутта тафія Софія Софи, достаточный Уффици офицеръ оффиціальный ô ficelles Афисіонадо Дона-Соль Донателло Даятель даетъ даромъ торпеду
или или или флейта жаба рожденіе жемчуговъ argemine



ПЛЕ. . . . . ВОКЪ*). . . . . .

Критикамъ
Педагогамъ
Профессорамъ
Музеямъ
Кватрочентистамъ
Семнадцатовѣкистамъ
Руинамъ
Патинамъ
Историкамъ
Венеціи Версалю Помпеѣ
Брюгге Оксфорду Нюребнергу
Толедо Бенаресу и проч.

Защитникамъ пейзажей
Филологамъ
Эссеистамъ
Нео и *постъ*
Байрейту, Флоренціи, Монмартру и Мюнхену
Словарямъ
Хорошему вкусу
Оріентализму
Дендизму
Спиритуалистамъ или реалистамъ (безъ чувства реальности и ума)

Академистамъ
Сіамскимъ близнецамъ д'Аннунціо и Ростану
Данте Шекспиру Толстому Гете
Смердящимъ диллетантизмамъ
Эсхилу и theatre д'Orange
Индіи Египту Фьезоле и теософіи
Научности
Монтэню Вагнеру Бетховену Эдгару По Уоту Уитману и Бодлэру.

Въ подлинникѣ: «Merde». *Перев.*

Роза

Маринетти Пикассо Бочони Аполлинэру Полю Форъ Мерсеро Максу Жакобу Карра Делонэ Анри Матиссу Браку Депаки Северину Северини Дерэну Руссло Архипенко Прателла Балла Ф. Дивуару Н. Бодюэну Т. Варле Буцци Палецески Макэру Папини Соффичи Фолюре Говони Монфору Р. Фри Каваккіоли д'Альба Альтомаре Тридону Метцингеру Глейзу Ястребцову Ройеру Канудо Сальмону Кастіо Лоренсену Орелю Ажеро Леже Валентинѣ де-Сенъ Пуанъ Дельмарлю Кандинскому Стравинскому Гербену А. Билли Ж. Совбуа Пикабіа Марселю Дюшану Б. Сандрару Жуву А. М. Барзену Ж. Польти Макъ Орлану Ф. Флёре Жодону Мандену Р. Дализу М. Брезилю Ф. Карко Рубинеру Бетруда Макзелла-Фронтини А. Мацца Т. Дерему Джаннаттазіо Таволато Де Гонзагъ-Фрику К. Ларронду и проч.

Гильомъ Аполлинэръ.

Парижъ, 29 іюня 1913
день Grand Prix, въ 65
метрахъ выше Буля.
С. Жерменъ.

ЖИВОПИСЬ
звуковъ, шумовъ и запаховъ.

Футуристскій манифестъ.

До девятнадцатаго вѣка живопись была искусствомъ безмолвнымъ по преимуществу. Живописцы древности, Возрожденія, пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ никогда не думали о возможности выразить живописно звуки, шумы и запахи, даже когда брали темпомъ своихъ композицій цвѣты или бури.

Импрессіонисты, въ ихъ дерзкой революціи, сдѣлали, но черезчуръ робко, кое-какія попытки воспроизводить въ живописи звуки и шумы. Раньше нихъ ничего, абсолютно ничего.

Мы спѣшимъ, тѣмъ не менѣе, заявить, что между импрессіонистскими потугами и нашей футуристской живописью звуковъ, шумовъ и запаховъ такая же разница, какъ между туманной зарей и знойнымъ взрывающимъ полднемъ или между первыми признаками беременности и тридцатилѣтнимъ человѣкомъ. На полотнахъ импрессіонистовъ звуки и шумы выражены такъ смутно, какъ будто воспринимались барабанной перепонкой глухого. Я не считаю полезнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе ихъ исканій.

Скажу только, что для реализаціи живописи звуковъ, шумовъ и запаховъ импрессіонистамъ слѣдовало бы уничтожить:

1. Старую текучую и обманчивую перспективу, легкую игру, достойную развѣ что академическаго ума, вродѣ Леонара, или рисовальщика сценъ для реалистическихъ мелодрамъ.

2. Концепцію гармоніи красокъ, концепцію и недостатокъ, характерный для французскаго генія, фатально толкающій его къ красивому, къ изящному, къ жанру Ватто, и, слѣдовательно, къ злоупотребленію блѣдноголубымъ, нѣжнозеленымъ и болѣзненно розовымъ. Мы уже не разъ выражали наше глубокое презрѣніе къ этой тенденціи къ женственности и пріятности въ искусствѣ.

3. Созерцательный идеализмъ, который я опредѣлилъ въ другомъ мѣстѣ какъ *сантиментальный миметизмъ кажущейся природы*. Этотъ созерцательный идеализмъ отравляетъ и грязнитъ живописныя конструкціи импрессіонистовъ, какъ и ихъ предшественниковъ Коро и Делакруа.

4. Анекдотъ и партикуляризмъ, которые, явившись, какъ реакція, противоядіемъ ложной академической конструкціи, неизбѣжно увлекаютъ ихъ къ фотографіи.

Что касается пост- и нео-импрессіонистовъ, каковы Матиссъ, Синьякъ и Сёра, то я утверждаю, что, далекіе отъ постиженія и попытки рѣшенія проблемы звуковъ, шумовъ и запаховъ въ живописи, они предпочли вернуться къ статикѣ, чтобы добиться болѣе полнаго синтеза формы и краски (Матиссъ) и систематическаго приложенія свѣта Сёра, Синьякъ).

Мы утверждаемъ также, что внося въ нашу футуристскую живопись элементъ звука, элементъ шума и элементъ запаха, мы пролагаемъ новые пути въ области искусства. Мы уже создали въ артистической чувствительности міра страсть къ современной жизни, динамической, звучной, шумной и пахучей и уничтожили манію торжественнаго,

гіератическаго, мумифицированнаго, безстрастнаго, драпированнаго интеллектуальной безмятежностью и холодомъ.

Слова на волѣ, систематическое употребленіе звукоподражаній, антиизящная музыка безъ ритмической квадратуры и Искусство шумовъ вышли изъ той же футуристской чувствительности, которая порождаетъ живопись звуковъ, шумовъ и запаховъ.

Безспорно: 1. что молчаніе статично, а звуки, шумы и запахи динамичны; 2. что звуки, шумы и запахи суть различныя формы и интенсивности вибраціи; 3. что каждая послѣдовательность звуковъ, шумовъ и запаховъ запечатлѣваетъ въ умѣ арабески формъ и цвѣтовъ. Нужно, стало быть, измѣрить эту интенсивность и уловить эту арабеску.

Живопись звуковъ, шумовъ и запаховъ осуждаетъ:

1. Всѣ краски подъ сурдинку, даже достигаемыя безъ уловки патинъ.

2. Банальную бархатистость шелка, слишкомъ человѣческихъ, слишкомъ тонкихъ, слишкомъ нѣжныхъ тѣлъ и слишкомъ блѣдныхъ, слишкомъ этіолированныхъ цвѣтовъ.

3. Сѣрые, бурые и грязные оттѣнки.

4. Чистую горизонтальную линію, чистую вертикальную линію и всѣ мертвыя линіи.

5. Прямой уголъ, который мы называемъ безстрастнымъ или апатическимъ.

6. Кубъ, пирамиду и всѣ статическія формы.

7. Единство времени и мѣста.

Живопись шумовъ, звуковъ и запаховъ требуетъ:

1. Краснаго, краааааааснаго, очень краааааснаго, криииичащаго.

2. Зеленаго, никогда не довольно зеленаго, очень зеееееленаго, скрииииииииипящаго; желтаго, никогда не доволь-

но желтаго и взрывающаго, шафранно-желтаго, мѣдножелтаго, желтыхъ красокъ зари.

3. Всѣхъ красокъ скорости, радости, кутежа, самаго фантастическаго карнавала, фейерверковъ, кафешантановъ и music hall'овъ, всѣхъ красокъ въ движеніи, воспринимаемыхъ во времени, а не въ пространствѣ.

4. Динамической арабески, какъ единственной реальности, создаваемой артистомъ въ глубинѣ своей чувствительности.

5. Столкновенія острыхъ узловъ, которые мы назвали углами воли.

6.. Косыхъ линій, которыя падаютъ на душу наблюдателя, какъ молніи, падающія съ неба, и линій глубины.

7. Сферы, бурлящаго эллипса, спирали и всѣхъ динамическихъ формъ, которыя сумѣетъ открыть безконечная мощь генія художника.

8. Перспективы, получаемой не какъ объективизмъ разстоянія, а какъ субъективное сопрониканіе вуалированныхъ или жесткихъ, мягкихъ или рѣжущихъ формъ.

9. Значенія динамической конструкціи картины (архитектурный полифоническій ансамбль), какъ всеобщаго сюжета и единственнаго основанія существованія самой картины. Когда говорятъ объ архитектурѣ, подразумѣваютъ нѣчто статическое, но это невѣрно. Мы думаемъ, напротивъ, объ архитектурѣ, подобной динамической музыкальной архитектурѣ, созданной футуристскимъ музыкантомъ Прателлой. О подвижной архитектурѣ облаковъ, дымовъ, уносимыхъ вѣтромъ, и металлическихъ сооруженій, когда они воспринимаются въ бурномъ и хаотическомъ состояніи души.

10. Опрокинутаго конуса (форма взрыва). Косого цилиндра и косого конуса.

11. Столкновенія двухъ конусовъ, остріемъ къ острію

(естественная форма морского смерча). Извилистыхъ или образуемыхъ кривыми линіями (прыжки клоуновъ, танцовщицъ) конусовъ.

12. Зигзагообразной и волнистой линіи.

13. Эллипсоидальныхъ кривыхъ, разсматриваемыхъ какъ прямыя линіи въ движеніи.

14. Линій, объемовъ и освѣщеній, разсматриваемыхъ какъ пластическій трансцендентализмъ, то есть соотвѣтственно ихъ характерной степени искривленія или косины, опредѣялемой душевнымъ состояніемъ живописца.

15. Эхо линій и объемовъ въ движеніи.

16. Пластическаго комплементаризма (въ формѣ и въ краскѣ), основаннаго на законѣ эквивалентныхъ контрастовъ и на крайностяхъ призмы. Этотъ комплементаризмъ образованъ неравновѣсіемъ формъ (и слѣдовательно принужденъ двигаться). Отсюда слѣдуетъ уничтоженіе соотвѣтствія объемовъ. Надо осудить эти соотвѣтствія объемовъ, такъ какъ, подобно костылямъ, они допускаютъ лишь движеніе взадъ и впередъ, а не полное движеніе, которое мы называемъ сферическимъ распространеніемъ въ пространствѣ.

17. Непрерывности и одиновременности пластическихъ трансцендентностей минеральнаго царства, растительнаго царства, животнаго царства и механическаго царства.

18. Абстрактныхъ пластическихъ ансамблей, т. е. ансамблей, воспроизводящихъ не видѣнія, а ощущенія, порожденныя звуками, шумами, запахами и всѣми неизвѣстными формами, которыя ихъ окружаютъ.

Эти абстрактные пластическіе, полифоническіе и полуритмическіе ансамбли будутъ отвѣчать самимъ потребностямъ внутреннихъ энгармоній, которыя мы считаемъ необходимыми въ футуристской художественной чувствительности. Эти пластическіе ансамбли оказываютъ таин-

ственное чарующее дѣйствіе, болѣе захватывающее, чѣмъ то, которое вытекаетъ изъ чувства зрѣнія и чувства осязанія, такъ какъ оно болѣе приближается къ пластическому чистому уму. Мы утверждаемъ, что звуки, шумы и запахи воплощаются въ выраженіи линій, объемовъ и красокъ, какъ линіи, объемы и краски воплощаются въ архитектурѣ музыкальнаго произведенія. Наши картины будутъ выражать пластическіе эквиваленты звуковъ, шумовъ и запаховъ театровъ, music hall'овъ, кинематографовъ, б....., желѣзнодорожныхъ станцій, портовъ, гаражей, клиникъ, мастерскихъ и проч.

Съ точки зрѣнія формы: есть звуки, шумы и запахи вогнутые и выпуклые, эллипсоидальные, продолговатые, коническіе, сферическіе, спиральные и проч.

Съ точки зрѣнія краски: есть звуки, шумы и запахи зеленые, желтые, красные, индиговые, небесно-голубые и фіолетовые.

На желѣзнодорожныхъ станціяхъ, въ мастерскихъ, гаражахъ и ангарахъ, въ механическомъ и спортсменскомъ мірѣ звуки, шумы и запахи почти всегда красные; въ ресторанахъ, кафе и салонахъ они серебристые, желтые и фіолетовые. Межъ тѣмъ какъ звуки, шумы и запахи животныхъ желтые и голубые, звуки, шумы и запахи женщины—зеленые, небесно-голубые и фіолетовые.

Мы не преувеличиваемъ, утверждая, что запахи одни, сами по себѣ, могутъ опредѣлять въ нашемъ умѣ арабески формы и цвѣта, составляющіе тему картины и оправдывающія ея существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если мы запремся въ абсолютно темной комнатѣ (гдѣ зрительное чувство не функціонируетъ) съ цвѣтами, бензиномъ и другими пахучими матеріалами, нашъ пластическій умъ элиминируетъ вспоминаемыя ощущенія и конструируетъ весьма спеціальные пластическіе ансамбли, которые вполнѣ от-

вѣчаютъ, съ точки зрѣнія качества, вѣса и движенія, запахамъ, содержащимся въ комнатѣ.

Путемъ таинственной трансформаціи эти запахи сдѣлались силой-средой, опредѣляющей такимъ образомъ это душевное состояніе, составляющее для насъ чистый пластическій ансамбль.

Это головокружительное кипѣніе звучныхъ, шумныхъ и пахучихъ формъ и свѣтовъ было отчасти выражено мною въ Похоронахъ анархиста и Трясклѣ фіакра; Боччони въ Состояніяхъ души и Силахъ улицы; Руссоло въ Возстаніи и Северини въ Панъ-панъ, картинахъ, вызвавшихъ бурные споры во время нашей первой выставки въ Парижѣ (февраль, 1812 г.).

Это головокружительное кипѣніе требуетъ большого волненія и почти состоянія безумія отъ художника, который, чтобы выразить вихрь, долженъ быть въ нѣкоторомъ родѣ вихремъ ощущеній, художественной силой, а не холоднымъ логическимъ умомъ.

Знайте же: чтобы получить эту *полную живопись*, которая требуетъ активной коопераціи всѣхъ чувствъ: *живопись, вселенское пластическое состояніе души*,—нужно писать, какъ поютъ и блюютъ пьяницы,—звуки, шумы и запахи.

К. Д. Карра̀.

Миланъ, 11 августа, 1913 г.

MUSIC HALL.

Футуристскій манифестъ.

Прославленіе театра Варьете.

Мы питаемъ глубокое отвращеніе къ современному театру (стихи, проза или музыка), потому что онъ глупо колеблется между исторической реконструкціей (поддѣлка или плагіатъ) и фотографическимъ воспроизведеніемъ, мелочнымъ и тошнотворнымъ, нашей повседневной жизни.

Мы усердно посѣщаемъ music hall или театръ варьете (кафе-концертъ, циркъ, кабаре, boître de nuit), который предлагаетъ нынѣ единственное театральное зрѣлище, достойное истинно футуристскаго ума.

Футуризмъ прославляетъ театръ варьете, потому что:

1. Театръ Варьете, родившійся нѣкоторымъ образомъ вмѣстѣ съ нами, не имѣетъ къ счастью традиціи, ни мастеровъ, ни догматовъ, и питается современностью.

2. Театръ Варьете абсолютно практиченъ, потому что онъ ставитъ своей задачей развлекать и забавлять комическими эффектами, эротическимъ возбужденіемъ и дѣйствіемъ на воображеніе.

3. Авторы, актеры и механики театра Варьете имѣютъ единственное основаніе существовать и торжествовать: непрерывное изобрѣтеніе новыхъ элементовъ ошеломленія. Отсюда абсолютная невозможность останавливаться и повторяться, ожесточенное состязаніе мозговъ и мускуловъ

въ побиваніи различныхъ рекордовъ проворства, быстроты, силы усложненія и изящества.

4. Театръ Варьете, являясь хорошо окупающейся выставкой безчисленныхъ усилій изобрѣтательности, производитъ совершенно естественно то, что я называю *футуристскимъ чудомъ* (le merveilleux futuriste), продуктомъ современнаго машинизма. Въ немъ находишь одновременно мощныя каррикатуры, бездны смѣшного, неуловимыя и восхитительныя ироніи, захватывающіе и окончательные символы, водопады необузданнаго веселья, глубокія аналогіи между человѣчествомъ, животнымъ міромъ, растительнымъ міромъ и механическимъ міромъ, raccourcis откровеннаго цинизма, сплетенія остротъ, шутокъ и выходокъ, пріятно провѣтривающихъ умъ, всѣ гаммы смѣха и улыбки, чтобъ защитить нервы, всѣ гаммы глупости, идіотизма, тупоумія и нелѣпости, нечувствительно толкающихъ душу на край безумія; всѣ новыя значенія свѣта, звука, шума и слова съ ихъ таинственными и необъяснимыми продолженіями въ самой неизслѣдованной части нашей чувствительности.

5. Театръ Варьете есть въ настоящее время тигель, въ которомъ кипятъ элементы подготовляющейся новой чувствительности.

Въ немъ мы находимъ ироническое разложеніе всѣхъ истрепанныхъ прототиповъ Прекраснаго, Великаго, Торжественнаго, Религіознаго, Свирѣпаго, Соблазнительнаго, Ужаснаго, а также абстрактную выработку новыхъ прототиповъ, которые замѣстятъ ихъ.

Итакъ, театръ Варьете есть синтезъ всей утонченности нервовъ, которую человѣчество выработало до сихъ поръ, чтобы развлекаться, смѣясь надъ моральнымъ и матеріальнымъ страданіемъ; онъ является также кипучимъ сліяніемъ всѣхъ смѣховъ и улыбокъ, усмѣшекъ, зубоскаль-

ства, гримасъ будущаго человѣчества. Въ немъ вкушаютъ веселье, которое будетъ увлекать людей спустя сто лѣтъ, исканія ихъ живописи, ихъ философіи, ихъ воль и скачковъ ихъ архитектуры.

6. Театръ Варьете есть самый гигіеническій изъ всѣхъ спектаклей, благодаря динамизму формы и цвѣта (одновременное движеніе жонглеровъ, танцовщицъ, гимнастовъ, разноцвѣтныхъ наѣздниковъ). — Своимъ танцующимъ, ускоряемымъ и увлекающимъ ритмомъ, онъ насильно извлекаетъ самыя медлительныя души изъ ихъ оцѣпенѣнія и заставляетъ ихъ бѣжать и прыгать впередъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это единственный театръ, гдѣ публика не остается статической, тупо глазѣя на сцену, а принимаетъ шумное участіе въ дѣйствіи, аккомпанируя оркестру, подчеркивая игру актеровъ неожиданными выходками и забавными діалогами.

При такомъ сотрудничествѣ публики съ фантазіей актеровъ, дѣйствіе происходитъ одновременно на сценѣ, въ ложахъ и въ партерѣ. Оно продолжается даже по окончаніи спектакля, среди батальоновъ поклонниковъ въ смокингахъ и монокляхъ, которые толпятся вокругъ этуали, оспаривая другъ у друга двойную конечную побѣду: шикарный ужинъ и постель.

7. Театръ Варьете, поучительная школа искренности для мужчины, такъ какъ онъ грубо разоблачаетъ женщину отъ всѣхъ романтическихъ покрывалъ, фразъ, вздоховъ и рыданій, которыя искажаютъ и маскируютъ ее. Взамѣнъ того, онъ обнаруживаетъ всѣ удивительныя животныя качества женщины, ея силы нападенія, соблазна, вѣроломства и сопротивленія.

8. Театръ Варьете есть школа героизма, въ виду необходимости побивать различные рекорды трудностей и усилій, создающей на сценѣ сильную и здоровую атмосферу

опасности. (Напр.: *looping-the-loop* на бициклетѣ, на лошади, на автомобилѣ).

9. Театръ Варьете есть школа тонкости, усложненія и синтеза, благодаря своимъ клоунамъ, жонглерамъ-музыкантамъ, фокусникамъ, угадчикамъ мыслей, феноменальнымъ счетчикамъ, комикамъ, подражателямъ, пародистамъ и американскимъ эксцентрикамъ, фантастическія беременности которыхъ рожаютъ неслыханныя штуки и махинаціи.

10. Театръ Варьете есть единственная школа, которую можно рекомендовать подросткамъ и даровитымъ молодымъ людямъ, потому что она объясняетъ разительно и быстро самыя таинственныя сантиментальныя проблемы и самыя сложныя политическія событія. Примѣръ: годъ тому назадъ, въ Фоли-Бержеръ, двое танцоровъ воспроизводили мимически двусмысленныя разсужденія Кидерленъ-Вехтера о марокскомъ вопросѣ, въ символическомъ и многозначительномъ танцѣ, который стоилъ по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ изученія иностранной политики. Оба танцора, лицомъ къ публикѣ, сплетясь руками, причемъ правый бокъ одного оставался прижатымъ къ лѣвому боку другого, двигались, дѣлая другъ другу территоріальныя уступки, впередъ, назадъ, вправо, влѣво, не отцѣпляясь другъ отъ друга, не упуская изъ вида цѣли: свернуть противника. Это было чрезвычайно учтиво, двусмысленно, свирѣпо, вызывающе, упрямо, боязливо, въ высшей степени дипломатично...

Кромѣ того, театръ Варьете ясно объясняетъ и иллюстрируетъ господствующіе законы жизни:

a) сплетеніе различныхъ ритмовъ;

b) фатальность лжи и противорѣчія (прим.: англійскія танцовщицы съ двойнымъ лицомъ: пастушки и угрюмаго солдата);

с) синтезъ скоростей и превращеній (прим.: Фреголи).

11. Театръ Варьете систематически уничтожаетъ идеальную любовь и ея романтическое навожденіе, детализируя съ однообразіемъ, вялостью, рутиной ежедневнаго ремесла тоскливыя повадки и томленія страсти.

Онъ забавно механизируетъ чувство, принижаетъ и умаляетъ гигіенически манію тѣлеснаго обладанія, сводитъ сладострастіе къ естественной функціи совокупленія, отнимаетъ у него всякую тайну, всякую тоску и всякую анти-гигіеническую идеализацію.

Театръ Варьете даетъ взамѣнъ пониманіе и влеченіе къ легкимъ мимолетнымъ и приправленнымъ остроуміемъ любовнымъ связямъ.

Спектакли Кафе-концерта на открытомъ воздухѣ, на террасѣ Казино представляютъ забавнѣйшую битву между спазматическимъ луннымъ свѣтомъ, угнетаемымъ безконечнымъ отчаяніемъ и электрическимъ свѣтомъ, который грубо мелькаетъ на фальшивыхъ брилліантахъ, накрашенныхъ тѣлахъ, шелкахъ, стеклярусѣ и фальшивой крови губъ.

Разумѣется, электрическій свѣтъ выходитъ изъ борьбы побѣдоноснымъ, а болѣзненный и упадочный лунный свѣтъ терпитъ полное пораженіе.

12. Театръ Варьете естественно анти-академиченъ, примитивенъ и непосредственъ, слѣдовательно, болѣе значителенъ, въ виду непредвидѣнности своихъ нащупываній и грубой простоты своихъ средствъ (примѣръ: пѣвицы, которыя при каждомъ куплетѣ систематически обходятъ сцену, какъ дикіе звѣри въ клѣткѣ).

13. Театръ Варьете уничтожаетъ все торжественное, все священное, все серьезное и все чистое Искусства съ прописнымъ И. Онъ содѣйствутъ футуристскому уничтоженію безсмертныхъ шедёвровъ посредствомъ плагіатовъ,

пародій и безцеремонныхъ представленій безъ всякой пышности и безъ всякаго сокрушенія сердечнаго, въ качествѣ одного изъ номеровъ увеселительной программы. Вотъ почему мы во всеуслышаніе одобряемъ исполненіе *Парсиваля* въ 40 минутъ.

Театръ Варьете уничтожаетъ всѣ наши традиціонныя представленія о пропорціи, времени и пространствѣ (Примѣръ: крошечная рѣшетка съ воротами—30 сант. высоты—помѣщенная посреди сцены, причемъ эксцентрическіе американцы проходятъ нѣсколько разъ въ эти ворота, тщательно затворяя ихъ за собою, какъ будто не могутъ поступить иначе).

14. Театръ Варьете предлагаетъ намъ всѣ разнообразные рекорды, достигнутые нынѣ: максимумъ эквилибризма и акробатизма, максимумъ мускульнаго неистовства негровъ, максимумъ развитія интеллекта животныхъ (ученыя лошади, слоны, тюлени, собаки, птицы), максимумъ мелодическаго вдохновенія Неаполитанскаго залива и русскихъ степей, максимумъ парижскаго остроумія, максимумъ сравнительной силы расъ (борьба и боксъ), максимумъ анатомическаго уродства, максимумъ женской красоты.

15. Театръ Варьете предлагаетъ всѣмъ странамъ, не имѣющимъ единой большой столицы (какъ Италія), блестящее резюме Парижа, разсматриваемаго, какъ единственный и захватывающій очагъ роскоши и ультра-культурныхъ удовольствій.

Футуризмъ желаетъ усовершенствовать театръ варьете, превративъ его въ

Театръ ошеломленія и рекорда.

1. Нужно уничтожить безусловно всякую логику въ спектакляхъ театра Варьете, необычайно преувеличить роскошь, умножить контрасты и доставить полновластное

господство на сценѣ неправдоподобному и нелѣпому (Примѣръ: заставлять пѣвицъ раскрашивать себѣ декольте, руки и особенно волосы всѣми красками, которыми до сихъ поръ пренебрегали въ качествѣ соблазна. Зеленые волосы, фіолетовыя руки, голубое декольте, оранжевый шиньонъ и проч. Прерывать шансонетку, продолжая ее революціонной или анархистской рѣчью. Пересыпать романсъ пышными фразами...).

2. Не допускать водворенія какой-бы то ни было традиціи въ театрѣ Варьете. Для этого бороться за уничтоженіе жанра парижскихъ обозрѣній съ ихъ compère и commère, сильно смахивающихъ на замѣну хора греческихъ трагедій, съ ихъ вереницами политическихъ персонажей и событій, подчеркнутыхъ каламбуромъ, съ ихъ скучными логикой и связностью. Долой логику и послѣдовательность въ идеяхъ! Театръ Варьете не долженъ смахивать на иллюстрированную газету.

3. Ввести неожиданность и необходимость дѣйствовать среди зрителей въ партерѣ, ложахъ и галлереяхъ. Примѣры на удачу: намазать клеемъ кресло, чтобы приклеившіеся господинъ или дама возбудили общее веселье. За испорченный фракъ или туалетъ разумѣется будетъ заплочено при выходѣ.—Продать одно и то же мѣсто десяти лицамъ; въ результатѣ—столкновеніе, споры и азартъ, Предлагать даровыя мѣста господамъ и дамамъ, завѣдомо тронувшимся, раздражительнымъ или эксцентрическимъ, способнымъ вызвать страшный гвалтъ непристойными жестами, щипками женщинъ и другими чудачествами.—Посыпать кресла порошкомъ, вызывающимъ зудъ, чиханіе и проч.

4. Систематически унижать классическое искусство на сценѣ, давая, напримѣръ, въ одинъ вечеръ всѣ греческія, французскія, итальянскія трагедіи въ сокращенномъ

изложенiи. Оживлять произведенiя Бетховена, Вагнера, Баха, Беллини, Шопена, прерывая ихъ неаполитанскими шансонетками. Выводить рядомъ на сценѣ Муне-Сюлли и Майоля, Сару Бернаръ и Фреголи. Исполнять симфонiю Бетховена съ конца. Стиснуть всего Шекспира въ одинъ актъ. Дѣлать тоже съ наиболѣе почитаемыми авторами. Поручить исполненiе *Сида* негру. Поручить исполненiе Эрнани актерамъ, наполовину завязаннымъ въ мѣшки. Натирать сцену мыломъ, чтобы вызвать забавныя скольженiя въ самый трагическiй моментъ.

5. Поощрять всѣми способами жанръ эксцентрическихъ американцевъ, ихъ эффекты курьезной механики, пугающаго динамизма, ихъ дикiя фантазiи, ихъ чудовищныя грубости, ихъ жилеты съ сюрпризами, и панталоны, глубокiя какъ бухты, откуда выйдетъ съ тысячью грузовъ, великое футуристское веселье, которое должно обновить лицо мiра. Ибо—не забывайте этого—*мы молодые* артиллеристы въ веселомъ настроенiи духа, какъ уже заявляли въ нашемъ манифестѣ, *Убьемъ лунный свѣтъ*.

Маринетти.

29 Сентября 1913 г.

Программа Футуристской политики.

Италiя—верховная властительница.—Слово Италiя должно преобладать надъ словомъ Свобода.

Всѣ свободы, кромѣ свободы быть трусами, пацифистами, анти-итальянцами.

Болѣе могущественный флотъ и болѣе могущественная армiя; народъ, гордящiйся тѣмъ, что онъ итальянскiй народъ, для войны, единственной гигiены мiра и для ве-

личія Италіи, интенсивно земледѣльческой, промышленной и торговой.

Экономическая защита и патріотическое воспитаніе пролетаріата.

Циническая, макіавеллевская и агрессивная внѣшняя политика.—Колоніальное распространеніе.—Свобода торговли.

Ирредентизмъ.—Паниталіанизмъ.—Супрематія Италіи.

Антисоціализмъ.—Антиклерикализмъ и изгнаніе папства. Культъ прогресса и скорости, спорта, физической силы, безразсуднаго мужества, героизма и опасности, противъ маніи культуры, классическаго образованія, музея, библіотеки и руинъ.—Упраздненіе академій и консерваторій.

Много практическихъ школъ, торговыхъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ.—Много институтовъ физическаго воспитанія.—Ежедневная гимнастика въ школахъ. Преобладаніе гимнастики надъ книгой.

Минимумъ профессоровъ, очень мало адвокатовъ и докторовъ, много агрономовъ, инженеровъ, химиковъ, механиковъ и дѣльцовъ.

Пренебреженіе къ покойникамъ, старикамъ и оппортюнистамъ въ пользу молодыхъ дерзающихъ.

Противъ маніи монументовъ и вмѣшательства правительства въ область искусства.

Насильственная модернизація пассеистскихъ городовъ (Римъ, Венеція, Флоренція и проч.).

Уничтоженіе археологической эксплоатаціи иностранцевъ (унизительной и ненадежной).

Эта программа уничтожитъ

ПРОГРАММУ

клерикально-умѣренно - либеральную

Монархію и Ватиканъ.
Ненависть и презрѣніе къ народу.
Традиціонный и опирающійся на воспоминанія патріотизмъ
Перемежающійся милитаризмъ
Клерикализмъ
Жадный протекціонизмъ и ограниченную свободу торговли
Культъ предковъ и скептицизмъ
Сенализмъ и морализмъ
Оппортюнизмъ и финансовую продажность
Полицейскія репрессіи и жестокость
Культъ музеевъ, руинъ и монументовъ
Археологическую эксплуата-

ПРОГРАММУ

демократически-республиканско - соціалистическую

Республику
Народъ суверэнъ
Пацифистскій интернаціонализмъ
Антимилитаризмъ
Антиклерикализмъ
Корыстную свободу торговли
Медіократію и скептицизмъ
Сенилизмъ и морализмъ
Оппортюнизмъ и финансовую продажность
Демагогизмъ
Культъ музеевъ, руинъ и монументовъ
Археологическую эксплоатацію иностранцевъ
Митинговую соціологію
Позитивистскій раціонализмъ
Идеалъ маленькой провинціальной Италіи, грязной и сантиментальной
Царство брюха и laissez aller

цію иностранцевъ
Новожденіе культуры
Академизмъ
Идеалъ археологической, набожной и подагрической Италіи
Царство брюха и laissez aller
Черную трусость
Пассеизмъ

Красную трусость
Пассеизмъ

Миланъ, 11 октября 1913.

За руководящую группу футуристскаго движенія

Маринетти—Боччони—
Карра—Руссоло.

Наше великое движеніе интеллектуальнаго освобожденія и обновленія могло родиться только въ Италіи, странѣ, болѣе жизненной, чѣмъ какая-бы то ни было другая, но и болѣе, чѣмъ какая-бы то ни было другая, раздавленной удивительнымъ прошлымъ. Нужно было, чтобы могущественная сила поднялась противъ гнетущаго культа этого прошлаго, въ тотъ самый моментъ исторіи, который рѣзко отдѣляетъ всѣ минувшія чувствительности человѣчества отъ побѣдоносно утверждающейся великой воздушной чувствительности.

BIBLIOTECA MARI
ANS
18260

ФРИДРИХЪ НИЦШЕ.

Такъ говорилъ Заратустра. Переводъ Ю. М. Антоновскаго. Изданіе 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Русскій читатель имѣетъ, наконецъ, не только полный, но и строго литературный переводъ книги, проведшей глубочайшую борозду въ душѣ современнаго человѣка.

А. ВЕРГЕЖСКІЙ. «Рѣчь». (25 янв. 1907 г., № 20).

Автобіографія. Ecce Homo. Полный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Ю. М. Антоновскаго. Цѣна 1 руб.

По снятіи ареста поступила въ продажу автобіографія Фридриха Ницше «Ecce homo», въ изданіи «Прометея», подъ редакціей и съ предисловіемъ Ю. Антоновскаго, небезызвѣстнаго русскаго перевд чика Ницше.

Книга эта никогда не переводилась въ Россіи съ нѣмецкаго подлинника, и самый подлинникъ этотъ составляетъ теперь библіографическую рѣдкость.

Готовый уйти изъ жизни, жертва уже безжалостно надвигающагося безумія, великій геній, теряющій разсудокъ, пишетъ одну изъ книгъ, гдѣ манія величія, переливающаяся въ истинную сатанинскую гордость, превосходитъ все, что только появлялось въ литературѣ на протяженіи 19-ти вѣковъ.

Сокрушающей маніей величія вѣетъ отъ самыхъ названій главъ этой книги: «Почему я такъ мудръ», «Почему я такъ уменъ», «Почему я пишу такія хорошія книги» и т. д.

— Я самъ еще не своевременъ,—нѣкоторые рождаются послѣ смерти. Нѣкогда нужны будутъ учрежденія, гдѣ будутъ жить и учить, какъ я понимаю жизнь и ученіе; будутъ, быть можетъ, учреждены особыя каѳедры для толкованія «Заратустры». Кто беретъ въ руки мою книгу, тотъ оказываетъ себѣ самую рѣдкую честь... Кто думалъ, что онъ что нибудь понималъ у меня, тотъ дѣлалъ изъ меня нѣчто подобное своему образу...

Но изумительно интересна, при всемъ томъ, эта послѣдняя книга генія, написанная наканунѣ безумія. Ницше перебираетъ здѣсь всѣ свои сочиненія и комментируетъ ихъ такъ, какъ это сдѣлали нашъ Гончаровъ или Альфонсъ Додэ. Многое темное становится послѣ ея прочтенія яснымъ. Все-таки комментарій писателя о самомъ себѣ лучше многотомныхъ изслѣдованій чужой души.

А. ИЗМАЙЛОВЪ. «Русское Слово». 4 февраля 1912 г.

Появленіе этой книги, вначалѣ арестованной, неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, а нынѣ освобожденной отъ ареста, слѣдуетъ живѣйшимъ образомъ привѣтствовать. Русскіе читатели, которыхъ такъ высоко ставилъ въ своемъ мнѣніи Ф. Н., отнесутся, конечно, къ этой книгѣ съ такимъ же интересомъ, какъ къ остальнымъ произведеніямъ геніальнаго мыслителя. Тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо замѣчаетъ Ю. М. Антоновскій, «Автобіографія Ницше является важнымъ пособіемъ къ пониманію творца Заратустры». Дѣло въ томъ, что автобіографія Ницше не является обычнымъ жизнеописаніемъ: «родился тогда-то, учился тамъ-то и т. д.», но представляетъ собою исторію эволюціи духа великаго философа, написанную имъ самимъ. Съ большою подробностью останавливается онъ на главнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ «По ту сторону добра и зла», «Такъ говорилъ Заратустра», «Сумерки идоловъ», «Вагнеръ, какъ явленіе» и др.

При свѣтѣ собственнаго истолкованія автора эти сочиненія пріобрѣтаютъ новый интересъ, а нѣкоторыя, недостаточно ясныя мѣста ихъ, становятся понятными.

«Всеобщій журналъ» 1912 г. Январь № 1

АБРАМОВИЧЪ, Н. Человѣкъ будущаго. Очеркъ философской утопіи Фр. Ницше. Ц. 50 к.

Авторъ беретъ ученіе Ницше лишь въ тѣхъ его чертахъ, изъ которыхъ слагается болѣе или менѣе стройная утопическая система будущаго. Идеи этой утопіи разбросаны у Ницше повсюду, но цѣльной, законченной схемы въ его сочиненіяхъ не имѣется. Авторъ стремится въ своемъ очеркѣ къ посильному разрѣшенію задачи сведенія къ единству и послѣдовательному цѣлому идей о царствѣ будущаго, выраженныхъ въ различныхъ афоризмахъ Ницше—очеркъ выполняетъ поставленную авторомъ цѣль.

(«Русскія Вѣдомости», 1 іюля 1908 г.).

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Томъ I. Литература и общественность . Ц. 1 р. 25 к.

Вѣчныя цѣнности.—Н. К. Михайловскій.—Жизнь и теорія.—«Народъ» и «интеллигенція».—Марксистская критика.

Томъ II. Творчество и критика . . . . . Ц. 1 р. 25 к

Талантливое сочинительство. — Еще о смыслѣ жизни.—Великій Панъ (М. Пришвинъ).—Алексѣй Толстой № 2-й.—Творчество А. Ремизова.—Мертвое мастерство (Д. Мережковскій).—Юродивый русской литературы (В. В. Розановъ).

Томъ III. Великія исканія . . . . . Ц. 1 р. 25 к.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Томъ IV. Левъ Толстой . . . . . Ц. 1 р. 25 к.

НЕСТОРЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

РЫЛѢЕВЪ. Съ иллюстраціями . . Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе. Роль поэзіи въ событіяхъ 14 декабря 1825 г.—Дѣтство Р.—Воспитаніе въ корпусѣ.—Чтеніе и мечты.—Походная жизнь Р. за границей.—Жизнь въ полку на родинѣ.—Женитьба, выходъ въ отставку и переѣздъ въ Петербургъ.—Первые поэтическіе опыты.—Ода «Къ Временщику» и первый успѣхъ.—Жизнь въ Петербургѣ, рѣзкія проявленія темперамента.—Служба въ палатѣ уголовнаго суда.—Р. въ кружкахъ литераторовъ.—Изданіе «Полярной Звѣзды» и Р. въ роли критика.—Лирическіе стихи на гражданскую и политическую тему.—«Думы» и отзывы о нихъ критики. — «Войнаровскій».—Послѣдніе годы жизни.—Вступленіе Р. въ сѣверное общество и работа въ немъ.—Политическіе взгляды и планы Р.—День 14 декабря.—Жизнь въ равелинѣ.—Послѣдніе стихи.—Приговоръ суда.—Казнь.—Личность Р. Императоръ Николай I о Рылѣевѣ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

С.А.ВЕНГЕРОВЪ.

Собраніе сочиненій.

Томъ I. Героическій характеръ русск. литературы. Ц. 1 р.
„ II. Писатель-гражданинъ Гоголь. Ц. 1 р. 25 к.
„ III. Константинъ Аксаковъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Ц. 1 р. 50 к.

Въ чемъ очарованіе русск. литературы XIX вѣка Ц. 15 к.

Русская поэзія. (1333 стр. съ 23 портретами). Ц. 8 р.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Въ шести томахъ. Ц. 17 р. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Вышли изъ печати 1—10 т. Ц. каждаго тома 1 р. 75 к.

ВѢТРИНСКІЙ, Ч.

ГЕРЦЕНЪ. Съ 20 иллюстраціями, біографіей и библіографіей. 532 страницы. Ц. 3 р.

„... Книга г. Вѣтринскаго—первая попытка дѣйствительно серьезной работы о жизни и литературныхъ произведеніяхъ Герцена. Все, что имѣлось до сихъ поръ, писано было въ такую эпоху, когда о Герценѣ приходилось говорить эзоповскимъ языкомъ... Г-нъ же Вѣтринскій говоритъ почти полнымъ голосомъ, и потому теперь на вопросъ, что есть въ русской литературѣ о Герценѣ, можно смѣло указать на его книгу“.
(„РѢЧЬ“, августа 1908 г. № 187).

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ОЧЕРКИ О

жизни и дѣятельности русскихъ писателей.
Бѣлинскій, Некрасовъ, Гоголь, Тургеневъ.
Цѣна каждаго выпуска 20 к.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ПУТЕВОДИТЕЛИ

по ПАРИЖУ, ЛОНДОНУ и РИМУ.

Составилъ Н. Лаговъ.

Цѣна каждаго путеводителя въ коленкоровомъ переплетѣ — 2 р.

... «Въ высшей степени толковые и практичные путеводители Лагова являются полезными книгами въ особенности для тѣхъ, кто мало или почти совсѣмъ незнакомъ съ Западной Европой. Масса очень хорошихъ снимковъ зданій музеевъ, картинъ, статуй, плановъ и проч. даютъ возможность легко оріентироваться и не пропустить осмотрѣть все интересное, художественное или замѣчательное»...

• • •

«Книга Н. М. Лагова можетъ послужить прекраснымъ руководствомъ для лицъ, ѣдущихъ въ Италію и не располагающихъ большими средствами»...

„*Нива*“. Мартъ.

... „Гиды (Лагова) сработаны по заграничному: компактны, безъ болтовни, въ высшей степени удобны для пользованія... Они вездѣ ведутъ и все показываютъ“...

„*Новое Время*“. 30 января 1912 г.

БЕРТРАНЪ. Алгебра. Ч. I. Съ приложеніемъ задачъ и ихъ рѣшеній. Составлено М. Пирожковымъ. Изданіе третье. Ц. 3 р.
„ Ч. II. Ц. 2 р.

ШАПИРО, I. Ученіе о коопераціи. Теорія, исторія и практика. Ц. 1 р. 25 к.

ЖИДЪ, ШАРЛЬ. Кооперація. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Ѳ. Тотоміанца. Ц. 1 р. 25 к.

СМИРНОВЪ. Краткій народный словарь. Пособіе при чтеніи газетъ и популярныхъ брошюръ. Ц. 10 к.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

В. БРУСЯНИНЪ.

БѢЛЫЯ НОЧИ. Романъ. 1 р. 25 к.

МОЛОДЕЖЬ. Романъ. 1 р. 25 к.

ТРАГЕДІЯ МИХАЙЛОВСКАГО ЗАМКА. Романъ-хроника изъ эпохи Императора Павла I. 1 р. 50 к.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Океанъ. Трагедія въ 7 картинахъ. Рисунки художника Б. Анисфельда. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЯТИНСКІЙ, кн. В. В. Комедія смерти. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Н. Pro scena sua. Режиссура. Лицедѣи. Послѣднія проблемы театра. Ц. 1 р. 50 к.

МАРИНЕТТИ. Футуризмъ. Ц. 80 к.

ГАРТЕВЕЛЬДЪ, М. Ночные соблазны. Стихи. Ц. 50 к.

МОРОЗОВЪ, ИВ. Разрывъ-трава. Стихотворенія съ предисловіемъ Максима Горькаго. Ц. 40 к.

КНЯЗЬ В. В. БАРЯТИНСКІЙ. Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I — Ѳедоръ Кузьмичъ). Изданіе 2. Съ многочисл. иллюстраціями. Ц. 1 р. 25 к.

МИХАЙЛОВЪ, К. Н. Императоръ Александръ I — старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ. Съ многочисленными иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

П. САЛОМАТИНЪ.

КАКЪ ЖИВЕТЪ И РАБОТАЕТЪ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Цѣна **60** коп.

РУБАКИНЪ, Н. А.

Исторія русской земли. Книга первая. 25 к. Книга вторая. 20 к. Русская земля милліоны лѣтъ тому назадъ. Русская земля тысячи лѣтъ тому назадъ. Люди въ незапамятную старину.

Птичьи гнѣзда. (Искусство въ царствѣ животныхъ). Съ 37 рисунками. 50 к.

Путешественники и переселенцы въ царствѣ животныхъ. Съ 11 рисунками. 25 к.

Какъ, когда и почему появились люди на землѣ. Съ 56 рисунками. 40 к.

Какъ и когда народы научились говорить каждый на своемъ языкѣ. 15 к.

Дѣдушка-Время. Новогодняя сказка, разсказанная Книжнымъ Червякомъ. Ц. 35 к.

БУРСА.

ИЛАРІЯ ШАДРИНА.

368 страницъ. Ц. 1 р. 50 к.

«Много тутъ написано правдиваго и скорбнаго и о семинарской учебѣ и о семинарской религіозности, и о надзорѣ».

Старообрядческій епископъ *Михаилъ*.

«Достоинство г. Шадрина—добросовѣстность и знаніе дѣла».

А. Измайловъ. «Биржевыя Вѣдомости».

«Бурса» г. Шадрина—человѣческій документъ, заслуживающій самаго серьезнаго вниманія».

А Ожиговъ. „Современное Слово“.

ВЛАДЫКА.

Повѣсть К. ТРЕНЕВА.

См. второй сборникъ „Прометей“. Ц. 50 к.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б, ПОВАРСКОЙ, 10.

ЗАПИСКИ

княгини Маріи Николаевны ВОЛКОНСКОЙ.

Перев. съ французс. оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

• • •

ЗАПИСКИ

жены декабриста, П. Е. АННЕНКОВОЙ.

(Pauline Gueuble).

Вступительная статья и примѣчанія П. Е. Щеголева. Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

• •

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ.

ПУШКИНЪ. Очерки. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: „Зеленая лампа“.—Утаенная любовъ.—Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина.—Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 г.—Пушкинъ въ процессѣ 1826—1828 г.г.—Дуэль Пушкина съ Дантесомъ.

Императорской Академіей наукъ удостоено преміи имени Пушкина.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: А. Н. Радищевъ въ 1789 году.—Дѣтство Гоголя. — Семенъ Олейничукъ. — Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.—Грибоѣдовъ и декабристы.—Катехизисъ С. И. Муравьева-Апостола. — Декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской. — Жены декабристовъ.

ПЕСТЕЛЬ, П. И. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Е. Щеголева. Ц. 1 р.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

НОВАЯ БУРСА

ЛЕОНИДА ДОБРОНРАВОВА.

235 страницъ. Ц. 1 р. 50 к.

... Добронравовъ умѣетъ подмѣчать язвы новой духовной школы. Воистину типиченъ для нея налетъ іезуитизма, идущаго отъ начальниковъ и встрѣчающаго свѣтлое настроеніе учащихся. Это дѣйствительно то, чего не знаетъ свѣтская школа, какъ не знаетъ и «того карьеризма начальниковъ, не дѣлающихъ педагогическаго дѣла, но въ перегонку выслуживающихъ митры и панагіи. Надо отдать честь Д—у,—черты начальства, шпіонствующаго и выслуживающагося, у него зарисованы съ правдивостью.

А. Измайловъ. „*Бирж. Вѣд.*“, 26/IX—1913 г., „*Новое Слово*“, сентябрь, 1913 г.

«Сколько разъ,—говоритъ... тонкій авторъ «Новой Бурсы»,—я думалъ о семинаріи съ гнѣвомъ и любовью. Я знаю, за что ее ненавижу, и не знаю, за что люблю. Я чувствую, подходя къ ея дверямъ, какъ закрывается моя душа и входитъ въ меня новое, чужое, привитое въ этихъ стѣнахъ»...

Ненавижу и люблю...

Навѣрное, многіе изъ питомцевъ духовной школы повторятъ за Добронравовымъ эти слова...

Глумятся надъ пробужденной жаждой знанія.

... И всего больше глумятся надъ религіознымъ чувствомъ въ то время, какъ религіозное окружаетъ каждый шагъ „бурсака“, такъ или иначе занимаетъ три четверти его дня и такъ или иначе крѣпко спаивается съ душой.

Старообр. еп. **Михаилъ.** «*Бирж. Вѣд.*» 14 іюня 1913 г.

Авторъ рисуетъ такую глубоко мрачную картину внутренней жизни семинаріи (повидимому, одной изъ столичныхъ), что, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, своею безотрадностью она далеко превосходитъ то, что полъвѣка назадъ повѣдалъ Помяловскій. Я считаю своимъ долгомъ рекомендовать эту книгу вниманію читателей.

Д. Пантелѣевъ. „*Рѣчь*“ 6 окт. 1913.

Слабые ростки достоинства, едва мелькавшіе у бурсаковъ Помяловскаго, здѣсь уже пышно возросли. Чувствуется всякое униженіе; рѣзко и больно ощущается насиліе. И для этого возросшаго достоинства новая школа даетъ больше ударовъ, чѣмъ имѣвшая дѣло со спящей личностью ученика старая бурса.

И. Игнатовъ. „*Русск. Вѣдомости*“.

Г. БУШАНЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ НАРОДОВѢДѢНІЕ

при участіи А. Виганъ (сѣверная, центральная и западная Азія), В. Крикебергъ (Америка). Р. Лашъ (введеніе), профессора Ф. Лушанъ (Африка), проф. В. Фольцъ (Южная и Восточная Азія).

Переводъ съ нѣмецкаго и редакція

Н. БЕРЕЗИНА.

156 иллюстрацій. Ц. 1 р. 50 к.

ДАСТРЪ, А., проф. Жизнь и смерть. Переводъ съ 12 франц. изданія Б. С. Бычковскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ШТЕНБЕРГЕНЪ, А. Интуитивная философія Анри Бергсона. Переводъ Б. Бычковскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ФРЕЙДЪ, З., проф. Леонардо-да-Винчи. Воспоминанія дѣтства. Ц. 50 к.

КАМИЛЛЪ ФЛАММАРІОНЪ. Невѣдомыя силы природы. Переводъ съ французскаго (съ 40 рис.). 2 р.

Эта книга извѣстнаго астронома Фламмаріона посвящена изслѣдованію „невѣдомыхъ“ силъ въ природѣ. Излагая наблюденія и опыты въ области такъ называемаго спиритизма, какъ свои собственные, такъ и другихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ: Крукса, проф. Тури и др., авторъ признаетъ существованіе въ природѣ чего-то *„таинственнаго“* и *„невѣдомаго“* и даетъ въ то же время вполнѣ научное объясненіе всѣмъ этимъ явленіямъ, разоблачая попутно плутни, мистификаціи и жонглерства, практикуемыя нѣкоторыми медіумами. Этому вопросу посвящена цѣлая глава.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

„ПРОМЕТЕЙ“

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СБОРНИКИ.

Избранныя произведенія современной русской литературы.

Книга первая.

Яблочковъ, Г. Операція. Гибель «Звѣзды».—Аникинъ, С. Молотьба.—Сургучевъ, И. Ванькина молитва. Родители. — Садовской, Б. Яблочный царекъ.—Никандровъ, Н. Береговой вѣтеръ.—Вознесенскій, Ал. Стихотворенія.—Верхоустинскій, Б. Во лѣсяхъ. — Гринъ, А. Островъ Рено. Проливъ бурь. — Преміровъ, М. Кабакъ. — Карповъ, Н. Стихотвореніе. — Ауслендеръ, С. Гансъ Вреденъ . . . . . 318 страницъ. Цѣна 50 к.

Книга вторая.

Прибой, А. По темному.—Никандровъ, Н. Во всемъ дворѣ первая.—Сургучевъ, И. Сосѣдка.—Яблочковъ, Г. Старикъ Пѣтуховъ. — Измайловъ, А. Бѣлый дурманъ. — Треневъ, К. Владыка. . . . . Цѣна 50 к.

„Идея «Прометея» безусловно удачна... Шансы на успѣхъ сборниковъ очевидные, вѣскіе...“

И. ГУРВИЧЪ. („Вѣстникъ Литературы“).

„Въ сборникѣ «Прометей» читатель встрѣчаетъ произведенія слова, отмѣченныя несомнѣнной печатью яркаго таланта...“

„ВЯТСКАЯ РѢЧЬ“.

„Цѣлью книг-ва является—дать хрестоматіи современной русской литературы... Дешевая цѣна сборниковъ обезпечитъ имъ широкое распространеніе въ массахъ...“

„ЗАВѢТЫ“. А. КРАТОВЪ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ИВ. ВОЛЬНОВЪ.

ПОВѢСТЬ О ДНЯХЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Крестьянская хроника. Ц. 1 р. 25 к.

Отзывы печати. Повѣсть яркая, глубоко волнующая, захватывающая силой и правдивостью художественнаго изображенія деревенскаго міра... Ив. Вольновъ далъ намъ изображеніе деревенскаго міра, рѣдкое по силѣ и яркости. Есть образы незабываемые, есть потрясающія страницы, трогательныя до слезъ...

Іюль, 1913 г. „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Мучительное очарованіе заключено въ этой книгѣ. Читать ее тяжело, мѣстами нестерпимо, а отказаться невозможно.

„РѢЧЬ“—10 іюня 1913 г. С. Ауслендеръ.

Не хочется передавать содержанія этой книги, этой необыкновенной книги. Да и не передать, п. ч. душа этой книги не во внѣшнемъ содержаніи, п. ч. корни ея сокрыты глубоко.

„ДЕНЬ“—17 іюня 1913 г.

Крестьянская хроника г. Вольнова является безусловно выдающимся произведеніемъ. Она написана съ необычайной простотой и искренностью, съ красивой и скромной правдивостью и точностью. Мѣстами, благодаря этой простотѣ и правдивой искренности, нѣкоторыя страницы хроники положительно обращаются въ трагедію, сдѣланную большимъ художникомъ, трагедію незабываемую, трагедію высокой жуткости.

„СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО“—30/II—13 г. Ал. Ожиговъ.

При многихъ внѣшнихъ недостаткахъ, при предвзятой грубости общаго тона и нѣкоторой склонности автора сгущать темныя краски, повѣсть г. Вольнова выдѣляется въ ряду книгъ, посвященныхъ деревенскому быту, и свидѣтельствуетъ о присутствіи у автора несомнѣннаго художественнаго дарованія.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“—6 іюля 1913 г.

Книгу долженъ прочитать каждый русскій человѣкъ, онъ (Вольновъ) сдѣлалъ ею хорошее, нужное дѣло.

„РОССІЯ“—3 іюля 1913 г.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. В.

Паутина. Романъ. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
Аглая. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Раздѣлъ. Романъ. (455 страницъ). Ц. 2 р. 25 к.
Викторія Павловна. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Дочь Викторіи Павловны. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Марья Лусьева за-границей. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Женское нестроеніе. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 25 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Противъ теченія. Ц. 1 р.
Антики. Ц. 1 р. 25 к.

„А. В. Амфитеатровъ ярко талантливъ, много на своемъ вѣку видѣлъ и между прочими достоинствами обладаетъ однимъ превосходнымъ и рѣдкимъ, какъ бѣлый воронъ среди черныхъ, достоинствомъ— великолѣпнымъ русскимъ языкомъ, богатымъ, сочнымъ, своеобычнымъ, но въ то же время безъ вывертокъ и щегольства... Это настоящій писатель, отмѣченный при рожденіи поцѣлуемъ Аполлона въ уста“.

„Русское Слово“ 20. XI. 1910. А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

СТЕПНЯКЪ-КРАВЧИНСКІЙ, С. М.

Собраніе сочиненій подъ редакціей С. А. Венгерова.

Томъ I. Штундистъ Павелъ Руденко. Ц. 1 р.
„ II. Подпольная Россія. Ц. 1 р.
„ III. Домикъ на Волгѣ. Ц. 1 р.
„ V. Эскизы и силуэты. Ц. 1 р.
„ VI. Критика и публицистика. Ц. 1 р.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

КЕЛЛЕРМАНЪ

Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ.

Переводы: З. Журавской, А. Даманской, Б. Бычковскаго.

Томъ I. Идіотъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к
„ II. Море. Романъ. Ц. 1 р.
„ III. Ингеборгъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ IV. Туннель. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Въ духѣ и стилѣ Кнута Гамсуна выдержана эта книга („Море“). Островъ моряковъ напоминаетъ тотъ Шекспировскій островъ, на которомъ обиталъ безобразный Калибанъ... Въ этомъ „пріятномъ міркѣ“ люди нерѣдко теряютъ Божій образъ и подобіе... И все-таки это больше жизнь, чѣмъ та, которую ведемъ мы... Изъ этой дикости... Келлерманъ создалъ нѣчто своеобразное и увлекательное, слилъ пейзажъ и человѣческія фигуры въ одну причудливую картину...

Ю. Айхенвальдъ.

Вся книга о морѣ, это—зовъ, кличъ, на который хочется откликнуться изъ плѣна культурныхъ городовъ...

— Викарій Грау (герой романа „Идіотъ“) напоминаетъ многими чертами князя Мышкина... Вся эта книга пронизана лунной тишиной, тихимъ лунатичнымъ безуміемъ и прозорливостью... Книга прочитана, и въ сердцѣ тихая печаль... Романъ „Ингеборгъ“—это книга о молодости и весеннемъ безуміи, о любви и знойныхъ страданіяхъ, и счастьѣ, которое дѣлаетъ „мудрымъ и добрымъ“.

— Кто разъ заглянулъ въ творческій ликъ такого поэта, какъ Келлерманъ, тотъ благодарно и навсегда удержитъ его въ своей памяти.

А. Даманс

„Идіотъ“ это пѣснь любви, готовой на подвигъ и самопожертвованіе, любви дѣятельной и творческой, которой, можетъ быть, держится міръ.

— „Туннель“—гимнъ бодрому, здоровому культурному труду.

— Бернгардтъ Келлерманъ—одинъ изъ самыхъ талантливѣйшихъ нѣмецкихъ беллетристовъ, блестящій художникъ слова... Всѣ произведенія К.,—это сплошное словословіе бытія, нескончаемый псаломъ сердца, патетическая симфонія Духа и Разума.

„Одесская Жизнь“.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ

Собраніе сочиненій съ предисловіемъ

ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

Томъ I. Морской волкъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ II. Обреченные. Игра. Ц. 1 р.
„ III. Вѣра въ человѣка. Разсказы. Ц. 1 р.
„ IV. Приключенія рыбачьяго патруля. Ц. 1 р.
„ V. Сынъ волка. Лунный ликъ. Ц. 1 р.
„ VI. Голосъ крови. Повѣсть. Ц. 1 р.
„ VII. Сынъ Солнца. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ VIII. Дочь Снѣговъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ IX. Бѣлый Клыкъ. Повѣсть. Ц. 1 р.
„ X. Мартинъ Идэнъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ XI. До Адама. Повѣсть. Ц. 1 р.
„ XII. Приключеніе. Романъ Ц. 1 р. 25 к.
„ XIII. Когда боги смѣются. Разсказы. Ц. 1 р.
„ XIV. Любовь къ жизни. Ц. 1 р.
„ XV. Мои скитанія. Ц. 1 р.
„ XVI. Дѣти тропиковъ. Ц. 1 р.

Чудесный талантъ!.. Въ Джэкѣ Лондонѣ я люблю его спокойную силу, твердый и ясный умъ, гордую мужественность... И молодому Джэку Лондону принадлежитъ славное мѣсто среди сильныхъ. Талантъ его свѣжъ и проченъ, выдумка богата, опытъ огроменъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

... Экзотическія повѣсти Джэка Лондона производятъ чарующее, неотразимое впечатлѣніе.

А. КУПРИНЪ.

Въ лицѣ Лондона мы имѣемъ дѣло съ крупно одареннымъ художникомъ, истиннымъ поэтомъ «Божіею милостію». Отъ души привѣтствуемъ переводъ бодрыхъ, здоровыхъ, ясныхъ разсказовъ Джэка Лондона.

„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“.